СЕРИЯ «КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА»

**Владимир
Мацкевич**

Вопреки очевидности

АГЕНТСТВО
ГУМАНИТАРНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

УДК 318
ББК 83

Мацкевич В.
Вопреки очевидности / Владимир Мацкевич. — Невский простор. 2006. — 210 с.

ISBN 5-94716-032-3

В настоящий сборник включены ранее опубликованные тексты беларусского методолога и философа Владимира Мацкевича: «Беларусь: вопреки очевидности» (1994 г.), «Беларусская демократия: вопреки очевидности» (1996 г.), «Политика: средство или цель» (1997 г.).
Первая книга серии «Культурная политика»

УДК 318
ББК 83

Издатель и автор выражают свою признательность
Вячеславу Чернявскому, Татьяне Пошеваловой, Ирине Сухий,
Андрею Егорову, Ирине Капарихе, Ирине Белой, Максиму Марозу,
Владу Величко, Елене Тонкачевой, Денису Гилю, Леониду Калитене,
Инне Жизневской, Геннадию Самусевичу, Николаю Кацуку,
Татьяне Водолажской, Светлане Мацкевич, Виктору Лисинецкому,
Валерии Стукиной, Марии Ковальчук, Анатолию Швецову,
без помощи которых это издание вряд ли бы увидело свет.

В будущих изданиях серии «Культурная политика» планируется выход ранее не публиковавшихся в Беларуси книг Владимира Мацкевича:

«Вызывающее молчание»
«Полемические этюды об образовании»
«Введение в теорию систем. Сборник лекций»

ISBN 5-94716-032-3

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Книгой, которую вы держите в руках, Агентство Гуманитарных Технологий открывает издательскую серию «Культурная политика», в которую войдут произведения беларусского методолога и философа Владимира Мацкевича. В настоящий сборник включены ранее опубликованные тексты: «Беларусь: вопреки очевидности» (1994 г.), «Беларусская демократия: вопреки очевидности» (1995 г.), «Политика: средство или цель» (1997 год). Мы посчитали возможным переиздать эти тексты под общим названием «Вопреки очевидности».

Владимир Мацкевич не пишет абсолютно новых книг, но продолжает кирпичик за кирпичиком творить концепцию Беларуси — то чего нет, но должно быть. Начиная с «Наивного путешествия в Беларусь» (1994 г.) автор не перестает открывать Беларусь как terra incognita, и шаг за шагом познает ее так, как никто другой из современных беларусских интеллектуалов. В написанном парадоксально связывается непосредственность и наивность взгляда с глубокой историчностью и остротой гуманитарного знания, полемичность стиля и обоснованность суждений. Автор подходит к исследованию Беларуси как к незнаемому, еще неизведанному, проблемному. Ему недостаточно довольствоваться поверхностными очевидностями. Он не пытается описать или объяснить Беларусь, он предлагает ее думать. Для этого необходим весь инструментарий современного гуманитарного знания. И этот инструментарий у автора есть. Метод и особые процедуры «исследования действием» переводят написанное Мацкевичем из разряда обыденных «мнений по поводу» на уровень обоснованных, если хотите, достоверных суждений. Именно потому эти суждения не равны любым другим и требуют особого к ним отношения. К каждому выводу автора применимы процедуры критики, верификации и фальсификации, но они верны, пока не доказано иное или не предъявлено более обоснованное рамочное суждение. В этом состоит авторский призыв-вызов беларусскому интеллектуальному сообществу: читать, критиковать, спорить, исследовать и вместе думать Беларусь.

Оглавление

Алексей Бабайцев

ГЛУБИНА ЗРЕНИЯ, ИЛИ КАК МАЦКЕВИЧ ВГЛЯДЫВАЕТСЯ В БЕЛАРУСЬ?[1]

«Очевидно» — слово, указывающее на определенное состояние восприятия или мысли: нечто стало «видимым», представленным, изображенным, т. е. очевидностью. Тонкое различие между очевидностью и тем, что ею стало, определяет границу между обыденным сознанием и рефлектирующим интеллектом. Обыденное сознание довольствуется очевидностью, наделяя ее значением достоверности, воспроизводит ее и ею же воспроизводится. Рефлектирующее мышление начинается с вопросов: «Откуда взялась эта очевидность? Как она возникла?» Здесь-то, собственно, и начинаются проблемы.

I

Год назад журнал «Культурная политика» опубликовал цикл эссе Владимира Мацкевича под общим названием «Беларусь: вопреки очевидности». Те, кто имел возможность познакомиться с этим текстом, могли оценить и яркий полемический стиль, и необычность подхода, и, наконец, хороший современный философский язык.

Проблема беларусского феномена, ставшая тогда предметом авторского размышления, не перестает и сегодня взывать к нашему разуму. Не

[1] Этот текст был написан Алексеем Бабайцевым в качестве послесловия к книге В. Мацкевича «Беларусская демократия: вопреки очевидности» (1995 г.). С согласия автора мы посчитали возможным включить «Глубину зрения, или ...» как предисловие к настоящему изданию. — *Прим. ред.*

к эмоциям, не к инстинктам — к разуму. «Думать Беларусь» — этот лейтмотив стал своего рода обращением к национальной интеллигенции, к ее совести и нравственному долгу, вопрошанием ее исторической функции. Однако проблема не локализуется только в области практического разума. Несмотря на то, что проблема Беларуси формулируется сегодня по-гамлетовски просто: быть или не быть, выдержать мысль один на один с такой проблемой может далеко не каждый. Более того, один — вообще не может. «Думать Беларусь» есть, во-первых, вопрос организации интеллектуальной кооперации, коммуникации и диалога, а во-вторых, вопрос метода, соразмерности средств и инструментальной оснащенности разума. И то и другое определяется наличием того, что Владимир Мацкевич называет «экраном» или «доской», т. е. действительностью мыслительной работы. Только «внесение экрана» в беларусскую ситуацию позволяет придать ей культурные (и, как ни странно, нравственные) параметры, создает возможность для рационального действия.

Итак, заявка сделана по-крупному и первый ход был сделан. Вопрос, как всегда, в продолжении. Сказавший «а» должен сказать и «б». Год — хороший срок для обдумывания и осуществления следующего хода. И вот продолжение — новая культурно-политическая работа методолога, на этот раз «Беларусская демократия: вопреки очевидности». Изменился предмет размышлений, но авторская манера по-прежнему узнаваема — все тот же блестящий стиль и беспощадность суждений. Впрочем, этот текст — не просто размышление автора над проблемами становления демократических институтов в Республике, а своего рода «отчет о проделанном» социо-политическом эксперименте. Таким экспериментом для В. Мацкевича стали весенние выборы в Верховный Совет и его собственная предвыборная кампания как кандидата от Объединенной демократической партии. Участие в выборах, которое сам автор склонен рассматривать как «исследование действием», дало, конечно, богатейший материал для анализа, а смена политического самоопределения на исследовательское отношение позволила отстраниться от ситуации борьбы и политической конъюнктуры, расширить горизонты понимания, рассмотреть культурно-политический смысл событий. Проделывать подобную смену на самом себе не так уж и просто, как может показаться. Ведь судить за ошибки и поражения приходится в том числе и себя. Политика — не физическая лаборатория, а в выборах нельзя участвовать «понарошку». То, что никогда не признают политики, культурный политик обязан высказать, чтобы затем иметь право быть беспристрастным.

Политик-исследователь — фигура безусловно экзотическая, как говорится, не от хорошей жизни, но тем не менее неслучайная. Удельный вес аналитической работы в общей инфраструктуре политической деятельности у нас ничтожен, а способность к интеллектуальной кооперации у беларусских политиков атрофирована напрочь мистическим «знанием своего народа». Врожденные идеи какие-то, просто диву даешься! Исследователь,

оказавшись в этой ситуации, вынужден сам становиться политиком, единым в двух лицах. Однако проблему можно увидеть еще и с другой стороны. В Беларуси отсутствует автономное поле свободного интеллектуального труда. Катастрофичность ситуации в этой области такова, что всякая демонстрация подлинной интеллектуальной работы в этих условиях становится, воистину, актом политического действия, требующим недюжинного мужества, собранности и воли. Рефлектирующий интеллект, обнаруживающий себя включенным в борьбу за власть (а борьба ведется за власть над умами), не может не обратиться к исследованию самого поля, на котором ведется борьба и сталкиваются интересы. Так, если оставить в стороне вопрос о средствах, фигура культурного политика получает свое внутреннее оправдание и смысл, а исследование условий функционирования демократии становится обязательным «пунктом программы». Такова, примерно, ситуация написания текста, и зависти к автору она почему-то не вызывает, впрочем, не только к автору, поскольку ситуация эта в существенных своих чертах наша общая.

II

Определить жанр самой работы достаточно сложно. От периферии газетной политической публицистики ее выгодно отличает широта взгляда и многоаспектность, выраженность концептуального плана. Ориентация на достаточно широкую аудиторию не позволяет вместе с тем считать ее и специально исследовательским текстом. Все же дух публицистики чувствуется в нем сильно. Полемический задор и нарочитая резкость характеристик весьма ярко его проявляют. Перед нами образец так популярного в сов-ременной гуманитарии эссеизма, удобство и сильные стороны которого В. Мацкевич умело использует. Текст хорошо оборудован или, как любит выражаться сам автор, «инсталлирован» для читательского восприятия. Три введения, предваряющие основной текст «Беларусская демократия: вопреки очевидности» и задающие его небезосновательность, способны отпугнуть неискушенного читателя, испорченного нехитрым ассортиментом статей-однодневок «фельетонной эпохи», но для серьезного и вдумчивого чтения они являются важным подспорьем, позволяющим восстанавливать рамки содержания, метода и действия.

Первое введение предназначено скорее для коллег по подходу, хотя значительные отсылки к литературе оставляют возможность для восстановления исходных горизонтов. В этом введении обозначаются содержательные основания работы с позиций системо-мыследеятельностного подхода. Эти основания требуют особенно пристального внимания, поскольку они нетривиальны, а игнорирование подобных оснований всегда грозит породить заведомо дефицитное по отношению к тексту понимание. Грубо говоря, обсуждаемая здесь проблема заключается в том, что обращение к плюралистическим и полиподходным формам мышления, особенно характерным для институтов функционирования современной демократии, требует

принципиального усложнения методологического аппарата, а именно: увеличения мерности базовой топики или, иначе говоря, пространства рефлексивного рассмотрения и удержания самого мышления. Добавляемую размерность, по гипотезе В. Мацкевича, образует прагматика: ценности, установки, интересы и пр. Что это означает практически? Это означает, что все организованности мышления, например понятия, должны теперь рассматриваться нами не только как задающие тот или иной идеальный объект, не только как средства и инструменты, включаемые в ту или иную оперативную систему мышления, но и как «представляющие интерес», имеющие значимость и ценность для кого-то.

Сама проблема прагматики, конечно, не нова, а вот подходная ее постановка достаточно оригинальна. Впрочем, с моей точки зрения, пока уместнее было бы говорить о переакцентировке в системе методологической работы. Введение прагматики в подходные основания позволило сместить акценты, ввести в рассмотрение новый материал, произвести своеобразную легитимацию области прагматики. Однако все же этот ход пока не привел к изменению оперативного строя подхода — схемы в своей основе остаются теми же. В этом контексте институты функционирования современной демократии рассматриваются автором как особенно удобный исследовательский плацдарм для подтверждения или опровержения собственной гипотезы, а проведенное исследование — как новый опытный материал.

Второе введение носит общегуманитарный характер. Здесь обсуждается ряд базовых принципов современного метода гуманитарного исследования. Это введение можно рассматривать как задающее общеметодологические основания осуществленного В. Мацкевичем «исследования действием».

Третье введение представляет собой сжатое описание собственно «экспериментального» действия. Оно задает эмпирическое или опытное основание авторских суждений.

Столь тщательно демонстрируемая автором забота о небезосновательности собственных выводов — не просто проявление методологической культуры и профессионального comme il fayt, а намеренное противостояние и вызов разгулу беспринципности (в смысле отсутствия не только нравственных, но и логических принципов), безответственности, безграмотности и резонерства, охватившему область компетентного и профессионального суждения, все этажи социальной структуры без исключения. И именно это, а вовсе не «дурная власть», по мысли автора, является главным тормозом на пути демократических преобразований в стране, ее развития в целом. Лукашенко есть порождение неопрятности и неряшливости мышления беларусской интеллигенции и формирующихся протоэлит. Как ни странно, этот тезис и задает главный стержень всей работы В. Мацкевича. Все остальное есть извлечение позитивных и негативных следствий. Тезис В. Мацкевича конечно же вызывает ассоциации, в первую очередь, с рос-

сийскими «Вехами». Социальный диагноз, поставленный авторами этого знаменитого сборника, по-прежнему актуален и точен в своем нравственном и этическом измерении. Мыслить точно — нравственный долг интеллигента. Беларусская интеллигенция забыла о своем долге и этим лишила себя возможности достойного человеческого существования, а собственную родину бросила на поругание хаму.

Концептуальная же сторона авторского тезиса, по существу воспроизводящего социо-политическую интерпретацию кантианского аргумента критики способности суждения, заключается в полагании этого аргумента системообразующим элементом современных форм демократии. Структуры профессиональной коммуникации, организация критики и анализа политических суждений, процессы образования и внутрипрофессиональной конкуренции рассматриваются В. Мацкевичем как один из несущих элементов института демократии, вне которых последний не может ни мыслиться, ни существовать.

Такое концептуальное полагание позволяет автору произвести анализ и оценку основных функционирующих институтов беларусской демократии на срезе, по-прежнему недоступном для беларусских политиков и никак не учитываемом в планировании политической деятельности и в структурах принятия решений.

III

Далее мы лишь очень кратко проследим то, как принятый автором «критический императив» приводит его к тем или иным выводам. Основной текст работы состоит из ряда разделов или глав, названия которых представляют собой четко выраженную схему авторской аспектизации, задаваемую конъюнкцией вида «Выборы и ...». В качестве второго аргумента в ней фигурируют понятия казалось бы далекие друг от друга: избиратели, знание, логика, нравственность, семиотическая среда, деньги, партии, власть, персоналии, кандидаты, масс-медиа. Тем не менее соответствующие им аспекты анализа удивительным образом «хитросплетены» на том странном срезе, который становится видимым лишь в луче критики собственного суждения. Так, примитивизм и пустая декларативность предвыборных лозунгов и «программ» делают призрачной фигуру избирателя: избирать некого и нечего, а суета кандидатов и их «команд» в отсутствие профессиональной аналитической работы может рассматриваться только как симуляция политической деятельности. Но точно то же можно сказать о беларусских партиях, политиках и властях. Неразвитость интеллектуальной инфраструктуры политики (аналитики, мониторинга, консалтинга, партийной учебы, экспертизы и пр.) делает саму политику в буквальном смысле неописуемой, т. е. абсурдной. Опыт предвыборной кампании позволил автору выявить и описать целый ряд абсурдных явлений и характеристик беларусской демократии (например, положительно отвечая на все четыре вопроса референдума, часть избирателей одновременно голосовала за лидера БНФ).

Но особенно важен по отношению к таким явлениям правильный выбор объяснительной схемы. Как уже сказано выше, автор рассматривает их как системные эффекты, как проявления дефектов инфраструктуры, связанных с неразвитостью аналитического и критического звена. С такой точкой зрения особенно контрастируют объяснительные схемы политиков Народного фронта, которые либо усматривают за этими проявлениями только злонамеренность властей (фальсификация результатов выборов, «зомбирование» избирателей и пр.), либо объективируют эти проявления в виде свойств особого объекта, так называемого «беларусского менталитета».

Таким образом, большая часть проблем беларусской демократии, считает автор, лежит в области мысли и знания. Вот лишь еще несколько примеров из работы В. Мацкевича: незнание знаковых механизмов воспроизводства социума тормозит запуск санации семиотической среды, поддерживающей «красный» идеологический фон; незнание культурных детерминант нравственности и морали порождает совершенно превратные представления о приватизации, не позволяет правильно определить приоритеты конфессиональной политики; незнание механизмов и схем капитальных вложений приводит к распылению финансовых ресурсов, тормозит всякую прожективную и перспективную работу в политике, а значит, и развитие всей политической системы; незнание основ партийного строительства, невежество партийных функционеров приводит к тому, что в Беларуси до сих пор еще нет партий в настоящем смысле этого слова.

Но как гласит известный принцип, незнание не освобождает от ответственности. За все приходится расплачиваться. Слабая, неразвитая инфраструктура демократии неспособна сдерживать произвол властей, допускает ложь, беззаконие и цензуру, а главное, неспособна выполнить основную свою функцию: обеспечить условия разработки и реализации осмысленных программ развития страны.

IV

Это последнее обстоятельство имеет еще одну, совершенно особую плоскость рассмотрения, ставшую предметом авторского внимания в главе «Беларусская мечта» и непосредственно связанную с обозначенной выше проблемой исследования прагматики мышления.

Действительно, программы развития страны есть продукт особого типа мыследеятельности, программирования. Условия запуска программирующего, а более общо, прожективного типа мышления и деятельности предполагают прагматическую ориентацию на будущее и определенные, связанные с ней ценностные установки, и наоборот, прагматическая ориентация на прошлое и соответствующие ей ценностные установки могут стать непреодолимыми препятствиями для этого типа мышления и деятельности. Если теперь рассмотреть мышление и деятельность, а также связанные с ними прагматические установки в качестве содержания тех или иных демократических институций, то зависимость перспектив развития

страны от типа и структуры прагматики, определяющей отношение людей к прошлому, настоящему и будущему, станет ясно различимой. Грубо говоря, эти перспективы зависят от того, как видят те или иные социальные агенты сегодняшние проблемы и их разрешение: ориентируясь на представления о прошлом или же ориентируясь на представления о будущем (идеологическая заданность этих представлений в данном контексте несущественна).

Доминирование ностальгических настроений и переживаний в беларусском обществе, столь ярко проявленное референдумом и выборами в парламент, существенно сужает возможности разворачивания прожективной работы, а значит, лишает страну бесценного ресурса продвижения и развития. Среди других сдерживающих факторов можно отметить узкий прагматизм и крайнюю ограниченность идеального плана.

Эти обстоятельства, по мысли В. Мацкевича, и заставляют рассматривать прагматику и возможности рационального отношения к ней как важную и актуальную гуманитарную проблему.

Постановка и анализ этой проблемы, осуществляемые в разделе «Беларусская мечта», дают, с одной стороны, определенные методологические подходы и основания ее рассмотрения, а с другой стороны, позволяют автору сделать ряд общих рамочных замечаний о первоочередных задачах беларусской гуманитарной инженерии.

V

Что такое гуманитарная инженерия, или, в терминологии самого автора, гуманитарные технологии? Отсутствие «естественных», в смысле укорененных в традиции и истории, механизмов реализации норм открытого общества и демократических институций в обществах «переходного периода» должно восполняться «искусственно», за счет особых социокультурных «протезов», функции которых собственно и выполняют гуманитарные технологии. Такие технологии в отличие от сталинской «инженерии» обязательно включают в себя человеческое измерение, предполагают свободный выбор и самоопределение человека.

Как это возможно? Ответу на этот вопрос и посвящена заключительная глава «Культурная политика и гуманитарные технологии». Структура этой главы буквально зеркально повторяет структуру всей работы в целом, т. е. все негативные и критические выводы, которые приходилось делать автору в ходе анализа существующих институтов беларусской демократии, получают здесь конструктивную форму и выражение. По-существу, демонстрируя широкие возможности, открываемые культурной политикой и гуманитарными технологиями, В. Мацкевич показывает, как можно мыслить и обустраивать беларусскую демократию вопреки очевидности. И это обстоятельство определяет значение всей работы в целом.

Подход, реализуемый В. Мацкевичем, непрост, требует знаний и квалификации, но он не только позволяет увидеть скрытую очевидностью об-

ласть проблем, но и дает действенные инструменты для их решения. Кто готов воспользоваться ими?

Проблема всех больших общественных трансформаций и перестроек — проблема субъекта. Кто осуществляет шаг развития? Маркс придумал пролетариат, Шумпетер — предпринимателя. Кто построит демократию в Беларуси? В. Мацкевич придумал ньюмейкеров. Ньюмейкер — это тот, кто сделал себя сам, тот, кто готов и может создавать новое, развивая деятельность и развиваясь сам. Но ньюмейкеры — это не порода людей, не каста и не класс. Это самоопределение и выбор человека. Ведь человек есть то, что он из себя делает. Но это-то и есть самое сложное. Проблема беларусской демократии — это проблема человека.

1996 г.

Владимир Мацкевич

БЕЛАРУСЬ: ВОПРЕКИ ОЧЕВИДНОСТИ

— Что вы там делали на этом перекрестке?
— Мы думали туман, — ответила Ирма.
— Про туман, — поправил Виктор, — о тумане.
— Зачем это — про туман? — сказала Ирма.
— Думать — непереходный глагол, — объяснил Виктор. — Он требует предлогов. Вы проходили непереходные глаголы?
— Это когда как, — сказала Ирма. — Думать туман — это одно, а думать про туман — это совсем другое... и кому это нужно — думать про туман...

А. и Б. Стругацкие, «Гадкие лебеди»

БЕЛАРУСЬ: ФИЛОСОФСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Беларусь как идея, как объект мысли, как то, существование чего еще предстоит доказать...

Даже у коллег автора, знакомых с образом его мысли, такая постановка вопроса вызывает иногда непонимание, иногда иронию. Что говорить о том, как такой вопрос может быть встречен современным общественным мнением в Беларуси (в эмпирической Беларуси, существование которой не требует доказательств и обоснований)? Националистическая интеллигенция руководствуется мировоззрением наивного реализ-

ма, для нее существование Беларуси несомненно в силу присутствия некоторых очевидностей: пятой графы в анкетах, бело-красно-белого флага на административных зданиях и т. д. Сама попытка усомневания и поиска доказательства существования Беларуси может быть воспринята носителями такого мировоззрения как оскорбление или провокация. То, что рядом сосуществует альтернативное мировоззрение, тоже исходящее из наивного реализма, отвергающее существование Беларуси на основе другой очевидности: тотальное отсутствие беларусского языка во всех жизненно важных сферах употребления; марионеточность и игрушечность беларусских властей; утверждения социологов о желании беларусов «вернуться в Россию», корень «рус», из имени беларусов перекочевавший в их самосознание, — националистами в расчет не принимается. Также, как их оппонентами не принимаются в расчет доводы самих националистов. Оппозиция и взаимоисключение двух комплексов очевидности могут сосуществовать, к обоюдному неудовольствию, бесконечно, если не задействовать способность человека к рефлексии, если препирательства в быту, в политике, в массовых газетах останутся единственным пространством обсуждения судьбы и перспектив эмпирической Беларуси.

Данный текст про другое. Довольствующимся очевидностями его читать не надо.

Беларусь — проблема. Такая формулировка появилась в результате размышления автора о Беларуси и рефлексии многочисленных бесед, споров и дискуссий на эту тему, в которых автору приходилось участвовать на протяжении двух десятков лет. Если не относиться к словам легкомысленно, то суждение, выраженное фразой: БЕЛАРУСЬ: ФИЛОСОФСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА, актуализирует комплекс смыслов вопросов и сомнений, которые открывают новые возможности для отношения к географическому, культурному, историческому и политическому феномену или уникальному явлению, известному под собственным именем — БЕЛАРУСЬ.

Первые размышления автора о Беларуси относятся к началу 70-х годов, когда подобная тема если и интересовала кого бы то ни было, то не для открытого обсуждения на принципиальном уровне. С тех пор многое изменилось, менялось и отношение автора к рассматриваемому объекту. Это авторское отношение составляет смысловое наполнение данного текста, а содержанием его является постановка проблемы, вынесенной в название, анализ и критика ее, разворачивание подхода и программы деятельности в рамках поставленной проблемы.

Двигаясь к постановке и формулировке проблемы, необходимо начать с анализа самого вопроса или комплекса вопросов. Что означает приписывание какой-либо вещи, поименованной собственным именем, статуса проблемы? Как нужно понимать логическую конструкцию, представляющую собой общеутвердительное суждение, состоящее из логического субъекта,

выраженного именем собственным, и предиката, выраженного формальной категорией, употребляемой для объектов мысли или для понятий и идей? Т. е., что может значить выражение Беларусь есть проблема?

Первая констатация, возможная при постановке таких вопросов, состоит в необходимости рассмотрения Беларуси не как вещи, данной в ощущениях, доступной очевидности и наделенной статусом натурального непосредственного бытия, а как идеи. По отношению к идее Беларуси правомерен и законен вопрос о существовании. Существует ли Беларусь как идея, как то, что доступно не только очевидности, не только опыту проживания и деятельности, но умозрению, разуму и логике? А стало быть — как то, что подлежит разумному управлению, исследованию, проектированию, построению и развитию.

Собственно проблемность в философском аспекте и есть усомневание и критика существования чего-то. Взятие чего-либо в качестве философской проблемы с необходимостью требует доказательства бытия или существования этого или небытия и несуществования, а также необходимых и достаточных условий этого бытия или небытия. Усомневание и доказательство бытия и существования идеи, объекта мысли и деятельности составляет онтологическую сторону философской проблемы.

Но есть еще и прагматическая сторона. Это критика и анализ телеологической, аксиологической и этической действительностей существования объекта. Попросту говоря, если обосновано принципиальное существование Беларуси, то кому, зачем это существование нужно и что оно значит для жизни, мышления и деятельности человека? Чем и как различаются жизнь и деятельность людей при существовании или несуществовании Беларуси?

Кантовское доказательство бытия Бога не отменяет и не заменяет онтологического доказательства этого бытия, оно просто лежит в другой действительности. Онтологическая и прагматическая стороны философской проблемы в результате анализа и критики могут быть не только различены и разделены, но и отображены друг в друге или «вывернуты друг через друга».

Чтобы не вдаваться в технику того, как это может быть реализовано, сошлемся на перефразированный прецедент французского философского цинизма XVIII века: если бы Беларуси не существовало — ее следовало бы придумать.

Методологический модус проблемности, снимая философский аспект, предполагает иную постановку вопроса: что и как можно делать с объектом, взятым в необходимых и достаточных условиях его существования, или в его «присутствии (dasein)» для той или иной деятельностной позиции? Как его можно и нужно мыслить? Методологический модус проблемы также имеет свою прагматическую сторону. Методологическая прагматика раскладывается не на действительности телеологии, аксиологии и нравственности, а на рамки подходов и ориентиров. Методологическая прагматика конкретно ситуативна: Беларусь можно мыслить в

рамке выживания (актуализируется тем самым все, что связано с бременем Чернобыля и фобийным архетипом геноцида Второй мировой войны), в рамке развития, в рамке антиимперского стояния Великого княжества Литовского на восточной границе христианского мира и европейской цивилизации.

В каждой из этих рамок Беларусь мыслится по-разному.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Для начала разберемся с тем, как можно в мышлении и знании иметь дело с единичными объектами.

Со времен Аристотеля известно, что логика, мышление и знание обращены в первую очередь на всеобщее и универсальное. «Аналитики» и «Топика» Аристотеля, рассматривая простое суждение типа *«А есть В»*, трактуют квантор «есть» или «быть» как то, что задается по-разному в направлениях от логического субъекта к предикату и обратно. В направлении от субъекта к предикату квантор «есть» трактуется как принадлежность к классу объектов, наделенных статусом существования, а от предиката к субъекту — как подведение под понятие, что только и придает статус действительного существования логическому субъекту.

Лошадь есть животное, она есть постольку, поскольку есть животное. Если мы глядим на Буцефала и распознаем в нем лошадь, он и есть лошадь, но основанием его лошадиного существования является принадлежность лошадей к классу понятий — *«животные»*. Связь формальной аналитики с онтологией не очень понятна без мысленного эксперимента с использованием аристотелевской силлогистики как единственного средства античного мыслительного экспериментирования.

Представим себе, что Буцефала вводят в члены Сената. Сенатор есть патриций. Патриций есть римлянин. Римлянин — человек. Сенатор — человек. Буцефал — сенатор. Человек не есть животное. Сенатор не есть животное, но тогда и Буцефал не животное и, конечно же, не лошадь.

Если, конечно, некоторые сенаторы не лошади или что-нибудь похуже.

С таким частноутвердительным или частноотрицательным суждением греки и римляне согласиться не могли (иначе разрушился бы их космос и таксис — естественный порядок мира и искусственный порядок полиса и государства). Аристотель понимал, что способы и методы мышления, изложенные в его трактатах, не способны избавить от таких парадоксов. Единственный выход из этой ситуации, который он мог предложить, — это запреты: на использование имен собственных в построении суждений и единичных объектов, обозначаемых этими именами в мышлении. Греки и римляне старались следовать этому запрету, а в средние века об этом забыли. Недоучившиеся логики темных веков, после распада античной цивилизации, стали рассматривать как правомочные суждения типа *«Сократ —*

человек» и *«Буцефал — лошадь»*, что было абсурдным и наивным с точки зрения Аристотеля (как и суждение *«Беларусь — государство, или республика, или территория»* и т. д.).

Аристотель точно знал: Александр может оседлать Буцефала и скакать на нем, но мыслить он может лошадь (еще лучше — лошадность), но не может оседлать лошадность или мыслить Буцефала.

Соответственно — то, что нельзя мыслить, не существует в действительности.

С Буцефалом легко расправиться таким образом. Но средневековые схоласты интересовались не Буцефалами. Их интересовал Бог. Для греков бог был общим понятием, бог существовал в действительности как идея, как божественность, а Зевс, Дионис и прочие — это объекты поклонения и суеверия, можно и Буцефалу поклоняться, точнее в образе Буцефала поклоняться божеству.

С христианским Богом так поступать нельзя. Онтологическое доказательство бытия бога (можно помыслить божество, следовательно, оно может выступать предикатом в суждении *«нечто есть божество»*, следовательно, божество является основанием существования этого нечто в качестве божества, следовательно, божество существует в действительности) с формальной логической стороны устраивало схоластов, но не могло устроить со стороны веры и содержательного отношения. Такое доказательство не может ответить на вопрос: почему необходимо верить в Бога Ветхого и Нового заветов и не нужно верить в Зевса и Ваала? Если Бог завета существует в силу онтологического доказательства бытия бога, то такой же статус и у Ваала, а если Бог существует без доказательств, то какова цена этим доказательствам? Существуют ли в таком случае сами идеи? Бог есть, это очевидно по вере (см. апологетику Тертулиана: credo que absurdum est), но существует ли идея бога, существует ли реально божественность?

Так поставленная в схоластике проблема существования идей, или универсалий, имела большой успех, и популярность ее продолжалась несколько веков. Последующие мыслители расценили всю работу над этой проблемой как бесплодное умствование, слово «схоластика» стало бранным. Может быть, эти мыслители и правы в чем-то, но проблема осталась и усложнилась.

Основным эффектом обсуждения в схоластике проблемы универсалий стало не решение самой проблемы, а интенциональный поворот разума от универсалий к их экземплификатам, к единичным проявлениям всеобщего. От действительности разум обратился к реальности. Схема логического суждения осталась прежней: *«А есть В»*, остался вопрос об истинности каждого такого суждения, изменились направленность интереса и содержание размышления о том, что стоит за субъектом и предикатом логического суждения. Если А — реальный Бог (един в трех лицах..., см. дальше Никейский Символ веры), а Б — действительный бог или идея бога, то что означает тождество того и другого? Истинно ли это тождество? В такой постановке вопроса кван-

тор существования не может рассматриваться как подведение реального экземплификата под действительное понятие без исследования субъекта логического суждения, а предикат суждения не может больше выступать основанием существования субъекта.

Если неизвестно, существует ли идея божественности, то как мы можем знать, что то, во что мы верим — есть именно то, во что мы верим, что Бог это бог. После схоластики квантор «есть» в общеутвердительном логическом суждении перестал быть асимметричным, его нельзя больше трактовать по-разному от субъекта к предикату, но нельзя трактовать и как тождество субъекта и предиката, поскольку они принадлежат разным пространствам: действительности и реальности. Общеутвердительные суждения стали гипотезами и перестали быть ответами и элементами доказательств. И субъект, и предикат логического суждения существуют отныне как возможность, а их реальность и действительность остается всегда под вопросом.

Логическая форма суждения (А есть В) начинает читаться так: предположим, что реально существует А, а в действительности оно есть В. В дано разуму и мышлению, а А — опыту и наблюдению. А есть В, поскольку В наблюдаемо в А, но А есть (существует) не потому, что есть (существует) В, а потому, что мы раз от разу наблюдаем В в А; существует ли при этом В само по себе — неважно. Важно, что В, данное в мышлении, наблюдаемо, что оно наблюдаемо в А, данном наблюдению непосредственно, и что это наблюдение можно повторить в любом А (Ai, Aj и т. д.).

Из такой схоластики рождаются два фактора, на несколько веков определивших европейскую цивилизацию: инквизиция и эмпирическая наука. Инквизиция и наука повернуты лицом к конкретному, единичному, с тем чтобы наблюдать в нем всеобщее и универсальное: законы, принципы, идеальные объекты. Инквизиция была принята Европой сразу, поскольку интересовалась жизненно важными проблемами для средневековой и ренессансной культуры: является ли экземплификат тем, за что себя выдает или за что его принимают. Инквизиция могла обходиться без теории, поскольку набор предикатов логических суждений, которые ее интересовали, был задан и давно определен в разуме: Бог — дьявол, святость — грех, догмат — ересь. Можно было заниматься непосредственно конкретикой. Наука же долго пребывала в младенчестве, усилия многих поколений ученых ушли на то, чтобы оснастить действительность науки идеальными объектами, формулировками законов, онтологиями и принципами, прежде чем науке стали доступны объекты реальности. Работа в пространстве действительности, с объектами действительности требовала иного, чем у схоластики и инквизиции, метода и подхода, поэтому методологи науки (от Галилея, Бэкона и Декарта до Поппера и Фейерабенда) разрабатывали этот подход. В рефлексии Гегеля весь методологический план оформления науки как мышления и деятельности с экземплификатами, единичными объектами, оформился как метод восхождения от абстрактного к конкретному, или в наших терминах — от универсального к экземплифици-

рованному. Но ведь в полном соответствии с гегелевской версией диалектического развития по спирали, метод восхождения от абстрактного к конфетному на новом витке повторяет мышление по Аристотелю. Абстрактное выступает основанием существования конкретного, а принцип фальсификации Карла Поппера повторяет сомнения схоластов-номиналистов в реальности универсалий. По Попперу, наука, сталкиваясь с существованием реального единичного, проблематизирует содержание абстрактного и универсального в действительности. Если греки, схоласты-реалисты и сциентисты-романтики, в ситуациях, когда теория и факты, абстрактное и конкретное противоречат друг другу, говорили: «Тем хуже для фактов», то после Поппера и Куна так сказать уже нельзя. Тем самым вызываются к жизни новый номинализм и новая постановка проблемы единичного и универсального, а также ставится проблема метода работы с единичным и мышления о нем.

В аристотелевском, реалистическом и научном мышлении единичному и экземплифицированному отводится строго фиксированное место и задаются узкие рамки существования. Экземплификат попадает в пространство мышления только как пример, казус, прецедент или факт наблюдения, побуждающий, организующий и направляющий мысль к всеобщему и универсальному. Мышление подводит экземплификат под универсалию, уничтожая тем самым его как нечто уникальное, единичное. Номиналистическая установка поворачивает мышление к единичному во всей его уникальности и единственности, но, будучи бессильной помыслить его как единичное, поскольку располагает только методом мышления об универсальном, начинает разрабатывать новый метод и в процессе этой разработки превращается в свою противоположность — в реалистическую установку. Так поиск единичного и метода ухватывания уникального и экземплифицированного превращается в сизифов труд, в дурную диалектику. Схема выхода из этого круга может быть предложена в самом общем виде и сформулирована в разных подходных и методологических языках по-разному. Сформулируем ее коротко в языке этого фрагмента (т. е. не отступая далеко от языка схоластов). Реалистическая установка может быть представлена в языке схоластов первой интенцией (intentia prima), смысл которой в полагании объектов в пространстве действительного существования или в полагании и наполнении ядер содержания в заданных рамках. Номиналистическая установка, соответственно, представляется как вторая интенция (intentia seconda), смыслом является полагание новой действительности (или реальности — в конкретно исторической версии этого полагания) или полагание рамок и рамочных конструкций, в которых могут появляться ядра содержания при возврате к первой интенции и к реалистической установке. Таким образом, проблема существования универсалий и экземплификатов выворачивается в организационно-деятельностный план и может быть сформулирована как задача комплексирования и замыкания друг на друга первой и второй интенций, реалистической и номиналистической установок. Соответственно, метапространство, в котором возможно такое комплексирование и конфигурирование интенций и установок, предполагается как удерживающее три подпространства:

1. Парадигматика — пространство размещения содержательных ядер — объектов действительности и реальности.

2. Синтагматика — пространство рамочных или формальных, а также содержательных или объектных логик и языков.

3. Прагматика — пространство размещения самих рамок, установок и интенций, целей, ценностей и задач.

О том, как это все может быть устроено, в каком космосе это может быть осуществимо и в каком таксисе реализовано, поговорим ниже, когда речь пойдет о том, мыслима ли Беларусь как реальность и действительность (раздел «Методологическая проблема»).

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ БЛИЗОРУКОСТЬ

Передовые саперные части Прибалтийского и Белорусского фронтов наводят мосты и переправы между Востоком и Западом

Когда рассудку приходится иметь дело с единичным объектом, самая обычная процедура, которая применяется при этом, — подведение под некоторое универсальное понятие.

Беларусь как географическое понятие, как историческое понятие, административное, политическое, этнографическое, если угодно — экологическое, а также поэтическое, метафорическое и т. д. Взятый в рассудке единичный объект помещается в предметную действительность, и там он перестает существовать в своей единичности и уникальности. Проведем на географической карте Европы линию, соединяющую Москву и Варшаву. Один из отрезков этой линии будет проходить по пространству с именем Беларусь. Есть такая территория. Но если убрать административные границы, проезжающий вдоль упомянутой линии не заметит, не сможет заметить переходов от территории России к Беларуси, от Беларуси к Польше. А без административных границ территорию Беларуси можно разместить между нечерноземной полосой России на востоке и Подляшьем и Мазовией на западе. Тогда, может быть, это и не Беларусь вовсе, а Полесье со смежными районами, или Северо-Западный край — если глядеть из Москвы, или Всходние Кресы — глядя из Варшавы.

Территории составляют предметность географии, но номинация территорий и появление или стирание территорий с географической карты осуществляется не из предмета географии. Можно предъявлять претензии к географам, что они непоследовательны в принципах нанесения территорий на карту. Одни карты у них состоят из нагорий, равнин, бассейнов рек и т. д., другие разрисованы государственными границами. Можно удивляться легкомысленности людей, которые не хотят жить в бассейнах рек, на плоскогорьях и низменностях, они норовят жить в Польше или в Мазовии, во Франции или в Провансе. Некоторые умудряются жить в Прибалтике, Средней Азии, СНГ или в Тироле, на Полесье, в Приднестровье, на Кубани, которых на карте нет, но не в Латвии, Узбекистане или в Беларуси, которые есть на карте. Если бы

географическая карта была мерой всех вещей — проблем было бы меньше. Но если человек есть мера всех вещей — существующих в том, что они существуют, и несуществующих в том, что они не существуют, — проблем становится больше, а сами они — сложнее. Предмет географии и географическая карта — место существования родовых понятий с видовой спецификацией типа координат и высоты над у уровнем моря.

Существование чего-то на карте вовсе не доказывает существования этого в жизни и деятельности людей.

Летом 1991 года в Таллинне проходила международная конференция по теме «Восток-Запад и отношения между ними». Участников этой конференции повезли в Нарву, где целый день пытались убедить их в том, что Эстония и Нарва могут, должны и при необходимости станут мостом между Востоком и Западом. Я никак не мог понять, в чем организаторы конференции видят преимущество Нарвы перед Клайпедой, Калининградом, Брестом или Львовом, а они не понимали моих вопросов и сомнений. Основной докладчик приводил множество аргументов и называл их очевидными, для меня же эта очевидность была скрыта, пока я не реконструировал ее смысл. Когда сообразил, я вдруг стал почти видеть, как перед мысленным взором докладчика стоит толстый историко-географический атлас, докладчик мысленно листает его страницы и видит на каждом развороте одно и то же — Нарва лежит между Россией и Европой. На одной странице путь лежит из варяг в греки, на другой из Новгорода в Ливонию, на третьей из Санкт-Петербурга в Курляндию — и везде есть река Нарова и переправа через нее. А то, что на разных страницах эти места разрисованы разными цветами, Киевской империи Ярослава или Новгородской республики, Ливонского ордена или Шведского королевства, — для докладчика неважно. Тем, кто собирается ехать через Нарвский мост, тоже не важно, каким цветом он помечен на карте, но им не важно и то, что он лежит на линии кратчайшего расстояния между двумя точками. Люди интересуются условиями переправы, законами и правилами, опасностью и ценой. Но все это отсутствовало на мысленной карте докладчика. Насколько мне известно, в год проведения упомянутой конференции Эстония была мостом между Востоком и Западом только для переправы денег в оплату продаж цветных металлов, сами же металлы и люди ездили через другие мосты, там, где действительно короче, дешевле и безопаснее.

Для меня было очевидным другое. Слова «Восток» и «Запад» позаимствованы из географического словаря для обозначения двух различных социально-экономических укладов и систем ценностей, поэтому мосты, тоннели и каналы между ними не могут быть нарисованы на карте, так же как и барьеры между ними не географические.

***

Петербургские дамы у Лескова одобряли план передачи Нарвы немцам, поскольку тогда «за границу ближе ездить будет».

***

Фронт есть линия, разделяющая два противоположных лагеря или пространства. Саперы, преодолевая эту линию, наводят мосты с одной из сторон линии фронта. Прибалты проводят линию фронта по восточной границе своей подконтрольной территории и наводят мосты через нее. Они определяются как авангардные части Запада. А беларусы? Линия фронта до сих пор проводилась через Гродно и Брест, сегодня она продлена до Браслава. Т. е. вроде бы беларусы однозначно определяются на Восточной стороне. Вот только являются ли они авангардом Востока? Мне же представляется, что Беларусь — большая нейтральная полоса, без самоопределения. Если Редьярд Киплинг прав, и «Запад есть Запад, Восток есть Восток — и им никогда не сойтись», то они вечно будут топтаться на нейтральной полосе, вытаптывая на ней цветы, каждую четвертую березку, а на вытоптанной Земле будет прорастать чернобыль.

***

Ограничиваться в рассмотрении единичного предметным знанием значит обрекать рассмотрение на абстрактность, односторонность, неполноту, потерю уникальности и существа объекта.

Беларусь характеризуется формальными признаками и атрибутами различных предметов: территория, государство, нация, культурный регион. Обо всем этом можно прочитать в книгах, справочниках, путеводителях. Есть книжная география Беларуси, экономгеография, история есть, разделы языкознания, изучающие беларусский язык, есть международные договоры, подписанные должностными лицами БССР и РБ, и многое другое. Но все это представляется иллюзорным, когда разговариваешь с беларусами — депутатами Верховного Совета, министрами правительства, когда ходишь по улицам беларусских городов, пользуешься ирреальными беларусскими деньгами. В действиях людей, в отношении их к себе и своей деятельности Беларусь выглядит совсем не так, как в книгах. Граница между Востоком и Западом проходит в пространстве, которое не может быть прописано в географии.

Это пространство — не территория.

А что оно такое, еще необходимо выяснить, как и то, каково место Беларуси в этом пространстве.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И КАЗУСЫ

Существование беларусов в истории дискретно, они то существуют, то нет. Это народ, для которого справедлива теория метемпсихоза. Беларусы вызываются к жизни, «оживают», только тогда, когда их «призывают» на войну с русскими или когда нужно сопротивляться полонизации. Это значит, что Россия является метафизическим условием бытия или небытия Беларуси, или — Беларусь не сгинет, пока Польша на нее будет претендовать. Что же есть такого у поляков и русских и чего нет у беларусов, что Россия и Польша

могут существовать сами по себе, независимо от существования Беларуси, а Беларусь без них — нет? Что будет с беларусами, если Россия станет мирной страной и прекратит имперскую экспансию, а Польша не будет претендовать на беларусскую территорию и язык?

***

Платон придумал Атлантиду, Томас Мор — Утопию, Шелягович — Паліссе. Бисмарк придумал Германию, Сталин — Советский Союз. Где-то существуют Эльдорадо, Шамбала, Гиперборейское царство, Левант, Тартария, Византия, Скифия, Королевство обеих Сицилий (а также они обе в отдельности), страны басков и ятвягов, Черная, Белая, Красная и еще какие-то Руси. Еще бывает Священная Римская империя Германской нации, куда не входили ни Первый Рим, ни Второй (Константинополь), ни Третий Рим (Москва), ни народы «германской нации», живущие в Остзейских землях. Еще был Третий Рейх арийской расы, против которого воевали в составе союзнических войск арийцы (настоящие, хотя и «неистинные») — мусульмане, сикхи и индусы, будучи подданными Британской империи.

Всякое бывает в этом мире.

И Беларусь была членом Организации Объединенных Наций с 1945 г.

Всякое может быть в этом мире. Может быть Черноморско-Балтийская Федерация, о которой мечтает Беларусский Народный Фронт «Адраджэньне», может быть Славянский Соборный Союз беларусских-русских, великорусских-русских, украинских-русских и русинских-русских — по чаяниям Славянского Собора «Белая Русь».

Беларусь была Литвой, Беларусь была Белой Русью. Беларусь была Северо-Западным Краем. Беларусь была Всходними Кресами.

Беларусь была? Беларусь есть? Беларусь будет?

На глобусе истории, как масляные пятна на воде, возникают, растут, меняют форму и очертания, исчезают: империи, федерации, королевства и республики. Литва, Новогрудское княжество, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя, Советский Союз. Каждому такому образованию в истории отведено свое время, чему-то три века, чему-то 73 года. Что реальнее, что действительнее? Что исчезло навсегда, что может быть восстановлено и что может возникнуть такое, чего не было никогда? Перенесем временную развертку исторического глобуса на видеопленку и прокрутим несколько раз туда и обратно в ускоренном и замедленном темпе. Прокрутили быстро и обнаружили, что на месте бывшей российско-германской границы возникли и разрослись два пятнышка: Польша и Литва. Крутим назад — промелькнули и исчезли еще какие-то пятнышки. Крутим медленнее и присматриваемся — были они или только нам показалось? Беларусская Народная Республика, Беларусско-Литовская Республика — промелькнули и исчезли. Были они или не были в истории? Были они реальными или это только эффекты смешивания фасок крупных пятен: Польши и России? Какой срок видимости пят-

нышка в таком мультике достаточен, чтобы точно сказать — это было, это не ошибка: месяц, год, век? Почему 73 года существования СССР делает его реальнее, чем несколько веков существования Великого княжества Литовского или несколько месяцев Беларусской Народной Республики?

А может быть дело не в длительности существования, а во временной последовательности? СССР был после ВКЛ и БНР — поэтому реальнее. Почему тогда не признаются реальными Беловежские соглашения? Ведь подписавшие его Республика Беларусь и Российская Федерация следуют во времени после СССР.

***

По сообщениям в средствах массовой информации Республики Беларусь, 3 июля 1994 года в день празднования 50-летия освобождения Минска частями Советской Армии от фашистской оккупации ветераны Советской Армии (ветераны армии «несуществующей» страны) во взаимодействии с частями МВД и ОМОН РБ заняли оборону на подступах к обелиску Победы на Площади Победы в столице Республики Беларусь г. Минске и не допустили проникновения на занимаемые рубежи колонны противника, состоявшей из сторонников БНФ и ветеранов той же Советской Армии, но «наступающих» под бело-красно-белыми государственными флагами Республики Беларусь. Сообщений о жертвах и потерях с обеих сторон не поступало. Инцидент закончился полным торжеством порядка, демократии, абсурда и *памяркоўнасці.*

Ну, и слава Богу, лишь бы не было войны.

***

23 июля 1994 года на внеочередной сессии Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики, принявшего весной того же года Конституцию Республики Беларусь, первый Президент Республики Беларусь, избранный в соответствии с этой Конституцией, принял присягу на верность народу Республики Беларусь и поклялся защищать суверенитет названной страны. После принятия присяги Президент попросил Верховный Совет, депутатом которого он был избран в соответствии с Конституцией Белорусской Советской Социалистической Республики в 1991 году, снять с него полномочия народного депутата Верховного Совета Республики Беларусь. Оба Верховных Совета удовлетворили просьбы депутатов, один из которых был единственным, сохранившим верность Белорусской Советской Социалистической Республике и голосовавшим против ратификации Беловежских соглашений, другой только что стал Президентом страны, поклявшимся охранять ее суверенитет. Ни один, ни другой народный депутат не меняли своих взглядов и позиций. Один проводил предвыборную президентскую кампанию на критике Беловежских соглашений и на идее объединения с Россией и Украиной, т. е. против суверенитета, другой выступал против апрельского договора об объединении денежных систем с Россией как противоречащего Конституции суверенной Республики Беларусь и за сентябрьский договор 1993 года, подписанный до принятия упомянутой Конституции, потому не могущий ей противоречить.

3 августа того же года Республика Беларусь и Российская Федерация подписали договор о ненападении друг на друга. При этом численность российских войск на территории РБ сопоставима с численностью беларусской армии, а социологи утверждают, что большинство населения РБ желает либо восстановления СССР, либо объединения с Россией, либо вхождения в состав России.

Жыве Беларусь! Живут же люди?!

***

«К беларуссам национальное сознание пришло почти как непрошенный дар русской революции». (Мирский Д. С. Россия, социальная история. — М., 1932).

«Это был, возможно, наиболее крайний, во всяком случае в Европе, пример обращения к принципу самоопределения наций с целью не столько удовлетворить, сколько вызвать национальное самосознание». (Эдвард Карр История советской России. Кн. 1. — Лондон, 1950).

Эдвард Карр знает, что говорит. Многие в самой Беларуси думают так же. В Европе это, может быть, был действительно крайний случай, но для Советского Союза это — обычная практика. Иосиф Сталин был корифеем многих наук, но особенно он преуспел в языкознании и в национальных вопросах. Способ его мышления прост и фундаментален, как всякое знание на уровне 3 класса начальной школы. Каждой вещи в мире отведена своя ячейка. Все в мире можно по ячейкам разложить. Все ячейки устроены по принципу формально-логического деления: природа поделена на типы движения материи; история — на формации; политическое устройство — на капитализм и социализм; люди — на классы и нации. С последним делением все получается смешно, зато просто и понятно. Каждого человека можно приписать к какой-нибудь нации и к одному из классов. Представить себе, что человек может осознавать себя непринадлежащим к классу и нации, в такой системе мышления нельзя. Если люди мыслят себя как-то по-другому (например мусульманами, староверами и т. д.), — значит, они недоразвиты, чего-то недопонимают. Исходя из такого представления были созданы новые нации, например, в Туркестане из бухарцев, хиванцев и кочевников — таджики, узбеки и т. д. Так же поступили и с беларусами.

Сталин ничего не делал зря. Зачем ему нужны были беларусы и их государственность? Ответ прост — нужно было вытравить из истории память о Великом княжестве Литовском. Наследство княжества передается этническим литовцам вместе со столицей Вильно, ставшем Вильнюсом. Идея его восстановления, которая доставляла Российской империи много неприятностей в XIX веке, дискредитируется через акцентирование его противостояния православию и России как оплоту ортодоксального православия, через создание мифа о постоянном стремлении православных беларусов к воссоединению с Россией, которое наконец-то осуществилось.

Чтобы земли бывшего княжества не были заражены оппозиционностью к имперской политике СССР, нужно: объявить Великое княжество Литовское

орудием ополячивания православных; самих православных отождествить с этносом, а не с конфессией; язык беларусов привести в соответствие с марксистско-ленинско-сталинской теорией происхождения языков; городское население, интеллигенцию и аристократию ВКЛ оторвать от крестьянского этноса и объявить поляками и литовцами. Все это с успехом удалось реализовать, устранив из исследования и образования все источники и документы, противоречащие такой «исторической» версии. Но беларусы и литвины сами виноваты. Они не создали своей истории, своей теории государства, не исследовали свой язык и его происхождение, не культивировали его.

Джорж Оруэлл прав. История переписывается, язык переделывается, а вместе с ними переделывается сознание, самосознание, менталитет. В XX веке, при умелом обращении с социальными и гуманитарными знаниями, создание наций, идеологий, менталитетов и т. д. становится «делом техники». К 1944 году Белорусскую Советскую Социалистическую Республику можно ввести в ООН, поскольку она уже своя, ручная и послушная. Она будет оставаться такой долго, даже после развала СССР.

Есть ли в Беларуси то, что можно противопоставить сталинской гуманитарной инженерии?

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ АВТОРСКИЕ ПРАВА НА СУВЕРЕНИТЕТ

Сотворил Бог Беларусь и увидел, что это хорошо, но людям она не понравилась. Тогда Бог изгнал людей из Беларуси, и затосковали люди без нее, и пошли искать ее, бродя в тоске и печали по волнам своей памяти, в потоке слез и соплей национальной *свядомасці* или в кумачовом потоке демонстраций интернациональной солидарности трудящихся. Бог дал беларусам язык, и Скарына принес его им, а они отдали его другим. Бог дал беларусам право и закон, и Сапега принес его им, но они нарушали его, забывшись в шляхетской гордыне. Бог дал беларусам столицу, но они сделали ее яблоком раздора трех соседних народов и покинули ее. Бог дал беларусам землю, текущую молоком и медом, а они смотрят с завистью на сибирские болота, текущие нефтью. Бог дал беларусам веру, но они предпочитают слушать чужих пастырей. Бог посылал беларусам героев и гениев, а они отправляли их служить другим народам, почитая между собой преступников и злодеев, своих и чужих, ставя им памятники и позволяя учить себя. Как вернуться людям в Беларусь, путем Кирилла Туровского или путем Святополка Туровского Окаянного? И по проспекту Франциска Скарыны не пройти к храму и к Беларуси, если он по-прежнему ведет от памятника Ленину через Советский район в Первомайский, плавно переходя в Московское шоссе.

***

Одни рождаются великими, другие добиваются величия, а иным величие жалуется — кажется так грезил о величии шекспировский недотепа Мальволио. Ему повезло, он не родился беларусом. В этом случае он бы и грезить

не смог о величии. Одни страны издревле были суверенными, другие добиваются суверенитета, а Беларуси суверенитет пожалован. Вслушайтесь! Предоставлен суверенитет. Горбачев развалил Союз и обрёк Беларусь на сиротскую (суверенную) долю. Мыслимое ли это дело: получить суверенитет вопреки желанию?

> **— Вот какие басни Лафонтена приходится мне выслушивать! Подбросили четыреста долларов! Вот вы все здесь — валютчики, обращаюсь к вам как к специалистам: мыслимое ли это дело?**
>
> **— Мы не валютчики, — раздались отдельные обиженные голоса в театре, — но дело это немыслимое.**
>
> **— Целиком присоединяюсь, — твердо сказал артист, — и спрошу вас: что могут подбросить?**
>
> **— Ребенка! — крикнул кто-то из зала.**
>
> **— Абсолютно верно, — подтвердил ведущий программу, — ребенка, анонимное письмо, прокламацию, адскую машину, мало ли что еще, но четыреста долларов никто не станет подбрасывать, ибо такого идиота в природе не имеется, — и, обратившись к Никанору Ивановичу, артист добавил укоризненно и печально: — Огорчили вы меня, Никанор Иванович! А я-то на вас надеялся. Итак, наш номер не удался.**
>
> **М. Булгаков**

***

Личная просьба автора. Не рассказывайте никому о насильственном выбрасывании Беларуси в суверенитет. Люди смеяться будут, а номер все равно не удастся.

***

Суверенитет — из разряда вещей, которых невозможно не желать. Если в Беларуси на каждом углу кое-кто говорит о том, что нам суверенитет не нужен, — значит это кому-то нужно. Насильно можно отнять суверенитет, но нельзя насильно его дать. Добровольно можно взять суверенитет, но нельзя добровольно его отдать. Такое часто случается с гуманитарными понятиями. При неосторожном обращении с ними в логике они исчезают, как мираж. Можно дать кому-то землю, но хозяином (сувереном) на ней он может стать только сам. Навязанный суверенитет и добровольно отданный суверенитет — несуществующие понятия, как круглый квадрат, как мокрый огонь. Тот, кто так обращается с понятиями, либо не в своем уме, либо изощренный лжец.

А в Беларуси такие номера проходят.

КРЕАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ СУЖДЕНИЯ

Может ли пафос быть творческим?

Полонез Огинского — музыка, удовлетворяющая широкий спектр эстетических вкусов, ласкающая слух. Но нигде это сочинение Огинского не пользовалось такой популярностью, как в Беларуси. Оно и понятно, под эту музыку Беларусь два долгих столетия прощалась с Родиной. Без патриотической экзальтации, но тихо грустя, принимая кончину Великого княжества как естественную, наступившую в назначенный Богом срок. Кто напишет столь же достойную песнь «На встречу с Родиной»? Будет ли это первый Канцлер действительной Беларуси, как Михаил Огинский был одним из последних министров (подскарбием) реального княжества, или кто-то другой? Я этого знать не могу. Я знаю, когда это произойдет — когда беларусский разум выдвинет идею действительной Беларуси и выложит ее в реальность. Хотелось бы еще, чтобы эта песнь была не полонезом, мазуркой, полькой или краковяком (сколько можно петь под польскую «дуду»?), а чем-то оригинальным.

***

Кампании Костюшко и Калиновского с Врублевским потерпели поражение не потому, что их не поддержали крестьяне, а потому, что они не были обеспечены творческим интеллектом. Война в Европе не может быть выиграна стороной, которая воюет за восстановление «прошлогоднего снега», для победы нужна перспектива. А будущее нельзя спеть и сплясать, его нужно промысливать и проектировать, и нужно уметь это делать. Беларусь мыслима только как европейская страна и немыслима как улус Орды. Польша могла раздвигать свои границы на восток, и это останется делом самой Польши. Европа может продвинуться на восток только посредством возникновения европейских стран Беларуси и России. Перспектива будущего для Беларуси — это будущее в Европе. Солдаты Костюшко умирали «за нашу и вашу свободу». Беларусь свободна стать европейской страной и несвободна (вынуждена) пребывать в азиатчине. Нужно спроектировать свободу в Беларуси и промыслить условия ее реализации. Сначала свободным становится мышление, потом оно делает свободным все остальное. Но мышление не может не быть свободным, иначе оно уже не мышление. Петь с чужого голоса и чужими словами можно, но мыслить нельзя. Если Беларусь несвободна в выборе пути своего развития, значит ее мышление несвободно в промысливании этого пути, значит она несвободна (не может) мыслить, значит она не мыслит.

Солдаты Костюшко умирали «за нашу и вашу свободу». Если они умерли не зря, то жить нужно «за наше и ваше мышление».

Умирают с пафосом, можно и с песней на устах. Но мыслить с пафосом...

Когда поют — не мыслят, когда мыслят — не поют.

Мышление — черная будничная работа, без пафоса и без экзальтации. Пафос там, где ворочают горы, где шумят митинги, где умирают за будущую (еще не достигнутую) свободу. Нет истины и мысли в речи, если у оратора горят глаза, слова льются плавно и звучат красиво. У мыслящего — потухший взгляд, глаза скользят поверх очевидности, слова выискиваются долго и мучительно, произносятся с сомнением и звучат коряво.

***

У Платона слово «поэзия» было бранным.

***

У знаменитого математика спросили, что стало с одним из его учеников.

— Он стал поэтом, для математики у него не хватило воображения.

***

Пою мое отечество, которого нет, чтоб его никогда и не стало.

***

Если вы слышите в казематах половецкого хана: «О дайте, дайте мне свободу!», а на улицах стольного града: «Ура! Свобода!» — смело можете заключить, что условия содержания узников и там, и там — одинаковые.

***

Термин «творчество» давно узурпирован теми, чья способность суждения базируется на пафосе, чья деятельность имеет своим материалом чувства, переживания и эстетические отношения, а объектом — экстаз и катарсис. Эти материал и объекты не хуже и не лучше других, нужно только понимать, в каких рамках и в какой действительности такой материал и такие объекты существуют.

Можно представить себе машину, государство, Янку и Ганку объектами переживания, любви, ненависти или страдания. Так же можно представить и Беларусь. Можно и само переживание представить как деятельность, а значит как то, что имеет продукт, как то, что творит и воплощает нечто в чем-то. Янка любит Ганку, эта любовь имеет своим продуктом страдание Янки, если Ганка об этом не знает или не любит его сама. Любовь как творчество творит нечто в сознании (душе) одного человека, например ощущение страдания или счастья, но чтобы сотворить эти же продукты в сознании (душе) другого, любовь должна быть пропущена через нечто ей противолежащее, нечто, что не является любовью, например через общение. Без общения с другим человеком, без опосредования коммуникацией деятельность сознания не может творить что бы то ни было вне самое себя. Янка поет серенаду Ганке и добивается от нее того, чего не смог добиться Костя Остенбакен от подруги своего детства Инги Зайонц, — любви. Деятельность сознания может творить в сознании. Этим ограничиваются творческие возможности и ресурсы сознания. Попробуйте сотворить нечто сознанием в том, что не имеет сознания. Спойте гимн машине и ждите, что она заработает лучше. Серенада Янки может побудить Ганку стирать ему носки, ее критика его поведения может способствовать бросанию курения. Но воспеванием или критикой АЭС вы не добьетесь ликвидации последствий Чернобыля.

Воспевайте «свободную» Беларусь, процветание ее колхозного крестьянства, плачьте о Курапатах и Хатыни — свободы не станет больше, жертвы не встанут из могил.

Эстетическое суждение ограничено в своей творческой способности. Поэзия может сеять «разумное, доброе, вечное», но только в душах людей. Поэзия и изящные искусства продуцируют катарсис (очищение душ от скверны и накопленного зла) и экстаз (подъем, порыв к высокому, чистому, светлому), но им недоступно познание того, что есть добро и зло. Знание добра и зла вне поэзии. Можно «глаголом жечь сердца людей», выжигая в них все доброе и светлое.

***

Попса: Мой адрес не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз.

Патетика: Мы беларусы с братняю Руссю...

Фреска: Ленин думает про Беларусь.

***

Но, даже если поэзия несет на себе заряд добра... Благими пожеланиями вымощена дорога в ад. Компартия Западной Беларуси искренне хотела добра, именно за это Коминтерн разогнал ее по сталинскому приказу накануне подписания пакта Молотова-Рибентроппа. Машеров хотел добра Беларуси, добиваясь строительства на ее территории экологически опасных или не нужных ей производств.

Причина зла есть ошибка в мышлении — говорили схоласты. Творение добра — способность правильного мышления, т. е. просто способность мышления. Поэзия творит в действительности сознания, в душах людей, мышление творит в действительности мышления. Поэзия творит красоту, мышление — идеи и истину. И то, и другое могут быть добром, могут быть злом. Но не сами по себе, а только в реализации, в реальности жизни и деятельности. Реализующееся мышление творит добро, ошибочное мышление, не способное к реализации, позволяет произрастать злу.

В духовной сфере Беларуси гипертрофировано место, выделенное поэзии. Беларусь поют, ваяют, танцуют и облекают в гиперболы и метафоры. Все это творит страдание в душах свядомых беларусов, гонит их на митинги. Страдающие, переживающие люди не мыслят, а выливают поток своего страдающего сознания друг на друга.

Творческая же способность мышления депрессирована. Беларусские философы (если таковые есть) с их сомнениями, вопросами и парадоксами не подпускаются к делу национального возрождения, да и сами предпочитают мыслить в Германии или в России.

***

Мераб Мамардашвили жил в Тбилиси, читал книги и писал их. Когда ему нужно было промыслить какую-нибудь проблему, а для этого нужны были «подельники» в мышлении, он ехал в Москву с лекциями.

Скиф Анахарсис — один из семи греческих мудрецов, а не скифских. Диоген в Синопе был фальшивомонетчиком, а в Афинах философом. В Синопе вообще не было и не могло быть философов. Философы «водятся» не в любом месте, для этого нужны особый «климат» и среда. Места, города и страны, где такие климат и среда есть, существуют в истории, про остальные страны и народы мы знаем из книг исторических народов.

Если Бог хочет наказать человека, он лишает его разума. Сон разума рождает чудовищ. Нарисованный художником, но не промысленный государственными деятелями, беларусский «зайчик», выпущенный на волю, превратился в чудовище, готовое сожрать Беларусь.

То, что подлежит промысливанию, нельзя просвистеть или станцевать. Наивно думать, что проект государственного обустройства можно насвистеть на мотив «Лявоніхі».

***

Реальный мир является продуктом творческого духа. Или, по-другому, мир принимает форму, предлагаемую духовной деятельностью. Творческая интенциональность духа направлена по-разному на разные стороны реальности: мышление организует и упорядочивает (или дезорганизует и нарушает порядок) внешний мир, среду жизни и деятельности людей в соответствии с тем, как организовано само мышление; поэзия, искусство и эстетическая сторона духовного организует и упорядочивает (или наоборот) человеческое отношение к внешнему миру и отношение человека к самому себе. Поэзия, поэтическое творчество не способны спроектировать и создать Беларусь, это дело другой стороны духа — творческого мышления.

ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Думать Беларусь

Вопрос, заданный Стругацкими в отрывке, который взят эпиграфом к этому тексту, имеет прямое отношение к обсуждаемой теме. Если Тютчев утверждает, что «умом Россию не понять», то главная мысль этого текста состоит в том, что глазами Беларусь не увидеть. Беларусь неразличима невооруженным глазом. Чем должен быть вооружен глаз, чтобы Беларусь стала «быть»? Что можно противопоставить очевидности? Ответ, который дает вся история европейской мысли, — очевидности противостоит умозрение. Глаз должен быть вооружен умом. Только РАЗУМ способен сотворить БЕЛАРУСЬ. Эта страна, в отличие от России, должна быть доступна пониманию умом. В Беларусь тоже можно верить, вера позволяет сохранять память о Беларуси несколько веков отсутствия такой страны в пространстве очевидного, сохранять европейское самосознание в период господства азиатчины. Сложен переход от веры к разуму, от мечты к реализации — осуществлять такой переход нужно аккуратно, осторожно и педантично.

Реальность и действительность не совпадают между собой, не тождественны друг другу. Все действительное — разумно, все разумное — действительно. Но все реальное — практично, все практичное — реально.

Путь от мечты и фантазии к реализации лежит через действительность и разум. Чтобы нечто реализовать, нужно не только хотеть этого, но знать, «что это» и «как это делается».

ОТНОШЕНИЕ / ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ФАНТАЗИЯ, МЕЧТА, ВЕРА	МЫШЛЕНИЕ	ВОЛЯ, ПРАКТИКА
ОБЪЕКТ-ЭКЗЕМПЛИФИКАТ	БЕЛАРУСЬ	БЕЛАРУСЬ	БЕЛАРУСЬ
ПРЕДМЕТНОСТЬ	ОБРАЗЫ, ПЕРЕЖИВАНИЯ Родина Мать Зорка Венера Спадчына Пагоня Славные победы доблестного беларуского оружия и т. д.	ПОНЯТИЯ государство нация территория язык культура право хозяйство рынок	ДЕЯТЕЛЬНОСТИ строительство оборона проектирование торговля образование производство политика управление
ПОЗИЦИИ – АВТОРСКИЕ ПРАВА, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ	ПОЭТЫ ИДЕОЛОГИ	ТЕ, ЧЬЕЙ РАБОТОЙ ЯВЛЯЕТСЯ МЫШЛЕНИЕ (философы, аналитики, политики...)	ПРАКТИКИ
РЕАЛИЗАЦИИ (СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЭТО?)	ЕСТЬ	НЕТ	НЕТ

Если перевести содержание этой таблички в простые суждения, то это может быть сформулировано так:

Беларусь поют, славят, ругают или превозносят, рисуют или освистывают.

Беларусь не строят, не охраняют, не возделывают, не культивируют.

Почему? Потому, что не думают. Не думают Беларусь.

Грамотные скажут: думать — непереходный глагол, думать Беларусь нельзя, можно думать про Беларусь. Но с этим грамотным суждением нельзя согласиться. Думают про Беларусь многие. Думают о том, как вывезти из страны то, что здесь дешево, и продать это там, где дорого. Думают о том, как спрятать деньги, заработанные в Беларуси, потому что вкладывать их здесь некуда, а хранить опасно. Думают о том, как бы прикинуться несчастным беларусом и «на халяву» съездить за границу, потому что на сэкономленные деньги в Беларуси можно хорошо жить. И много всяких других раздумий бывает про Беларусь. Думают даже о том, как стать президентом страны, которую не мыслят страной, а только частью другой страны. Думают о том, как избавиться от суверенитета и ответственности с ним связанной.

А нужно думать Беларусь, что она есть. Думать, как она есть, как и какой ей быть.

В Беларуси вам без всякой рефлексии любой может сказать: «мы русские, мы советские». Говоря про Москву и Санкт-Петербург, про Сибирь или Поволжье, — без запинки произносят: у нас, наше, мы. В Беларуси везде вас встретят по русскому обычаю «хлебом-солью» — не просто подадут на беларусском рушнике «хлеб-соль», но именно с прибауткой: «по русскому обычаю».

Мы говорим — Беларусь, подразумеваем — Русь, мы говорим — Россия, подразумеваем, что Россия немыслима без Беларуси. В России так уже не говорят. Говорить А еще не значит думать А. Говорим А, а в уме Б.

Язык мой — враг мой. Беларус может говорить на русском, беларусском, польском или английском языке, но, произнося слово «Беларусь» на любом из этих языков, он может думать за этим словом Россию.

Можно говорить «Беларусь», а думать при этом что-то другое: БССР, провинция, жертва суверенитета, Белая Русь и т. д. Такое мышление (если оно мышление) — абстрактно, ошибочно и убого. Если говорить «Беларусь» и думать Беларусь, то тогда глагол «думать» становится переходным. Такое мышление конкретно, интенционально, на его основе можно строить реализации. Творческое мышление оперирует переходными глаголами.

***

Конфуция спросили: — *С чего надо начинать реформы? — С исправления имен,* — был ответ.

***

С чего Беларусь может начать «быть»? С того, что ее начнут думать. С исправления имени. Сначала одного, главного в этой стране имени собственного, потом и остальных имен собственных и нарицательных. Только так можно избавиться от разрушительного двоемыслия.

Джордж Оруэлл описал особый язык — ангсоц. Этот язык обслуживал особый способ мысли — двоемыслие. На уровне лексики двоемыслие достигается простыми перевертышами смыслов: мир — это война, свобода — это рабство и т. д. Но есть и другой, более сложный пласт семантики, где процедура вытравливания истинного значения слов затрагивает не лексику, а то, что

мыслится за словами. Словам не просто приписываются те или иные смыслы, задаются трафареты и траектории употребления слов. Например, слово «свобода» должно быть оторвано в употреблении от значений, которые оно принимает, выступая прилагательным к существительным: дух, личность, совесть, человек. В ангсоце можно сказать: свободные башмаки (они не жмут), туалет свободен (не занят), я свободен (у меня есть время) — эти выражения имеют смысл и значения. Но в оруэлловском языке нельзя сказать: свободная пресса, свобода воли, гражданские свободы — эти выражения смысла и значения не имеют или должны пониматься так: пресса, испытывающая недостаток материалов, поэтому остаются свободные (незаполненные) полосы в газетах (абсурд, но зато с допустимым смыслом). Свобода воли — это нечто вроде глубин высоты.

Двоемыслие в оруэлловской Океании вводилось как нечто переходное от мыслия к немыслию, которое выдается за мыслие. Когда немыслие достигнуто, о двоемыслии забывают. Когда вырастет поколение, которое будет употреблять прилагательное «свободный» только к башмакам и туалетам, оно без юмора и сомнения будет принимать за истинную реальность такие ситуации:

— Скажите, я имею право..? — Имеете. — Значит, я могу..? — Не можете.

При этом допускать полного немыслия нельзя — прекратится всякая практическая деятельность. Мышление — опасно, вся глупость и неспособность властей становится видна, немыслие — опасно, наступает коллапс жизни и деятельности. Двоемыслие — уютно, спокойно, *памяркоўна*. Совсем как в Беларуси.

— Мы свободны и суверенны? — Да.
— Почему у нас такая нищета и бардак в стране?
— Россия виновата.
— Как будем решать наши проблемы?
— Объединяться с Россией.

Думать Беларусь значит за употребляемым в речи именем иметь понятие экземплифицированного суверенного самодостаточного объекта. Беларусь есть нечто, отличное от других. Тютчев и ему подобные не могут умом понять Россию потому, что постоянно пытаются мыслить ее как Францию, Германию или Третий Рим. Получается чепуха, Россия не Рим, ни третий, ни первый. Вместо того чтобы мыслить Россию как Россию (чтобы просто мыслить), они говорят: «умом Россию не понять». Так им и надо. Россия навсегда останется в Азии, будет восточной страной, т. е. страной без мышления. Страна без мышления — это очень просто: функция мышления (мышление только постольку мышление, поскольку всегда современно, т. е. своевременно и уместно) отдается узкому слою людей, называемых интеллигентами, и отчуждается от всех остальных людей.

Интеллигенты поэтому всегда иностранцы в России, диссиденты и изгои, неуместные и несвоевременные герои ненашего времени, или «лишние люди».

В Беларуси ситуация гораздо хуже. Русские интеллигенты — иностранцы в России, беларусские интеллигенты — русские. Как выражался Лесков: иностранец, он и у себя на родине — иностранец. Беларусские интеллигенты — иностранцы в квадрате.

В европейской стране каждый гражданин думает свою страну, там нет интеллигенции в российском понимании.

Есть такая мысль: может быть, беларусы впервые за несколько последних веков стали думать Беларусь, поэтому проголосовали «за своего» — за Лукашенко. Они не стали голосовать за коллаборациониста Кебича, за «интеллигентов-иностранцев» Пазьняка и Шушкевича. Беларусы думают как умеют. Не стреляйте в пианиста, он играет как умеет. Кто может думать лучше? Каждый может думать Беларусь как умеет. Но думать нужно вслух. Иначе двоемыслие будет продолжаться и может перейти в полное немыслие.

Принять утверждение о том, что не каждый человек мыслит, очень трудно. Человек разумен — это аксиома. Но разумность человека не означает, что он актуально разумен в каждый момент времени. Человек разумен потенциально. Любой может мыслить и действовать разумно, может, но не каждый так действует. Машину или лошадь нельзя упрекнуть в неразумности, потому что они неразумны вообще. Только человек разумный может быть неразумным или безумным. Безумец может называть черное белым, лошади это в голову не придет, у нее и слов-то таких нет. Разумно называть вещи своими именами: черное черным, белое белым, Беларусь Беларусью, а не Россией, Белой Русью или Северо-Западным краем.

Людвиг Витгенштейн как-то анализировал фразу: «Идет дождь, но я с этим не согласен». Фраза грамматически правильна, но неразумна. Если дождь и в самом деле идет, то мое согласие на это не требуется и с моим несогласием он считаться не будет. Если идет дождь, разумно раскрыть зонт, а не ковыряться с собственным согласием или несогласием.

Некоторые беларусы утверждают: «Советский Союз распался, но я с этим не согласен».

Я понимаю, что распад Советского Союза не дождь. Этот факт зависит от согласия или несогласия людей. Я хорошо понимаю тех, кто говорит, что распад СССР был неправильным действием, поэтому СССР или его аналог нужно восстановить. Не являясь сторонником восстановления СССР, я допускаю существование своих оппонентов и готов с ними спорить, выслушивать и анализировать аргументы «за» и «против». Но факт распада должен быть принят, иначе дискуссия невозможна. А что делать с теми, кто не признает этого факта? Мне пришлось разговаривать с интеллигентом, который живет в Советском Союзе в 1994 году. Он не признает реальным существование Республики Беларусь, для него это мираж, фантом. Я могу разговаривать с гражданином другой страны, я могу

разговаривать с человеком, который считает, что моя страна должна прекратить свое существование. Но как говорить с человеком, который считает мою страну плодом моей фантазии, когда я вижу, что это его страна является вымыслом? Как разговаривать с людьми, для которых СНГ — это новое название СССР?

СНГ существует как договор нескольких государств, как НАТО, Варшавский договор или СЭВ. Высшим органом, принимающим решение, в любой стране являются ее законодательные и исполнительные государственные структуры, а межгосударственные договоры выступают только условиями принятия этих решений. Но не в Беларуси, здесь многие государственные структуры пользуются документами СНГ как руководством для себя. СНГ рассматривается как большое аморфное государство, Беларусь мыслится в нем как «союзная республика» с чуть большими полномочиями, чем БССР в составе СССР.

Давайте называть вещи своими именами. Правительство, ориентированное в принятиях своих решений на СНГ — марионеточное правительство, преступное по отношению к своему народу (или нахлебник по отношению к русскому народу). Такое правительство не мыслит Беларусь как Беларусь — значит, не мыслит как правительство, значит, не мыслит вообще. Правительство Кебича было именно таким, немыслящим. Но кто мыслит в стране, которая три года терпит такое правительство? Кто будет гарантом того, что такого не произойдет с новым правительством?

Кто мыслит в этой стране?

Нам популярно объясняли, что развал беларусского хозяйства связан с тем, что распад СССР лишил Беларусь ресурсов. Это суждение — результат полнейшего немыслия. Беларусь лишена нефти и газа, но их у нее никогда не было. Нефть и газ поступают в Беларусь в обмен на продукты, производимые здесь за счет своих собственных ресурсов. Собственные ресурсы Беларуси (земля, интеллект, географическое положение, труд людей) используются плохо или разбазариваются.

Перефразируя Кота Матроскина, можно сказать: ресурсы у нас есть, у нас ума нету.

Я что-то не припомню, чтобы австрийцы, венгры, чехи стонали в двадцатые годы о пропаже ресурсов Силезии, Боснии, Трансильвании и потере выходов к морю. Они стали использовать свои ресурсы. Они перестали мыслить Австро-Венгерскую империю, а стали думать Австрию, Венгрию и Чехословакию, и у всех нашлись свои ресурсы. Больше ума — больше ресурсов. Арабская нефть — ресурс Западной Европы, сибирские металлы — ресурс Эстонии, беларусские высокие технологии — ресурс российского ВПК, интеллектуалы, подготовленные в вузах и школах Беларуси, — ресурс Израиля и США. Ресурсы Беларуси достанутся тому, кто будет думать Беларусь в Тель-Авиве, Вашингтоне, Москве или в Минске.

***

Если бы Беларуси не существовало, ее следовало бы выдумать. Выдумать — глагол совершенного вида. Для того, чтобы выдумать, — нужно думать,

думать то, что намерен выдумать. Только так Беларусь может начать «быть», т. е. станет существительным, а не прилагательным к некой территории. Для этого нужно, чтобы все предложения, исходящие из Беларуси, имели Беларусь подлежащим, а не дополнением или обстоятельством места, главным, а не второстепенным членом предложения.

***

Неокантианец Лотце сформулировал своеобразный итог европейской мысли XIX века: то, что должно быть, является основанием того, что есть. Тот, кто думает и делает Беларусь, должен основываться не на преданиях Великого княжества Литовского, статистике 1913 года или мифах про Машерова, а на том, чем Беларусь должна быть. Поскольку представления о том, чем должна быть Беларусь, разные (суверенное и процветающее государство или сиротствующая, обделенная ресурсами провинция империи), то реализуется представление тех, кто будет думать Беларусь правильнее, реалистичнее и действительнее. Т. е. в конкуренции за определение будущего Беларуси выиграет не тот, кто громче и мелодичнее ее поет, кто говорит на более чистом языке, а тот, кто умнее, кто больше и лучше думает.

РОДНОЙ ЯЗЫК? — СОВЕТСКИЙ

Украинский канадец — советскому украинцу: — *Я маю кару, хату, вайф и севен чилдренят. А що маешь ты?*

***

Этот текст написан на русском языке. С младенчества я учился говорить на русском языке. В беларусской общине сибирского города, где я провел первые годы жизни, сохранялись семейные связи, желание вернуться на Родину из ссылки и фонетические особенности (акцент) диалектов беларусского языка тех местностей, откуда прибыли ссыльные. Сам язык, его лексика за десять лет пребывания в ссылке исчезли, растворились в гулаговском «вавилоне». Когда семья вернулась в Беларусь, школа «любезно» освободила меня от «обременительных» для мигранта уроков беларусского языка, требуя посещения только уроков беларусской литературы, которую можно было читать в переводе. Понятно, что десятилетний школяр может только приветствовать такой порядок, прогуливать урок, когда все одноклассники пишут свои диктанты. В Гродно в 60—70-е годы уже не было ни беларусских школ, ни театра, ни газет. Бытовой язык гродненцев тоже был отнюдь не беларусским. Потом армия и университет в Ленинграде.

Случай, возможно, не типичный, но у большинства беларусов найдутся свои индивидуальные причины незнания родного языка, а кроме того, множество обоснований, почему они его не хотят и не будут учить.

Восстановление языка дело очень сомнительное. В истории много примеров неуспехов на этом пути (например попытка реанимации провансальского языка в XIX веке). Языки возникают, живут и умирают. Иногда

цикл жизни языка не зависит от жизни народа-носителя. Латынь, санскрит и церковно-славянский употребляются, хотя народы, для которых они были родными разговорными языками, давно прекратили свое существование. Иногда народы меняют свой язык, переходят на чужой или создают новый. Очень редко удается реанимировать язык. Иврит — это хрестоматийный пример, с оговорками можно вспомнить историю чешского языка. Судьба беларусского языка еще не понятна, мало того, непонятен современный статус его. Латынь и древнегреческий принято называть мертвыми языками не просто потому, что народы-носители вымерли (греки, хоть и не ионийские эллины, живы до сих пор), а потому, что очень ограничена сфера их употребления. Средневековая латынь (вульгата) была живым языком, на ней писали книги, читали лекции, вели делопроизводство и пользовались в быту во всех монастырях Европы. Если язык существует только как книжный, его относят к категории мертвых. Если он существует только в быту, его относят к категории бесписьменных (языки вепсов, ливов, ирокезов, цыган и т. д.). А как быть с языком, который для одной категории людей (беларусские писатели, журналисты, учителя) книжный, а в быту они говорят на другом, для другой категории (сельское население) бытовой, а ведение делопроизводства и чтение книг происходит на другом? А может, это вообще разные языки? Может быть, языки беларусских крестьян и писателей считаются одним языком только по недоразумению? Я не знаю.

***

Когда славянофилы Аксаков или Хомяков наряжались в «русский национальный костюм» и выходили на московские улицы, русские мужики говорили: «Персиянин пошел».

***

Беларусские суды не могут вести судопроизводство на беларусском языке. Мало перевести документы и кодексы на беларусский язык. Каждое слово адвоката, нотариуса, судьи и прокурора должно быть выверено, соотнесено с длительной практикой, подкреплено прецедентами (это справедливо не только для англосаксонского судопроизводства). Слишком много значит слово в правовых отношениях, переход на другой язык требует кардинальной правовой реформы, составлением разговорника здесь не обойтись.

Как передать на беларусском языке различие терминов: мышление, рассудок, разум или мысль, мнение, суждение, умозаключение. Я могу попытаться подобрать слова и приблизительно передать смысл, но это не терминологическое употребление слов. Так можно популяризировать философию, но не философствовать. Аналогичные трудности в любой дисциплинарной сфере знания.

Связь философии (мышления как такового) с языком очевидна. Различия немецкого, английского, французского или русского философствования во многом определяются строением базовых языков и построенных на их основе терминологических языков. Многие понятия при вживлении в иную философскую систему либо искажаются, либо требуют терминологи-

ческого заимствования. При этом все равно происходит либо обогащение понятия новыми нюансами и смыслами, либо редукция их. Термин можно заимствовать, но что делать с деривацией, управлением глаголов и другими синтаксическими особенностями, искажающими семантику и прагматику слов?

***

Как перевести на русский *мець рацыю*?

Иметь резон? Прямая калька, но по-другому употребляется.

Иметь смысл? Нет, имеет смысл суждение, а мае рацыю человек.

Быть правым? Возможно, но «быть» и «иметь» — тоже разное.

Желающие поупражняться в переводе могут подставить в разделе 9 настоящего текста вместо слова игра — гульня. При этом помнить, что русское слово игра употребляется в этом тексте в трех разных смыслах (как минимум), которые в английском языке соответствуют знакам: game, play и performance.

***

Сапега создавал беларусский правовой язык. Карсавин создавал литовский философский язык. Ломоносов создавал русский научный язык. Можно набрать еще много таких примеров. Прецеденты создания языков известны, иногда известны имена тех, кто имел к этому некоторое отношение. Но каждый такой случай мифологизирован. Карсавин не создал литовского философского языка, его нет до сих пор. Ломоносов не создал русского научного языка, он был создан усилиями поколений до и после Ломоносова. Может быть, Ломоносов был одним из первых, кто относился к этому делу рефлексивно и действовал целенаправленно. До него русскую «ученую» лексику формировали греки и беларусы, но они поступали либо нерефлексивно, пользуясь в Москве языком, который привезли из Беларуси (например Симеон Полоцкий или Илья Капиевич), либо калькируя иностранные языки. Создание языка — дело человеческое, но сам язык не может быть «рукотворным» (даже эсперанто Зоменгофа не может этого опровергнуть). Язык сам решает, быть ему или не быть, он сам эволюционирует, сам селектирует лексику и смеется над теми, кто заменяет галоши мокроступами. Но это не значит, что люди не могут участвовать в процессе становления языка. Просто это не может быть сведено к реформам грамматики и исполнению закона «О языке».

***

Нельзя обязать язык быть. Он сам возникает, как только становится нужен. Нужен ли беларусский язык? Кому, зачем, в какой ситуации?

Если просто строить оппозицию «русский — беларусский», то понятно (очевидно), что беларусский не выдерживает конкуренции ни в одной сфере. Если прогнозировать судьбу беларусского языка как альтернативы русскому, то можно предположить, что на 99 % он обречен на вымирание или культивирование в редуцированных формах (в еще более узкой сфере, чем сегодня). Он практически не нужен никому, кроме узкой кучки интеллиген-

ции. Но есть реальная альтернатива, в которой беларусский язык может быть нужен, — это оппозиция «советский — беларусский».

Упоминавшийся выше оруэлловский ангсоц и до сих пор бытующий советский язык, на котором культивируется двоемыслие, с помощью которого уничтожается мышление и культура, есть орудие тоталитаризма, используемое для того, чтобы сделать необратимыми последствия тоталитаризма. Независимо от того, лексика какого национального языка использовалась, советское двоемыслие транслировалось поколением за поколением выпускников советской школы. Развитие национальных языков хоть как-то позволяло защищаться от экспансии двоемыслия. Чем шире была сфера употребления того или иного национального языка, тем сохраннее был здравый смысл народа и мышление интеллектуалов. Беларусь идеологически самый отсталый регион бывшего СССР именно в силу неразвитости, депривированности и изолированности беларусского языка. Русские отличают свой родной язык от советско-русского, эстонцы и молдаване спасались родным языком от тотального оболванивания советской идеологией, у беларусов защиты не было. Русский язык они приняли как язык культуры, как язык города вместе с советским двоемыслием. Теперь даже национализм в Беларуси заражен двоемыслием.

Реальная перспектива беларусизации состоит в отказе от советского языка (отравленного языка, по выражению Хайека) и связанного с ним двоемыслия, переходе на нормальный человеческий язык. Это и будет новобеларусский язык. Наверное, он будет отличен от языка Скарыны и Сапеги, а также Купалы и Багдановича. Утвердившись в Беларуси, он будет развиваться по своим законам, законы людей и государства ему не указ. Но люди могут помочь своему языку. Не нужно бояться тенденций развития языка, заимствований и калькирования. Может быть, этот язык будет очень похож на современный русский, может измениться даже фонетический строй его, но это будет настоящий реальный беларусский язык, а не реликт из этнографического заповедника. Чем меньше будет пуризма и ригоризма в языковой политике, тем легче пойдет процесс становления нового языка. Все равно пользоваться реликтовым языком в новых условиях не получится. Развитие знания, диверсификация профессиональных норм, мода в массовой культуре — все это опережает развитие и становление языка. Поэтому ситуация отказа от латыни и формирование национальных языков «осенью средневековья», когда возник первый беларусский язык из древнерусского, больше не повторится. Тогда соотношение названных скоростей было обратным. Неповторима даже ситуация формирования национальных языков в XIX веке.

Кто не успел, тот опоздал. Беларусы не успели в прошлом веке, поэтому придется делать это в XX, в новой ситуации постмодернизма и широкого распространения масскультуры, комиксов, сленгов, трасянок разных видов. Как это делать в XX веке, никто не знает. Возможно, беларусский язык будет первым и последним, становление которого началось в XX веке.

Если успеем.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Можно ли считать результатом деятельности то, чего не было в ней в качестве цели? Ведь цель — это результат, вынесенный в начало процесса деятельности, а результат — это реализованная цель с допустимыми отклонениями. Если то, что получилось в некотором процессе, не совпадает с исходным замыслом, с целью, то это, скорее, результат случайных процессов, протекающих одновременно с деятельностью, но ею не являющихся. Ведь не считает же актер гром, раздавшийся во время его выступления, результатом своего искусства. Магическая установка post hoc ergo propter hoc всегда считалась ошибкой умозаключения.

Сделать хотел утюг — слон получился вдруг... с розовой полосой. Утюг делался, но не сделался. Слон не делался, но получился.

Незачем считать неумелое деланье утюгов причиной появления слонов. Поиски злого умысла в качестве причины событий, которые кому-то не нравятся, — любимое занятие рассудочных «теоретиков». Злой или добрый умысел — индульгенции гордыни интеллекта, который не контролирует событий и процессов, но не может в этом признаться.

Задаваться вопросом: «кто виноват?» — проще, спокойнее, чем разбираться с устройством мышления, рассудка и мира вообще.

Горбачев, затевая перестройку, не имел целью суверенную Беларусь. Бразаускас, Ельцин и другие, форсировавшие объявление независимостей своих стран, меньше всего думали про Беларусь. Пазьняк, БНФ, ЦРУ, сионские мудрецы и прочие так же мало виноваты в независимости Беларуси, как и Кебич, подписавший «за компанию» соглашение в Вискулях. Как же разобраться с тем, что привело к суверенитету страны, существование которой не было целью людей, чьи действия можно анализировать? Ведь если этого не сделать, то есть только три варианта:

— любой мечтатель может приписать себе суверенитет Беларуси как результат своих усилий, во что верится с трудом;

— это чистая случайность (этакий суверенитет «с розовой полосой» на белом полотнище);

— на это была Божья воля.

Кому-то может быть достаточно любого из этих объяснений, но мышление не может быть ими удовлетворено. Хотя третий вариант автору вполне симпатичен, ведь познание замысла Бога всегда было задачей, достойной напряжения разума.

Когда шахматисты начинают партию, целью каждого является выигрыш: либо мат, либо добровольное признание поражения противником. Но игра может закончиться патом. Пат не является целью в начале игры, но может быть ее результатом, может быть наименьшим злом для слабого шахматиста и тем самым доставить ему радость. Игра не деятельность, она отличается от деятельности тем, что невозможно предсказать ее результат (я сейчас не принимаю в расчет вырожденные случаи игры с договорным ре-

зультатом, а имею в виду игру по понятию). Если отличие игры и деятельности обозначить точнее, то можно сказать, что мышление рассматривает деятельность как то, что имеет только два исхода: достижение цели (или совпадение цели и результата) и недостижение (т. е. ошибка), а как игру мышление рассматривает все те проявления человеческой активности, которые имеют больше чем два исхода, в которых число исходов-результатов может быть счетным и конечным, но вероятность их меняется во времени, в процессе проявления активности. Исход игры лучше рассматривать не как результат, а как выигрыш или проигрыш.

Приведенное выше различие игры и деятельности, при всей его простоте, заставляет располагать игру и деятельность в различных действительностях мышления. Будучи интеллегибильным объектом, игра, как и деятельность, требует кроме объективных измерений, достаточных для деятельности как таковой, еще и антропологического субъективного измерения или отношения. Только для игры, и ни для чего иного, справедлив тезис Протагора: «Человек есть мера всех вещей, существующих в том, что они существуют, и несуществующих в том, что они не существуют». Пат в шахматах или ничья в футболе могут быть описаны в объективированных формах, но, кроме того, они могут праздноваться одними как удача и победа, другими переживаться как поражение. Деятельностное и игровое описание одного и того же феномена не заменяют и не отменяют друг друга, но неполны и недостаточны друг без друга в мире человеческого бытия и антропологического отношения.

Республика Беларусь объектно и предметно описывается так же, в тех же схемах и понятиях, что и Республика Польша или Литовская Республика, но мы ничего не поймем про реальное бытие Беларуси, если не будем учитывать, что Литовская Республика — это победа, удача, достижение, выигрыш литовцев, а Республика Беларусь — несчастье, нежеланный исход, проигрыш в сознании многих беларусов.

С тем, что желанно, и с тем, что в тягость, люди обходятся совершенно по-разному.

Описание объектов в антропологической или игровой действительности меняет смысл и значение многих аспектов и вопросов, которые могут быть приписаны или заданы по отношению к объекту. Скажем, вопрос «кто виноват?» теряет смысл применительно к игре, поскольку ответственность за исход игры распределена между всеми участниками. Странно было бы, если бы противник не использовал ошибки, просчеты и недостаточное знание правил со стороны партнера. Субъективный фактор (знания, умения, техника, способности) становится определяющим в описании фактов, событий и процесса игры. Объекты деятельности и игры отличаются от природных объектов своей «злонамеренностью», или просто намеренностью — интенциональностью. Бог и природа изощрены, но незлонамеренны. Природные объекты задаются и

описываются в естественных науках как независимые от наблюдения и свойств наблюдателя. Объективность в естествознании — это такое описание объекта, которое исключает субъективное отношение человека (как деятеля, так и наблюдателя). Объективность в гуманитарной сфере при описании игры и деятельности требует включения субъективного отношения в картину или схему объекта, хотя и по-разному. При описании объекта деятельности мы полагаем человека формальным понятием, схемой места или элементом в деятельности, которые характеризуются одними и теми же свойствами и атрибутами независимо от конкретного наполнения. Место человека в деятельности задается позицией и нормами деятельности, которые фиксируются в объективированных формах как действительные для любого индивидуального деятеля. Сама индивидуальность как экземплификат выносится за скобки, она не описывается и не схематизируется. О ней вопрошается в рамках самоопределения, но при этом предполагается, что ответ на вопрос о самоопределении может и должен быть дан в объективированной форме как культурное самоопределение. Культурное самоопределение означает, что любые проявления субъективности допустимы в заранее заданных предписанных формах. Каждая деятельностная позиция, известная в культуре, характеризуется известным набором целей, знаний, подлежащих субъективации средств деятельности. При исследовательском отношении к деятельности постоянно приходится сталкиваться с позициями и деятельностями, закрепленными в культуре, но не описанными. Их описание получается через «разбор полетов», т. е. деятель получает возможность действовать в известной ситуации, а потом вместе с исследователем рефлектирует свои действия, предполагая при этом, что он действовал в рамках нормированной деятельности. Такое рефлексивное исследование деятельности строится на том, что рефлексия отделяется от деятельности, противостоит ей и является тем пространством, в котором деятельность объективируется, становится тем, что может транслироваться культурой. В некотором смысле такая объективация деятельности отождествляется с десубъективацией, с отчуждением субъектного от субъекта и предметизацией и нормировкой его в культурных эпистемических формах.

Игра требует иного отношения. Рефлексия вплетена в игровой процесс как обязательный элемент. Через рефлексию в игре происходит не только объективация и опредмечивание деятельности, нормировка ее, но и комплексирование индивидуальных характеристик деятельности и деятеля. Субъективность в игре полностью задействована, более того, она является ее условием. Могут быть вырожденные формы игры, когда ходы в игре и исход ее канонизированы (театр, деловая игра, performance). Назначение и смысл таких игр состоит только в «высвечивании» индивидуальной субъектности, в работе с ней, либо для экспликации ее (как в театре), либо для импликации игрового содержания в ней (дидактический эффект детской или деловой игры состоит в субъективации правил, норм игры или проигрываемого содержания).

Действительность игры разворачивается в пространстве, имеющем по минимуму три измерения: общее для участников игры поле или плацдарм

условий, действий, ходов и возможностей реализации целей, установок и задач; картина игрового поля или плацдарма, имеющаяся в распоряжении у каждого участника; реконструируемая каждым участником игры картина игрового поля или плацдарма, имеющаяся или предполагаемая у противника или партнера. Шахматная игра в вырожденной «окультуренной» форме представлена в учебниках дебютов. Шахматист, разыгрывающий какой-нибудь гамбит и просчитывающий варианты этой стратегии, понимает, что противник может не принять жертву его фигуры и навязать свой вариант игры. Намерений противника он знать не может, поэтому постоянно отслеживает то, что происходит на доске, проецируя то, что на ней происходит, на свою «внутреннюю» доску и пытаясь понять, что происходит на «внутренней» доске противника.

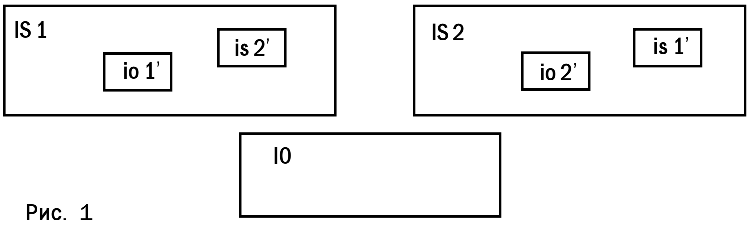

Рис. 1

Где: IO — объективированное игровое поле, io 1 — оно же в картине игрока 1, и io2 — в картине игрока 2;

IS 1 — картина игры у игрока 1, is 1' — реконструкция ее в картине игрока 2;

IS 2 — картина игры у игрока 2, is 2' — реконструкция ее в картине игрока 1.

Такая схема достаточна для описания игры двух партнеров на игровом поле, которое организовано в знаках и вещах (например шахматы). Детализация схемы таких игр производится через введение уровней рефлексии в картинах каждого из игроков, где, кроме старых элементов, вводятся новые рефлексивные, — тогда, например, картина игры у игрока 1 будет выглядеть как-то так:

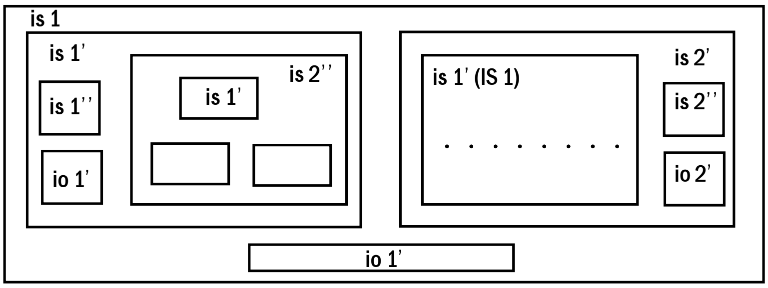

Рис. 2

В таких схемах игровое поле используется для объективации, экспликации и визуализации работы с внутренними картинами игроков. Такое поле игры не имеет собственной жизни, его можно представить как знаковую систему коммуникации между игроками. Все становится сложнее, если в игровое поле вводится другая субъективность или игроки играют собой и с собой (классический пример — полководцы и их армии). В этом случае субъективность приходится вносить в игровое поле, оно начинает жить собственной имманентной жизнью. То, что на нем происходит, уже не определяется только действиями игроков. Игровое поле становится интенциональным, «злонамеренным», персонажи, действующие на поле самостоятельно, «путают карты» игрокам, и игроки вынуждены учитывать и эту субъективность. Даже китайский средневековый теоретик государственного управления Ван Янмин, который анализировал политику абсолютно самодержавного государства Поднебесной империи, рекомендовал императору при проведении реформ спрашивать мнение народа. Правда, тоталитарные режимы постоянно повторяют одну и ту же методологическую ошибку: они пытаются свести антропологическую действительность игры (политику) к деятельности в объективированных формах, редуцировать схемы рефлексивных отношений к предметным преобразованиям.

Сталин и Гитлер (Москва и Берлин) разыграли сложную игру между собой на «поле Европы». Их игра завершилась подписанием протокола — пакта Молотова-Рибентроппа. Чтобы имманентная жизнь Европы не мешала подведению итогов игры, были предприняты соответствующие ходы (натурализация мыслительных редукций):

— в Литве, Латвии и Эстонии поставлены марионеточные правительства (марионеточные — значит лишенные субъективности, возможности проявлять свою индивидуальность. Двадцать лет эти три народа напряженно размышляли и вдруг, с интервалом в один день, летом 1940 года на них «снизошло откровение» и они «добровольно» вошли в состав СССР.);

— на польско-германской границе устроено костюмированное представление;

— в Польше, Западной Беларуси и в Западной Украине запретили компартии, чтобы не было лишних свидетелей с никому не нужной субъективной рефлексией.

Ну, а когда Армия Краева в Варшаве стала «портить игру», начав незапланированное в Москве и Берлине восстание, — Советская Армия остановила свое наступление, дав второму игроку время, чтобы привести все в соответствие со сценарием.

Незачем шахматным фигурам вмешиваться в дела шахматистов.

Аналогичные действия были предприняты в Мюнхене относительно Чехословакии и т. д. Но натурализация мыслительных редукций возможна только при одном «маленьком» условии — при отсутствии людей с их мышлением и субъективной «злонамеренностью». Люди могут не согласиться с правилами игры и, имея «голову на плечах», могут «испортить всю игру».

Именно поэтому любимым девизом вождей тоталитаризма является максима: «Нет человека — нет проблемы». Нет человека — нет меры вещей, существующих и несуществующих. Мечта тоталитарных игроков — страна, населенная не людьми, а винтиками государственной мегамашины. Тогда большой игрок может сказать: «Я знаю нужды и чаяния своего народа».

Для описания игровой действительности и построения игровых стратегий нужна онтология игры. Требования к такой онтологии уже в первом приближении предполагают, что она должна снимать в себе онтологии «незлонамеренных» объектов природы и нормированных культурно-деятельностных объектов. В такой онтологии объекты природы, интенциональные объекты деятельности, знаки и средства деятельности должны охватываться рефлексией, а в организованностях последней происходит комплексирование разных интенциональностей. Описывая уже использовавшиеся нами как пример шахматы, Карпов и Гик прибегают к дополнительному описанию — шахматы как наука, как искусство и как спорт. Применительно к обсуждаемой нами проблеме экземплификатов мышления и деятельности, а также реальности и действительности их существования нельзя обойтись выделением типов мыслимости объектов (наука, искусство, спорт или игра), необходимы конструирование действительностей для их последующего комплексирования и прописывание отношений между ними. В рамках данного текста ограничимся только номинацией такой онтологии, как «культурная политика», которая должна задаваться с учетом вышеперечисленных требований и обстоятельств. В самом грубом приближении понятие «культурной политики» должно включать в себя:

Таблица 2

ТИПЫ ОБЪЕКТНОСТИ	ТИПЫ МЫСЛИМОСТИ
Объекты, средства и знаки мышления	Формальные языки, науки и логики
Объекты и материал деятельности	Эмпирические науки
Субъектность и индивидуальность людей, интенциональность	Гуманитарные науки, дескриптивная этика и антропология
Типы, нормы и правила коммуникации	Нормативная этика и право
Нормы и правила конфигурирования и комплексирования объектов данной таблицы	Методология и эпистемология
Самоопределение культурного политика	Рефлексивные техники

Игра — частая тема в философии XX века. Но ни Шестов, ни Гессе, ни Хейзинга не строили онтологию игры. Любимая тема прошлого столетия — борьба, конкуренция — выступала предельной рамкой мышления Мальтуса, Маркса, Спенсера, Дарвина, Ницше и многих других, в XX веке перестала быть предельной и была введена в рамку игры, кооперации, диалога. Хайдеггер, Шпенглер, Бубер, Бахтин и многие другие выходили на эту тему и как-то ее проработали. Даже Эйнштейн рассыпался в комплиментах Жану Пиаже,

заявляя, что тот занимается более сложными вещами, нежели теория относительности, — детской игрой.

Здесь не место строить и критиковать онтологию и теорию игры (сошлемся на работы В. Лефевра и Г. Щедровицкого, разбору и критике их подходов найдем другое место и время). Займемся анализом и разбором конкретной экземплифицированной игры в «Беларусь», обозначив только необходимые операторы и средства анализа и разбора.

Игра только тогда игра (или до тех пор игра), когда в ней сохраняется возможность контакта, встречи с новым, неизведанным, доселе «небывшим». Шахматная партия кончается, когда один из партнеров вынужден повторять одни и те же ходы. Спектакль в театре снимается со сцены, когда исчерпаны возможности самовыражения труппы и режиссера. Игра ума может разворачиваться на материале недоказанной теоремы Ферма, а на материале теоремы Пифагора — только школярская скука. Игра есть удержание двух реальностей в рамках постоянно эволюционирующей действительности, реальности ставшего и реальности становящегося. Ребенок, играя, становится взрослым — сначала «понарошку», а потом в действительности. Каждое поколение детей, играя в игры дедов и далеких предков, присваивает, субъективирует действительность прошлых поколений, транслирует традицию и культуру, а играя в новые игры, создает новый мир, иной и особый, меняет действительность. Если действительность законсервирована, поколения похожи друг на друга, дети лишаются реальности становления, а в мире прекращается развитие.

То, что возникает в игровой реальности как новое и единственное, не является действительным. Для него нет понятий, нет форм трансляции, не обеспечены условия существования. Единственное, возникшее в игровой реальности, может оставаться чудом, место которому в сказках и в игровых фантазиях, если оно не вписывается в рамки действительности, не соответствует реальности ставшего и устоявшегося. Но так происходит только тогда, когда мы не умеем менять рамки, не имеем понятия о рамках конституирования действительности.

«Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые, — говорил Козьма Прутков, — иначе занятие это будет пустою забавою».

В разделе 2 «Философская проблема» мы обсудили то, что является условием осуществления, реализации и «одействительнивания» экземплифицированного и явленного в единственном варианте, условием перехода от прецедента, казуса, чуда к культурному бытию в действительности и реальности. Это условие было описано как конфигурирование двух установок — реализма и номинализма, как комплексирование двух интенций — intentia prima и intentia seconda. Без работы с рамками, без удержания экземплификатов и единичного в организованных рамочных конструкциях игра остается «пустою забавою», не имеет реализационных и культурных последствий. Отсюда вытекает, что первым средством анализа игр является такая мыслительная организованность, как рамки и рамочные конструкции. Умение работать с

рамками предполагает принятие как реалистической, так и номиналистической установок. Только в реалистической установке игра есть пустое занятие. Но, поскольку живая реальность мира не может быть взята в этой установке целиком, реализм должен допускать существование чуда, сверхъестественных, сверхдействительных явлений, перед которыми реалистический разум признает свое полное бессилие. Только в номиналистической установке игра становится «не по-детски» серьезным занятием. Игровая реальность становления стремится стать единственной реальностью, происходит потеря здравого смысла, люди начинают жить в мечтах и фантазиях.

Такое сосуществование двух реальностей в игре, задаваемых двумя разными рамочными конструкциями, приводит к тому, что вещи, идеи и люди перебрасываются из одной рамочной конструкции в другую, их значение и содержание мерцают. В каждый конкретный момент времени существования человека, идеи или вещи необходимо выяснять, реконструировать: в каких рамках они сейчас действительны; где они действительны, а где мнимы; что с ними сейчас, в данной конкретной ситуации, можно и нужно делать.

Все пешки на шахматной доске равны, ходят и стоят одинаково. Но некоторые пешки могут стать ферзями, и то, что они могут ими стать, определяет их реальное участие в игре в большей мере, чем то, что они пешки. То, что должно быть, определяет то, что есть, и, в определенных рамках, реальнее того, что есть.

Те, кто верил в победу Кебича на президентских выборах, были реалистами, поэтому не видели реальности, поэтому поражение Кебича для них было чудом, чем-то нереальным. Те, кто верил в победу Пазьняка, придерживались номиналистической установки, поэтому тоже не видели реальности, поэтому поражение Пазьняка для них было отрезвляющим столкновением с реальностью. Те, кто играл на «мат королю», могут быть разочарованы тем, что «проходной» оказалась «пешка» не на том фланге, где хотелось бы.

Но игра есть игра, «ферзь» стоит на последней горизонтали, поэтому победа еще возможна, партия игры в «Беларусь» еще не закончена.

Вторым после рамок средством анализа является топика игры. В том же разделе «Философская проблема» были названы три главных пространства этой топики: Парадигматика, Синтагматика и Прагматика.

Парадигматика — пространство размещения материально-знаковых компонентов игры, то, что мы выше обозначили как объективированное поле игры (IO), а также субъективированные картины этого поля, имеющиеся в распоряжении игроков (io 1 и io 2) и часто отождествляемые между собой.

Синтагматика — правила игры, игровые стратегии и тактики, языки и логики работы на поле IO, средства построения картин IS 1 и IS 2, способы отождествления или разотождествления IO с io 1 и с io 2.

Прагматика — антропологическое пространство субъектности, рефлексии, самоопределения и манифестации картин IS1 и IS2. В этом про-

странстве происходит самоосознание человеком самого себя как активного игрока и участника процессов жизни и деятельности или пешки в играх других.

Во всех трех пространствах топики игры Беларусь конституируется как самостоятельная проблема.

Парадигматика. Что есть Беларусь в действительности? Что такое Беларусь в истории, экономгеографии, международной политике и т. д.? Об этом — большая часть данного текста.

Синтагматика. В каком языке, в какой логике, какими средствами нужно работать с парадигматическими проблемами Беларуси? Об этом идет речь в данном разделе.

Прагматика. Чего хотят беларусы в этой жизни от себя самих и от Беларуси? Кто может ответить на такой вопрос? В это можно только сыграть.

Введя принцип рамок и минимальную топику игры, с учетом всего вышесказанного, можно приступать к анализу игры в «Беларусь».

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Культурная политика — это не политика в области культуры. «Культурная политика» не значит «хорошая политика» в противовес плохой, «некультурной политике». Культурная политика — это современная политика, которая вышла за пределы полиса (процессуальным проявлением которого она является по своему концептуальному происхождению и этимологии), выросла из рамок государства и отношений между государствами. Культурная политика — это то, что приходит на смену силовой политике военного, экономического, идеологического диктата и давления. Культурная политика — это то, что приходит на смену исключительно интеллектуальной политике дипломатов, партийных программ и макиавеллиевских государей. Культурная политика — это не социальная политика интересов классов, кланов и мафий в марксистских версиях или гоббсовских и руссоистских вариантах общественного договора.

Культурная политика — это взаимодействие и диалог уникальных и экземплифицированных культур. Это диалог и коммуникация принципиально разнородных субъектов: личностей, государств, культур, социальных и других (конфессиональных, профессиональных, поло-возрастных и прочих) коллективов, которые вступают в отношения друг с другом и взаимодействуют на равных.

Культурная политика не признает приоритета каких бы то ни было прав над любыми другими правами. Права нации не имеют преимущества перед правами человека, а права человека не являются составной частью прав коллектива, с которым человек идентифицируется.

Культурная политика приходит на смену политике в конце XX века вместе с новым номинализмом, сменой рамок и картин мира, с «пере-

оценкой ценностей». Культурная политика есть манифестация современной формации мышления в пространстве деятельностных реализаций, когда государство перестало быть манифестацией гегелевского абсолютного духа. Культурная политика — это игра в мир XXI века. Проигрывание и промысливание настоящего и будущего в действительности вместо строительства «светлого будущего» или пассивного ожидания его.

Непонятно? Мне тоже. Давайте сыграем в это, все, что выиграем, будет наше. В такой игре проигрывает только тот, кто не играет.

«Born to win» — «Рожденные выигрывать» — так называется книга учениц Перлза и Берна о сценариях построения жизни человека. По теориям трансактного анализа и гештальт-терапии, люди, которые строят свою жизнь по образцам предков, по сценариям «давно минувших дней», обречены на неудачи и проигрыши в жизни. Они не адаптированы к постоянно меняющимся условиям реальных ситуаций, вынуждены раз за разом воспроизводить неудачные схемы поведения, а потом возвращаться к началу. Рожденные проигрывать не имеют средств разумной оценки реальности, функцию оценки ситуации и ориентации в мире вместо разума у них выполняют сценарные образцы.

Это про отдельных людей. А можно ли нечто подобное анализировать у групп, коллективов, стран?

Конечно. Есть набор сценариев, которыми пользуются некоторые страны, которые воспроизводятся каждым поколением политиков снова и снова, и страна обрекается на постоянное поражение. Есть регионы, в которых история зацикливается и повторяется по много раз. Регионы — воронки истории, где жизнь людей напоминает белку в колесе. Страны, где десятилетиями одна диктатура сменяет другую, и конца этому не видно. Страны, откуда начинаются войны и прокатываются волной по соседним странам, а после поражения все начинается сначала. Нации и государства могут находить в себе силы и прекращать действие своих трагических сценариев. Если этого не происходит, нации и государства прекращают свое существование.

Самый модный сценарий XX века, обрекший многие нации на жалкое существование, не несущий ничего, кроме бесплодных надежд, зависти к процветающим нациям и комплекса собственной неполноценности, — сценарий модернизации. Суть любой модернизации в национальном масштабе — скопировать у себя в стране уровень и образ жизни той страны, которая избрана в качестве образца для своего времени. Бывшие колонии копируют образцы своих метрополий, европейцы — США, особо изощренные (так называемые «развивающиеся» страны) — Советский Союз.

Программы модернизации (в основе которых лежит идеология модернизма) требуют линейного отношения к историческому времени. Предполагается, что страны можно расположить друг за другом в порядке развитости или прогрессивности. Сделав такое допущение и внедрив его в

массовое сознание, можно нарисовать картинку, в которой все «прогрессивное человечество» дружно шагает гуськом к светлому будущему, а впереди (в авангарде «прогрессивного человечества») «родина слонов» — СССР. Замените СССР на любую другую страну (США, Япония, Германия — вариантов не так много), измените образец прогрессивности и направление модернизации — суть от этого не меняется. Пороки такого подхода хорошо проанализировал Карл Поппер в книге «Нищета историцизма», но, тем не менее, на удочку историцизма или модернизации попались очень многие народы в XX веке. Исключения из этой порочной практики говорят сами за себя: Япония, Финляндия, Израиль — народы, которые никого никогда не догоняли, никогда не строили себя по сценарным образцам, а думали свои страны своим умом, не обращая внимания на то, современно (модерно) ли то, что они культивируют в своей стране.

Модернизм и модернизация — сценарии «рожденных проигрывать», привыкших жить чужим умом, думать вместо своей страны идеализированную «иконку» чужой.

Сколько раз говорилось миру: не сотвори себе кумира. Петр Первый начал модернизацию России, и с тех пор она все время кого-то догоняет. Хрущев обещал догнать и перегнать Америку, не замечая, что есть Япония, Германия и другие, которые, никого не догоняя, налаживают жизнь своих народов, СССР надрывается в гонке, а жизнь людей только ухудшается.

Каждое время, каждая эпоха должны оцениваться по своим критериям. Индустриализация была хороша в начале века, когда весь мир изменился, самая индустриальная страна мира — Англия — оказалась в очень трудном положении и стала проводить структурную перестройку своего хозяйства, а Советский Союз все это время наращивал свою индустриальную мощь. Положение дел в Англии нормализовалось, а СССР обвалился под тяжестью своих грехов, из которых модернизм не последний. Модернизация всегда приводит к отставанию.

***

Японскому специалисту с гордостью показывали один из флагманов беларусской электронной индустрии и спросили с подвохом:

— Правда ли, что мы отстали от Японии в этой отрасли на двадцать лет?

— Нет, — ответил японец, — это неправда. Вы отстали навсегда.

***

Модернизация не просто приводит к отставанию. Она приводит к отставанию навсегда. Не хотите отставать — не играйте в догонялки. Играйте в другие игры. В конце концов, даже модернизм выходит из моды, перестает быть современным.

На дворе последние годы XX века, на дворе уже давно постмодернизм. Постмодернизм — это не просто то, что следует сразу после модернизма. Это отказ от идеи модернизма и идеологии модернизации. Постмодернизм — это не то, что современнее современности, модернее модерна. Это

совсем другая игра. В этой игре много странного и непривычного. Главная ее особенность в том, что в ней каждый участник играет «свою игру». В ней нет универсалий и образцов для подражания и копирования, но зато есть уникальности, индивидуальности и экземплификаты.

Игры XX века «воспитали» особую категорию людей — болельщиков, людей около игры, которые сами не играют, но абстрактно-теоретически все про игру «знают». Современные средства связи и телекоммуникации позволяют отслеживать, анализировать и комментировать самые разные игры, быть в курсе игровых «раскладов», даже сидя далеко от игрового поля. В Беларуси много образованной интеллигенции, которая следит за политикой и геополитическими играми с позиции болельщиков и комментаторов, не принимая никакого участия в самой игре. Такие «компетентные» знатоки игры иронично относятся к политическим действиям БНФ и его лидера Пазьняка, снисходительно или зло подтрунивая над попытками Фронта включиться в европейские процессы, где играют такие гранды, как Германия, Франция, Россия. Я же с уважением отношусь к Пазьняку, поскольку он единственный (из тех, кто на виду) в этой стране пытается играть самостоятельно и играть в Беларусь. Не стреляйте в пианиста, он играет как умеет. Кто может играть лучше, выходите на «поле». Кебич даже не пытался играть всерьез: заигрывание и попытка встроиться в российскую команду — это не игра. Лукашенко — игрок непредсказуемый, но играет индивидуально, без команды, кроме того, у него нет «школы» и «техники». Первый раунд внутри страны он выиграл как новичок, через непредсказуемость и симпатии зрителей. Дальнейшее зависит не только от него, — президентов, как и королей, играют «свиты» и команды.

«Квалификационная игра» Республики Беларусь за выход в «европейскую лигу» еще только началась. Было бы обидно, если бы она закончилась безрезультатно, как было с Беларусской Народной Республикой, или привела бы к «дисквалификации», как в случае Великого княжества Литовского в «команде» с Речью Посполитой. Союзников и партнеров нужно выбирать с перспективой на выигрыш. Есть ли такая перспектива у «команды» СНГ? Это еще необходимо проанализировать.

Кроме того, некоторые «советчики» в Беларуси склонны воспринимать СНГ как самостоятельную «лигу» или «федерацию», а не как сборную команду (при этом собранную в спешке и плохо «сыгранную») для участия в европейском «чемпионате». Если игроки будут слушать таких «советчиков» — Беларусь навсегда останется «дворовой» командой, о которой в Европе никто не будет знать. Беларуси предложено играть в «европейской лиге». Неужели мы откажемся и предпочтем «забивать козла» в дворике по адресу «не дом и не улица...»?

***

3 сентября 1994 года, газета «Известия», статья «Страна огурцов». Стыдно, но какова игра, такова и критика.

Такой «хоккей» — нам не нужен.

Доктрина Монро и план Маршалла — две региональные политические стратегии США разделены целой эпохой. Америка для американцев — анахронизм XIX века. Доктрина Монро на многие десятилетия затормозила развитие государств на Американском континенте. Она предполагала только одного самостоятельного игрока в американском регионе — США, всем остальным предлагалась гонка за лидером, игра в модернизацию. Вся Латинская Америка до сих пор пребывает в разряде «развивающихся» стран. Скоро сто лет, как развиваются, а все никак не разовьются.

План Маршалла в европейском регионе имел совершенно другие последствия. Уже через полтора десятилетия Западная Европа восстановила разрушенное войной хозяйство и нормализовала жизнь и деятельность людей. Даже побежденная, разрушенная и разделенная на части Германия не позволила бы навязать себе такие рамки и правила игры, как в доктрине Монро, не говоря уже о членах выигравшей войну коалиции. Нужно правильно выбирать рамки и правила игры. Есть игры, в которые невозможно выиграть, и есть такие, в которых может выиграть каждый участник (если будет играть правильно).

Беларусь не имеет доктрины развития. Без доктрины развития завтра нельзя будет существовать в окружении развитых (не «развивающихся») стран Восточной Европы. Без нее сегодня очень трудно. Она нужна была еще вчера. Без доктрины развития нельзя провести даже самой маленькой реформы, даже замена милицейской формы становится грабежом налогоплательщиков. Без доктрины, без рамок, вне перспективы развития реформы накладываются друг на друга, мешают друг другу, это не реформы, а *бадзяннe без усялякай мэты*.

Со времен унии Великого княжества Литовского с Польшей, когда была организована федерация Речи Посполитой, формально состоявшая из двух частей — Короны и Великого княжества, — беларусы ни разу в истории не играли самостоятельных игр. Став однажды «младшим братом», наш народ сохраняет этот комплекс до сих пор. Сменился «старший брат», а «младший» так и не собирается взрослеть, не собирается сам вести свою игру, отвечать за свои действия. Находясь в составе Российской империи, Советского Союза, Беларусь если и предпринимала какие-то действия самостоятельно, то всегда вторичные, «вистуя» с кем-нибудь «за компанию». На вистах много не выиграешь.

Я не могу припомнить случая, когда Беларусь первой предприняла бы какие-нибудь действия, сделала первый ход. Копируя ходы партнера, нельзя выиграть даже в шахматы или поддавки.

Когда Шушкевич подписал на своей территории Беловежские соглашения, сделав едва ли не первый и единственный шаг без оглядки на «вышестоящие инстанции» (да и то разделив ответственность с лидерами двух соседних государств), Беларусь была шокирована такой дерзостью. Ему так и не простили этого.

Штаб-квартиру СНГ разместили в Минске именно с учетом этой хрони-

ческой несамостоятельности. Киев слишком самостиен, а в Москве располагать такой орган неприлично.

Вистующему игроку «сбросили карты».

Тому, кто не умеет играть, не может выпасть хороший прикуп, не идет хорошая карта. Пора заказывать свою игру.

Беларусь — суверенная страна, точнее страна, обладающая всеми формальными признаками суверенности. Высшая власть в суверенной стране принадлежит народу этой страны. Народ посредством институтов современного государства управляет своей страной, являясь ее единственным хозяином. Если народ не располагает в своей стране необходимыми институтами и структурами реализации права быть хозяином — эти институты необходимо создать. Через эти институты народ формулирует свои суверенные интересы, осознает их и защищает.

В Беларуси накопился ворох нерешенных проблем. Эти проблемы наши и только наши, нам их решать. Решение этих, своих собственных проблем в комплексе с условиями функционирования хозяйства и жизни общества составляют основу беларусских интересов в мировом разделении труда, в международной политике. На базе учета этих интересов, делающих Беларусь не похожей на соседние и дальние государства, должна строиться внутренняя и внешняя политика, программы развития страны и позиция ее в межгосударственных альянсах и кооперациях.

Интересы страны, ее народа и государства разные политические партии и движения могут видеть по-разному. Необходимы институты и инструменты согласования разных точек зрения, разных подходов. Необходим механизм достижения компромиссов и национального согласия. Расхождение во взглядах, подходах и ориентациях всегда были (не хочется вспоминать басни тех времен, когда «весь советский народ, как один...», «в одном строю...», «по одну сторону баррикад...» и т. д.), есть и останутся. Но народ, как суверен в своей стране, действует через институт государственной власти, который только один в стране, двух быть не должно. А государство, как единый субъект, может действовать только имея один план, одну стратегию, одну доктрину, — по крайней мере, на сколь-нибудь осмысленный срок.

(Хотя Воланд, безусловно, прав: как можно управлять, не имея плана на какой-нибудь смехотворно малый срок, скажем, в тысячу лет? Конституции могут меняться, но пишутся они всякий раз навсегда. А «навсегда», если я правильно понимаю это слово, несколько больше, чем тысяча лет. В Конституции записано: «Республика Беларусь — суверенное государство ...». Но никакая конституция не может гласить: «Республика X суверенна на срок N лет». Конституционное требование сохранения государством самого себя на вечные времена является рамкой для всех планов и программ, рассчитанных на определенный срок.)

Может быть, я слишком придирчив, но я не встречал ни разу формулировки собственных интересов Беларуси, которые не страдали бы пустой декларативностью, партийной однобокостью или идеологической ветхостью. Беларусское государство до сих пор не являлось инструментом защиты интересов суверенного народа. Если БССР можно рассматривать как некий рудимент государства, то оно являлось инструментом насилия и подавления одной частью народа другой, в полном соответствии с классовой моделью и парадигмой государства, разработанной большевиками. Таким оставалось и государство РБ все три года после провозглашения суверенитета. Опыта и институтов обеспечения суверенности своих собственных интересов (хотя бы в рефлексии, не говоря уже о деятельности, политике и игре) беларусское государство не имеет. Построить такие институты в ситуации постмодернизма, в современном интегрирующемся и кооперирующемся открытом мире неизмеримо сложнее, чем в ситуации прошлого века. Сегодня никто не имеет такого опыта. Интегрирующаяся Европа только нарабатывает такой пионерский опыт. Было бы резонно делать это вместе с ней. Но здесь есть сложности. Все нужно делать вовремя. Суверенитет государства и народа — дело прошлого века, учиться его реализовывать нужно было давно, а сегодня задача усложнилась. Конечно, это усложнение нужно принимать в расчет только в том случае, если Беларусь европейская страна; если она по-прежнему «союзная республика», об этом думать не надо. Речь идет о современных ограничениях на суверенитет государства.

Суверенитет современных государств ограничен с двух сторон.

С одной стороны, государства делегируют часть своих суверенных прав и полномочий надгосударственным институтам. По поводу определения этой части суверенных прав, которую можно отдать межгосударственным институтам, нет никакой определенности. Это предмет длительных дискуссий и временных компромиссов. Европарламент Европейского Сообщества и его исполнительные органы, а также органы СНГ — два наиболее ярких примера таких ограничителей суверенности государств. Но если Европа об этом думает, проблематизирует и рефлектирует, то про страны бывшего СССР этого сказать нельзя. А уж «вистующая» Беларусь в рамках СНГ просто всегда и во всем следует в фарватере России или молча присоединяется к большинству. Ограничение суверенитета — это всегда самоограничение. По отношению к Беларуси приходится говорить о том, что у нее ровно столько суверенитета, сколько ей позволяют иметь Россия и СНГ. Мышление в такой стране есть вызов общественному мнению и уголовно наказуемое действие. Пусть Россия думает, она большая — а «вистующая» Беларусь будет послушной, будет сбрасывать свои козыри на каждый ход игрока.

С другой стороны, суверенитет современного государства ограничен суверенитетом личности человека. Советский Союз несколько десятилетий отбивался от проблемы прав человека, рассматривая обсуждение этой проблемы как посягательство на свой суверенитет и на идеологическую монолитность. «И это правильно» — как говорил его первый и последний прези-

дент. Права человека действительно ограничивают суверенитет государства, нации и любого коллективного субъекта, разрушают любую идеологию. Это справедливо не только для Советского Союза, но для любого современного государства. Исламский фундаментализм, идеи чучхе, радикализация коммунизма, всплеск национализма — разные формы протеста традиционализма и коллективизма против доминирования проблематики прав человека в эпоху постмодернизма.

Жить в обществе и быть свободным от общества — нельзя. Под этой максимой марксизма и социализма подпишется любой националист и традиционалист в Иране, Ираке, Северной Корее, Латвии или Беларуси. А с принятием идеи прав человека — оказывается можно. Можно жить в обществе, а можно не жить. Можно жить в обществе и быть свободным от него.

Поэтом можешь ты не быть, и гражданином — не обязан.

Человек имеет право свободно выбирать гражданство, профессию, конфессию, класс, национальность и даже пол. Последнее может показаться перегибом. Для себя лично я не могу понять желания поменять пол — но кто сказал, что я должен понимать все. Если кто-то понимает это и имеет такое желание, я признаю его право на это.

Шесть поколений назад моих предков заставили быть православными, ликвидировав униатство в Беларуси. Пять поколений семья была православной, а теперь в ней есть атеисты, баптисты и католики. И все имеют на это право, они свободны выбирать конфессию сами.

«И это правильно».

***

Михаил Сергеевич не является изобретателем «нового мышления», он открыл его лично для себя и в восторге от этого открытия написал книгу.

***

Однажды ректор одного из университетов на территории бывшего СССР, профессор физики, вернувшись из зарубежной поездки, делился на лекции своим личным открытием. Оказывается, Бог — это идея, а не категория науки физики, поэтому научным физическим экспериментом нельзя ни доказать, ни опровергнуть «этой гипотезы». Поэтому атеизм не присуждается одновременно с дипломом об окончании естественнонаучного факультета университета. Он перестал смотреть на верующих как на людей, не знающих физики. Потрясающе!

Права гражданина на труд, на жилище и т. д. нельзя понимать как обязанность человека трудиться или жить в отдельной квартире, иначе такие «права» будут нарушением прав человека. Человек может не работать и жить под мостом, если он этого хочет. Человек может быть православным, беларусом, славянином, пролетарием, если он этого хочет, его права на это должны быть обеспечены. Он может не быть всем этим, если он этого не хочет, и его права на это также должны быть обеспечены. Такое личное открытие еще многим предстоит сделать в Беларуси, чтобы научиться жить в современном мире.

Чтобы обрести «новое мышление», не обязательно читать книгу Горбачева, не обязательно изобретать его самому. Нужно просто быть самим собой и позволить другим отличаться от себя так сильно, как этим другим этого захочется. Бог не есть категория физики, но физика не может судить обо всем мироустройстве. Нация и национальность тоже всего-навсего идеи. Быть беларусом — значит иметь о себе такую идею и мыслить себя таковым. Можно ли мыслить себя беларусом, если идея беларуса производна от идеи Беларуси, а последняя не сформулирована, не промыслена. Можно ли мыслить себя беларусом, если идея беларуса производна от идеи человека, а последняя в Беларуси не сформулирована ни в сфере права, ни в сфере человеческих отношений.

О, сколько нам открытий личных предстоит сделать, думая Беларусь и играя в нее.

Подкрепленная авторитетом Шекспира, Пушкина и многих других, банальность о том, что вся жизнь игра, известна всем. Но, как Шекспир, заявляя, что вся жизнь — театр и люди в нем — актеры, смотрел на игру жизни однобоко, так и многие понимают игру очень узко. Иоахим Хейзинга в книге «HOMO LUDENS» рассматривает широчайший спектр разнообразных игр, в который может быть упаковано любое человеческое проявление. От «Игры в бисер» Германа Гессе до психологических игр Эрика Берна — дистанция огромного размера, куда укладываются штабные игры военачальников и детские «классики», к тому же названные образцы не являются полюсами. По обе стороны от Гессе и Берна располагаются многочисленные неописанные игры.

Жизнь и деятельность не только огромная шекспировская сцена, где люди в ролях разыгрывают комедии и трагедии, но еще и театр военных действий, и «русская рулетка», и шахматная доска, на которой можно сыграть в поддавки и крестики-нолики. Каждый может выбрать себе игру по вкусу, по способностям и потребностям. Бобби Фишер, побеждая всех на шахматной доске, проигрывает в социально-политических играх, разворачивающихся вокруг шахмат. Ласкер обыгрывает соперников психологически, Капабланка — изящными комбинациями, Алехин — строгим расчетом, а Макс Эйве становится чемпионом через «везение».

Jedem das seine.

Кое-что о роли магнитной доски, комментаторов и шахматных журналов в развитии шахматного мышления и самой игры.

Чемпионы — герои и звезды. За их игрой, за их судьбой следят многочисленные болельщики и любители шахмат. Но есть особая категория людей в шахматном мире. Во время шахматного матча эти люди находятся не в зрительном зале, где идет живая игра, а сидят в соседней комнате, где висит магнитная доска. На магнитной доске отображаются сразу две игры: одна, которую играют в матче звезды из соседнего зала, и другая, которую разыгрывают шахматные теоретики, тренеры и другие адепты шахмат. Обе игры развиваются своим чередом. В первой игре делаются гениальные и ошибоч-

ные ходы, кипят страсти, падают в цейтноте флажки, победителей награждают призами, а проигравший плачет. Во второй спокойно переставляют фигуры, «смакуют» оригинальные находки, разбирают по косточкам сомнительные «жертвы», крутят игровое время вперед и назад. Над шахматными адептами у магнитной доски нет «домоклова флажка» цейтнота, им «не светят» лавры чемпионов, им не свойствен азарт борьбы, риск и пафос победы. Их выигрыш — это развитие шахматной игры. Это они потом опишут правильные и неправильные дебютные стратегии, выведут все мыслимые следствия и развороты комбинаций в миттельшпиле и эндшпиле. Без них не было бы развития и совершенствования игры, без них и без магнитной доски каждое новое поколение шахматистов вынуждено было бы повторять все ошибки своих предшественников.

В «живой» шахматной игре есть одно правило, которое один юный адепт формулирует так: потрогал — женись, т. е. взялся за фигуру — делай ход, сделанный ход назад не переигрывается. На магнитной доске это правило недействительно. Там только тем и занимаются, что переигрывают каждый ход по много раз. Это дает возможность составить реестр ошибок и проигрышных стратегий. Пока шахматист в матче строит планы и комбинации, сделав очередной ход, на магнитной доске успевают просчитать и доказать, что данный ход ведет к поражению, а не к победе. Когда партия откладывается, участник матча, познакомившись с параллельной игрой на магнитной доске, признает свое поражение, не вскрывая конверта с записанным ходом.

Каждая из игр, разыгрываемых в культуре, должна быть обеспечена своей магнитной доской, вокруг магнитной доски должны собираться анализирующие игру адепты, чтобы потом печатать свои аналитики и выводы в журналах игры. Без этого игры не могут совершенствоваться и развиваться.

Магнитная доска есть средство обнаружения ошибок, необратимых и фатальных на матчевой доске. Магнитная доска, как и бумага, — все стерпит. Чем больше ошибок проигрывается на магнитной доске, тем меньше их в матчах и турнирах. Шахматные открытия и находки чаще делаются в матчах и турнирах, но без магнитной доски они не могут стать достоянием всех шахматистов.

Если бы все социальные и деятельностные игры проигрывались на своих магнитных досках, мир был бы, может быть, не таким пафосным и героическим, но более человечным и разумным.

Социализм на магнитной доске красив и увлекателен, а в реализации убог и трагичен. Пусть бы он и оставался на магнитной доске.

Очень многие проекты, программы и стратегии оставались бы в архивах, если бы сначала были проиграны «без часов», неумолимо отстукивающих время. Каждое правительство, любой деятель имеют свой «флажок», живут в цейтноте. Но только самые умные правительства понимают необхо-

димость организации и финансирования команд, сидящих в задумчивости у магнитной доски. Глупые правительства обходят стороной места, где висит такая доска, не читают «шахматных» журналов. Поэтому их «флажки» падают задолго до того, как они заметят цейтнот. Это относится не только к правительствам, но и к государствам. «Флажок» Советского Союза упал в декабре 1991 года, но висел почти десять лет.

Надо ж было глянуть на часы.

Спадары, *панове*, господа политики, гляньте на часы, переведите глаза на доску, уже цейтнот, но время еще есть.

История о том, как Евгений Липкович заочно обыгрывал Ивана Антоновича.

Иван Иванович Антонович — главный идеолог Республики Беларусь — был одним из главных игроков в команде Вячеслава Кебича. Увешанный всеми возможными научными, бюрократическими и политическими регалиями нашего времени, он не имел себе равных по рейтингу в нашей стране. Ему был доступен любой эфир, любые газеты, в его распоряжении была вся политология и другие общественные науки Беларуси. Никто не осмеливался бросить ему открытый вызов, кроме независимого публициста Евгения Липковича, который заявил, что он играет в предвыборную кампанию за «молодую» команду налогоплательщиков и избирателей. И. Антонович не обращал внимания на выпады Е. Липковича, он еще как-то интересовался звездами: Пазьняком, Шушкевичем и, особенно, Лукашенко. Но обращать внимание на какого-то независимого эксперта...

Между тем Е. Липкович играл раскованно, свободно и современно. Это было забавное зрелище. Правда, только для тех, кто время от времени посматривал на магнитную доску. Делать это было трудно, поскольку магнитная доска политических игр в Беларуси настолько крохотная, что вмещается в брючный карман Липковича. Но если бы в Беларуси был хороший журнал по этой игре, с доски Липковича можно было бы считать много полезного и поучительного.

У И. Антоновича есть (была) техника игры, «чутье» и много чего другого, необходимого для игры. Но он забыл поинтересоваться, в какие игры нынче играют и как в них играть. Если провести аналогию с шахматами, то все выглядело так, будто он пытался переставлять фигуры за двух игроков сам (я не знаю, кто придумал «знаменитую стюардессу» и писал в газеты письма беларусских крестьян с признаниями любви к Кебичу, но, кажется, И. Антонович принимал их за «чистую монету», за ходы настоящих партнеров по игре). Ивану Ивановичу уже виделась заключительная комбинация с красивым выходом в ферзи, но 23 июня «флажок» упал. Липкович выиграл.

(Если кто-то думает, что победил не Липкович, а некто другой, — он ошибается. Нужно смотреть на магнитную доску. В конце концов, шахматы —

только аналогия. В игру, о которой идет речь, играют не два партнера, а много разных команд. Команда Липковича — налогоплательщики и избиратели — пока разыграли только дебют, все еще впереди. Хотя победной комбинации еще не видно.)

Нет нужды учить игроков играть — пусть отдуваются сами, раз ввязались в игру, не зная правил и содержания самой игры. Нужно совершенствовать саму игру, чтобы в Беларуси играли на современном уровне.

Игра, о которой идет речь в этом разделе текста, есть игра на особой магнитной доске. Игроков в такую игру в Беларуси достаточно, нет только самой магнитной доски, нет пространства, где ее можно разместить. Таким пространством и такой магнитной доской должен стать журнал «Культурная политика».

Владимир Мацкевич

БЕЛАРУССКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ВОПРЕКИ ОЧЕВИДНОСТИ

> Труднее всего человеку расстаться с мыслью о том, что его истина есть и должна быть истиной для всех! И все же с этой «истиной» придется расстаться. Иногда человек чувствует, что пока он не проснется от очевидностей, путь к истине ему не откроется.
>
> Лев Шестов, читая Эдмунда Гуссерля

ПРЕДИСЛОВИЕ

У Стругацких в «Хромой судьбе» присутствует изобретение, способное посеять панику среди писателей. Машина оценивает языковую энтропию текста (так это названо в повести), по которой делается прогноз о потенциальном количестве читателей текста и определяется размер тиража, а писатели думают, что измеряется их талант. Авторы повести и изобретатели исходят из предположения, что способность читателя прочесть текст есть некая абсолютная и постоянная величина. Предположение весьма сомнительное, но есть большой резон в том, чтобы автор текста задумывался о читателях. Причем думал не только о количестве читателей, как некоторые герои «Хромой судьбы», но и о той работе, которая предстоит читателю при чтении текста. Разные тексты требуют разной работы с ними, поэтому автор и читатель находятся в своеобразных кооперативных отношениях, которые отнюдь не сводятся к простой формуле: «писатель пописывает, читатель почитывает». Иногда автор может рассчитывать только на одного чи-

тателя, например в личном письме или в дневнике для самого себя. Но как много записок, адресованных столь малому числу читателей, оказались нужны другим в силу того, что работа автора над содержанием текста обязывала читателя к чему-то большему, нежели прием сообщения и получение ситуативной информации.

В полной мере настоящий текст может быть предназначен членам и стажерам Агентства гуманитарных технологий[1], участвовавшим вместе со мной в работе, фрагменты размышлений над которой в этом тексте представлены, но это не значит, что у него не могут появиться другие читатели. Во всяком случае, с некоторыми другими моими текстами такое бывало, и мне бы хотелось на это рассчитывать впредь. Понятно, что попадание текста к читателю не гарантирует его прочтения (с моими текстами случается и это), но, на всякий случай, я должен озаботиться тем, чтобы облегчить (по мере того, насколько текст это потерпит) работу читателя. С этой целью я вынул из корпуса основного текста то, что можно было вынуть, и поместил во введениях. Такое обилие введений для небольшого текста может показаться излишним, поэтому разные читатели могут выбрать для себя одно и не читать другие.

Введения нужны были мне для организации понимания читателем того, ЧТО, КАК И ЗАЧЕМ я делаю? И ПОЧЕМУ я делаю это так, как я делаю? Действительно, то, что я делаю и как я делаю, не является столь распространенным и привычным, чтобы не требовать разъяснений. Не думаю, что мои введения дают исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, но рассчитываю на то, что, при определенном согласии читателя поработать с текстом, мотивы, цели, перспективы и способы работы могут быть поняты.

Во всей работе, включая написание текста, я руководствовался представлением об относительности истины. Мои гипотезы и предположения могут быть истинными и ошибочными. Но наибольшей ошибкой была бы попытка добиваться доказательств истинности всего сказанного. Истина ускользает от исследователя пропорционально росту его знаний, как горизонт ускользает от пытающегося его догнать. Поэтому я стремился не столько к обоснованию истинности своих суждений, сколько просто к обоснованности их. Мне кажется, что вся проделанная работа в достаточной мере обосновывает мое суждение. Я даже думаю, что это суждение является самым обоснованным в Беларуси. Я все проверял сам, поэтому сужу не как «яйцеголовый» кабинетный наблюдатель, не как зашеренный прагматизмом политик, не как праздный обыватель. Приводимые мною суждения — это суждения активного деятеля с исследовательской установкой, удерживающего концепту-

[1] Агентство гуманитарных технологий (АГТ) — минский методологический кружок, незримый колледж, как правило под этим названием имеется ввиду группа учеников и ближайших последователей Владимира Мацкевича. В разное время членами и стажерами АГТ были С. Козловский,П. Шеремет, А. Бабайцев, С. Крупник, Б. Пальчевский, Л. Фридман и др. — *Прим. ред.*

альный план современного гуманитарного знания. «Я ведь жизнь учил не по учебникам», а концепции и теории не по компиляциям.

Предисловие и сам текст написаны от первого лица, а введения от третьего. Я предпочитаю высказывать свои суждения в личностной форме, именно как суждения, а не как истину, для этого больше подходит изложение от первого лица. А во введениях мне необходимо дистанцироваться от произведенного действия и от суждения, которое им фундировано, нужно занять рефлексивную внешнюю позицию, фундирующую исследовательское отношение; здесь от третьего лица писать удобнее.

Мне представляется, что каждое из введений значительно снижает упомянутую «языковую энтропию», причем каждое по-разному, но, в отличие от изобретателей из «Хромой судьбы», я не думаю, что это приведет к расширению круга читателей. Это просто снижает «энтропию чтения» и вселяет в автора надежду, что если уж текст попадет к читателю, то одно из введений поможет именно ему понять, зачем это читать и нужно ли с этим разбираться.

В определенном отношении предлагаемый текст продолжает линию, которую я начинал в апреле 1994 г. серией аналитических публикаций («Белорусская деловая газета», «Белорусский рынок», «Minsk economic news» и некоторые другие газеты). Первая аналитика вводила схему системного кризиса и принцип «экрана», которые организуют мою аналитическую работу. Затем был текст «Беларусь: вопреки очевидности» («Культурная политика», № 0, 1994 г.), в котором задавались аксиологические и содержательные рамки подхода и вводился предметный материал Беларуси для продолжения исследования. Теперь продолжение: «Беларусская демократия: вопреки очевидности».

В. Мацкевич

12 августа 1995 г.

Первое введение

ОБЛАСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Проблема, занимающая автора настоящего текста, локализуется в объекте и предмете методологии. В самом общем плане объектом методологии выступает мышление, а формы объективации мышления определяются подходом, в котором методология себя рефлексивно оформляет. Автор работает в системо-мыследеятельностном подходе (СМД-подход), сформировавшемся в Московском методологическом кружке (ММК) к началу 80-х годов. В СМД-подходе мышление представлено как комплексная полиобъектная организованность самого мышления, т. е. мышление рефлексивно полагает самое себя как объект (или объекты) сложной системы деятельности. Без каких бы то ни было онтологических оснований в указанной системе деятельности выделяется процесс исследования как особая деятельность в силу исходной начальной установки, которая вызвала к жизни СМД-методологию и дает энергию для развития подхода уже пятый десяток лет. Таким образом, рефлексивное полагание мышления дополняется интенциональным полаганием его как объекта исследования. История исследования мышления в ММК представляет собой несколько взаимодополняющих друг друга программ, в которых переформулируется подход по мере развития объектных представлений о мышлении, с одной стороны, и развития исследовательских средств и самого метода, с другой стороны.

ММК с конца 50-х годов переходит от программы построения содержательно-генетической логики к разворачиванию работ по программе исследования мышления как деятельности [1]. Выполнение работ по программе требует от субъекта деятельности самоограничения, локализации сферы исследования в пространстве и времени, типологизации или предметизации множественности форм существования исследуемого объекта. Методологи ММК последовательно или параллельно занимались несколькими типами

мышления (научным, детским, инженерным, проектным, конструкторским и т. д.) в разных областях деятельности (наука, педагогика, дизайн, архитектура, инженерные изыскания, социально-экономическое планирование и т. д.). В работе с этими типами мышления базовым в подходе был принцип ортогональности отношения между объектно-онтологическим представлением мыследеятельности и организационно-деятельностным планом той же мыследеятельности. В разворачивании исследовательской программы ММК можно выделить условные этапы работ с материалом мышления:

1 — исследование ставших форм (в смысле — закончивших свое становление) рафинированного мышления (мышление философской, научной или инженерной школы или направления, активное развитие которой уже закончилось, например Галилей, Маркс, Выготский, Кюльпе и т. д.) [2,3,4,5];

2 — исследование становящихся форм профессионального мышления, в становлении которых методологи принимают непосредственное участие (системное движение в методологии и науке 50-60-х годов, дизайн-программирование, разработка автоматизированных систем управления, теория архитектуры и градостроительства, теория развивающего обучения, рефлексивные игры и т. д.) [6,7,8];

3 — исследование и проектирование междисциплинарных разработческих коллективов с необходимостью комплексирования профессиональных форм мышления и кооперации деятельностных позиций (работы первого периода организационно-деятельностных игр (ОДИ) с 1979 г. по 1985—1987 гг.)[2];

4 — исследование рефлексивного включения собственно методологического мышления в популятивную рациональную ситуацию демократизирующегося общественного сознания (квази-ОДИ «на перестройку», консалтинговая и экспертная работа методологов в постперестроечные годы)[3];

5 — формирование новой программы с рабочим названием «культурная политика» [9,10][4].

До четвертого этапа в методологической работе было вполне достаточно трехмерного пространства, образуемого двумя ортогональными плоскостями организационно-деятельностной схемы и рефлексивным полем, в

[2] Материалы ОДИ редко публиковались в развернутом виде, несколько примеров таких публикаций (книга Ю. Громыко о серии игр в образовании или книга В. Попова и П. Щедровицкого о конкурсе руководителей) показывают, что собственно методологическое содержание требует изложения безотносительно к описанию игры. Накоплен большой архив материалов и стенограмм игр, на который приходится ссылаться, хотя он почти недоступен широкой публике. Авторские публикации по материалам игрового периода регулярно появляются в альманахе «Кентавр» (выходит с 1989 г.) и в журнале «Вопросы методологии» (с 1991 г.). — (*далее примечания автора помечены годом, когда они сделаны* 1996).

[3] Снова приходится ссылаться на архив игр и на материалы ежегодных методологических съездов 1989—1993 гг. (1—3 — Киев, 4 — Самара, 5 — Москва) и 1—2 конгрессов 1994 и 95гг. (1996).

[4] Дискуссии о культурной политике ведутся с 1988 года, наиболее полно они отражены в материалах семинаров Школы культурной политики и ее ежегодных «семейных игр» с 1989 по 1995 годы. (1996).

которое они помещены. Но включение методологии в популятивную деятельность, где работать приходится не только с нормированным рафинированным профессиональным мышлением, а с формами рациональности, не рефлектирующими сами себя, с креативным сознанием, балансирующим на грани рационального и иррационального, требует расширения мерности рабочего пространства. Необходимость расширения мерности рабочего пространства (более подробно автор обосновывает это в докладе «История и эпистемология: пространства манифестации и развития метода» [11] на методологическом конгрессе — февраль 1994 г.) ставит проблему рационализации той части сознательного отношения человека к деятельности, которая до этого удерживалась только рамочным и ценностным образом в формах нравственности и аксиологии. В вышеназванном докладе автор воспользовался традицией изучения речеязыковой деятельности в лингвистике, в которой речевая и языковая действительности описываются трехмерными координатами: парадигма, синтагма и прагма. При некотором абстрагировании парадигма, точнее — парадигматика, может быть поставлена в соответствии с объектно-онтологической плоскостью методологической работы, синтагма, или синтагматика, — с организационно-деятельностной, а прагма, или прагматика, в ней никак не представлена. Парадигматика, синтагматика и прагматика ортогональны между собой и помещены в поле рефлексии, что делает рабочее пространство четырехмерным.

Как парадигматика, так и синтагматика СМД-подхода предполагают в себе функциональные места для прагматических элементов мышления и деятельности: целей, ценностей, этических норм и императивов, но рабочий процесс сосредотачивается на формальном оперировании с функциональными местами, а не с их содержанием. Элиминация содержания прагматики вполне законна в методологической работе до тех пор, пока исследователь мышления имеет дело с таким объектом исследования, который ухватывается в доподходных категориях, т. е. с такими формами мышления, которые полностью укладываются в один подход. В этом случае категория подхода выступает предельной рефлексивной рамкой, для работы в которой достаточно системы парадигматики и синтагматики, или организационно-деятельностной схемы с двумя ортогональными плоскостями. Когда методология начинает работать с категорией подхода [12, 13, 14], а не в подходе, когда объект полиподходен или объектом выступает катастрофическое (революционное) мышление, все, что относится к прагматике, начинает требовать схематизации и объективации. Отдельные аспекты прагматики автор прорабатывал на конкретном материале и раньше [15, 16, 17], но тогда это выражалось в анализе и критике некоторых прагматических доктрин или в прагматическом обосновании проектных предложений.

Выходя, таким образом, на исследование прагматики мыследеятельности, автор встает перед необходимостью локализации такого типа мыследеятельности, который был бы адекватен исследовательской задаче, соразмерен исследовательским средствам подхода, доступен для работы.

При внимательном отношении к задаче оказывается, что выбор зоны исследования не так велик, в сфере мыследеятельности не так много регионов, где пересекаются и комплексируются различные типы рациональности, альтернативные подходы. Чаще всего типы рациональности исключают друг друга, различные подходы вытесняют друг друга в конкуренции. Решающим аргументом в такой конкуренции становится как раз прагматика, к которой апеллируют как к данности без рефлексии, поэтому прагматические объекты выступают фигурами умолчания или недостойными внимания исследователя, как не относящиеся к объекту исследования реалии, лишенные действительного существования. Введение прагматики в действительность исследования предполагает комплексирование номиналистической и реалистической установок [15] и, в конечном итоге, проблематизацию любого подхода.

ОДИ перестроечных лет оказались в эпицентре взаимодействия сложных популятивных процессов мыследеятельности, где разные типы рациональности сосуществовали, но не комплексировались, а иногда просто игнорировали друг друга. ОД-играм как методу СМД-подхода был брошен вызов: способен ли СМД-подход рационализировать эту ситуацию. Ответом на вызов была формулировка программы культурной политики. Школа культурной политики в 1989 году в Москве и Агентство гуманитарных технологий в 1994 году в Минске институционализировались для продолжения программы исследования мышления и культурной политики в описанной ситуации полирациональности. В отличие от «игр на Перестройку», институты функционирования современной демократии не только допускают сосуществование различных форм рациональности, но позволяют комплексировать их и строить причудливые мыследеятельностные конструкции из подходов и программ. Поэтому функционирующие институты современной демократии представляются полноценным плацдармом для исследования прагматической стороны мыследеятельности. Деятельностная методологическая установка предполагает введение исследуемой сферы в качестве элемента программы мыследеятельности исследователя. С позиций исследовательской программы в зоне прагматики мышления ниже приведенный текст представляет только материал, организованный в той минимальной степени, которая не навязывала бы предвзятую исследовательскую парадигму и метод. Хотя собственной прагматической предвзятости автор маскировать не пытается, так как выступает непосредственным участником демократического процесса. В отличие от природы, которая незлонамеренна, поэтому и от науки требует непредвзятости, мышление и деятельность интенциональны, поэтому и от методологии они требуют интенциональности и предвзятости, без этого ничего нельзя понять в мире мышления и деятельности. При переходе от натуралистической парадигмы к деятельностной меняются объекты прагматики: этика, ценности, интенции и цели. Сохранение исследовательского отношения к материалу гарантируется только рефлексивной способностью автора и ею же ограничивается.

Литература

1. Щедровицкий Г. П., Алексеев Н. Г. О возможных путях исследования мышления как деятельности. //Доклады АПН РСФСР. — 1957. — № 3.

2. Щедровицкий Г. П. Строение атрибутивных знаний. Сообщ. I-VI. // Доклады АПН РСФСР. — 1958. — № 1, 4. — 1959. — № 1, 2, 4. — 1960 — № 6.

3. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. — М.: Знание, 1964.

4. Педагогика и логика. — М.: Касталь, 1993.

5. Проблемы исследования структуры науки. — Новосибирск, 1967.

6. Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. — М.: Стройиздат, 1975.

7. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. — М.: Советское радио, 1973.

8. Теоретические и методологические исследования в дизайне. Избранные материалы. Части 1 и 2. // Труды ВНИИТЭ. — № 61. — М., 1990.

9. Мацкевич В. В. Полемические этюды об образовании. Часть 2. — Лиепая, 1993.

10. Мацкевич В. В. Беларусь: вопреки очевидности. Разделы «Методологическая проблема» и «Культурная политика». // Культурная политика. — № 0 — Минск, 1994.

11. Материалы 1 методологического конгресса. — М., 1994.

12. Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов. // Вопросы методологии. — 1991. — № 2.

13. Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание. // Системные исследования. 1986. — М.: Наука, 1987.

14. Щедровицкий Г. П. Мышление по схемам многих знаний. // Вопросы методологии. — 1991. — №3.

15. Мацкевич В. В. О стандартизации и стандартах образования. // Образование и повышение квалификации работников образования. — Выпуск 4. Методологические основы повышения квалификации. — Минск, 1993. (См. также 9.)

16. Жук А. И., Мацкевич В. В., Пальчевский Б. В., Фридман Л. С. Методология разработки стандартов образования. // Тезисы докладов международной конференции «Образование XXI века. Проблемы повышения квалификации работников образования». — Том 1. — Минск, 1993. (См. также продолжение этой темы в статье «Прагматика стыда, христианские стандарты», авторы те же и Усова Т.Л. // Настаўніцкая газета. — 19.05. 1994.)

17. Мацкевич В. В. Чего не хватает, чтобы ответить на вопрос, как нам обустроить Россию? // Бизнес и политика. — №1. — М., 1995.

18. Беларусь: вопреки очевидности. Раздел «Философская проблема» // Культурная политика. № 0 — Минск, 1994.

Второе введение

О МЕТОДЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблема метода гуманитарных наук была поставлена в XIX веке сразу в нескольких методологических подходах. Классическим является различение Naturwissenschaft и Gaistwissenschaft Вильгельма Дильтея, в котором наукам о природе ставится в соответствие процедура объяснения, а наукам о духе — процедура понимания. Закладывание основ науки истории, социологии, психологии, экономики и т. д. потребовало проработки методологических вопросов. О. Конт, Д. С. Милль, И. Гербарт, К. Маркс, Г. Спенсер, Ф. Гальтон и многие другие предложили свои версии построения гуманитарного знания и варианты метода гуманитарных исследований. Наиболее перспективными автор считает марксистский и неокантианский подходы к этой проблеме. Не претендуя на проработку всего культурного материала, который имеет отношение к данной теме, ограничимся кратким очерком того, о чем помнит автор настоящего текста, что влияет на нашу работу.

МЕТОД ИНТРОСПЕКЦИИ В ГУМАНИТАРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

История психологии ведет отсчет научной психологии и объективного (читай — естественнонаучного) метода от Вильгельма Вундта и его Лейпцигской лаборатории. Но объективная психология составляла только половину работы самого Вундта. Вторая половина, которую Вундт называл «психологией народов», основывалась на альтернативном методе — интроспекции, или самонаблюдении. Альтернативность объективного и интроспективного метода ярче всего проявляется по отношению к кате-

гории опыта, которая разрабатывалась в английском сенсуализме и эмпиризме. Ценности, установки, цели, интересы и нравственные императивы оставляются эмпиризмом за пределами рационального отношения как не представленные в чувственном опыте. Такой подход делает невозможными телеологию, аксиологию и герменевтику. А поскольку, выходя в гуманитарную сферу, сенсуалисты и эмпирики постоянно сталкиваются с «человеческим фактором», то они разрабатывают палиативные концепции для элиминации гуманитарного материала, рассматривая его как исследовательские помехи, артефакты, эпифеномены. Самыми яркими из таких концепций являются: философия здравого смысла Томаса Рида, утилитаризм Иеремии Бентама, прагматизм Чарльза Пирса, бихейвиоризм Джона Уотсона и разновидности механицизма. Вундтовская интроспекция, задуманная для работы с явлениями «внутреннего опыта» в духовной сфере, впадает в противоположную механицизму крайность — в психологизм. Попытку преодоления психологизма в самой психологии предпринимает Вюрцбуржская школа (Освальд Кюльпе с целой группой талантливых учеников), культивировавшая систематическую интроспекцию в изучении мышления. Но более плодотворное развитие метода осуществлено Эдмундом Гуссерлем в рамках феноменологии и феноменологической критики.

Интроспективный метод интересует нас в той части, в которой постулируется недоступность целого мира явлений внешнему наблюдению или наблюдателю, чей исследовательский подход базируется на сенсуалистической категории опыта. Этот постулат требует включенности исследователя в исследуемый мир, иначе его феномены не доступны исследователю. Гуссерлианские феномены присутствия, dasein, здесь-бытия доступны только «интенциональному» исследователю, инсталлированному на работу с ними. Признавая справедливость всей критики метода интроспекции, нельзя не считаться с аргументами Вундта, Кюльпе, Гуссерля и с постулатом о недоступности духовных феноменов внешнему наблюдателю. Решением дилеммы, как нам представляется, является введение рефлексии в исследовательскую деятельность. Содержательное наполнение категории «рефлексия» и ее методическое употребление строится на феноменологической критике Гуссерля и оргдеятельностных исследовательских схемах, наработанных Московским методологическим кружком. При таком отношении принцип рефлексии можно рассматривать как развитие старого метода интроспекции. Введение принципа рефлексии в исследование снимает противоречия и устраняет недостатки интроспекции.

Разработанные в XX веке представления о рефлексии меняют способ употребления интроспекции в гуманитарном исследовании. Коротко это изменение можно охарактеризовать, перефразируя Станиславского: исследователь наблюдает не мышление и деятельность в себе, а себя в деятельности и мышлении.

ПРИНЦИП ПРАКТИКИ В ГУМАНИТАРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В «Тезисах о Фейербахе» Карл Генрих Маркс почти дильтеевскими словами утверждает, что ошибка всех его предшественников состояла в том, что они лишь объясняли мир, но дальше продолжает уже по-своему: задача же состоит в том, чтобы его переделывать, тогда как Дильтей предлагал его понимать. Т. е. Дильтей и Маркс согласны в квалификации «старого» метода как объяснительного, но расходятся в интенции на построение нового. Альтернатива в том, нужно ли переделывать мир человека или его необходимо понимать. К Дильтею мы еще вернемся, а сейчас нас интересует марксовский принцип практики как фундамент гуманитарного знания. Марксизм настаивает на том, что практика — критерий истины, и собственной же практикой доказывает истинность этой методологической посылки. Необходимо иметь в виду, что основания для введения принципа практики как критерия истины в исследовательский метод (мы исходим из того, что поиск истины является прагматической детерминантой исследовательского отношения к миру) у Маркса те же, что и у Вундта, настаивавшего на интроспективности «психологии народов». Это констатация непригодности сенсуалистической категории опыта для работы в области гуманитарного знания. Но Маркс, в отличие от Вундта, не противопоставляет два метода, а комплексирует естественнонаучный метод со своей деятельностной установкой. В учебниках диамата это формулируется очень лапидарно: от непосредственного созерцания (эмпиризм) к абстрактному мышлению, а уж только от него к практике. Таким образом, практика по Марксу ничего общего не имеет с естественнонаучным опытом, она отделена от него целым уровнем, да еще каким — уровнем мышления.

Опосредованность перехода от опыта к практике мышлением создает большие трудности в анализе и критике марксизма. Эти трудности, как нам представляется, лежат в неартикулированной Марксом прагматической плоскости мышления. Синтагматика и парадигматика марксизма достаточно хорошо изучены, на них базируется почти вся современная мыследеятельность. Инсталлированность же марксизма на революционное преобразование мира, как правило, игнорируется критиками марксизма. Она либо безоговорочно принимается (коммунизм и большевизм), либо отвергается. Нам представляется, что без критики прагматической установки Маркса марксистский метод и подход не восстанавливаются в полной мере и принцип практики не находит должного употребления в исследовательской деятельности. Но нас сейчас занимает более узкая задача — методологический смысл принципа практики в гуманитарном исследовании. Учет этого принципа приводит к необходимости включенности исследователя в сферу исследуемой мыследеятельности с особой деятельностной позицией. Так, хоть и с другой стороны, чем при рассмотрении развития интроспективного метода, мы выходим на констатацию невозможности исследования гуманитарной действительности с позиции внешнего наблюдателя. Исследовательская позиция

является элементом исследуемой системы, частью исследуемого мира, а особость этой позиции определяется специальной организацией рефлексии исследователя.

Такая трактовка принципа практики предполагает комплексирование предвзятости (интенциональности) участника мыследеятельности, которая неизбежно присутствует (dasein), с организацией систематической исследовательской рефлексии. Способность к такому комплексированию давала большевикам ту силу, которую они догматически и неоправданно обосновывали в тезисе, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Введение принципа практики в метод исследования придает рефлексивным суждениям деятеля исследовательский характер в большей степени, нежели объяснительным конструкциям внешнего наблюдателя.

ГЕРМЕНЕВТИКА В СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Обозначив понимание сверхзадачей наук о духе, Вильгельм Дильтей легитимизировал герменевтику как возможный метод гуманитарного исследования. Но его апелляции к истории и литературоведению указывают скорее на древнюю герменевтику, представляющую собой искусство толкования и понимания текста. В качестве текста в широком смысле может выступать любой семиотический комплекс, например исторический персонаж или представитель иной культуры или социальной страты. В таком виде герменевтический метод выступает в очень редуцированной форме, в половинчатой функции. Такая герменевтика применима в монологической или риторической (по Сергею Аверинцеву) культуре. Развитие представлений о понимании после Дильтея значительно расширяет и сферу применения герменевтики. Мартин Бубер и Михаил Бахтин ввели в гуманитарное знание и концептуально простроили категорию диалога. Категория диалога и принцип диалогичности культуры и в буберовском, и в бахтинском смысле заставляют трактовать понимание не как усилия и способность индивида или его сознания, направленные на внешний объект (текст или «другой» человек), а как поле (среду, эфир), в котором обретают свое действительное существование гуманитарные и духовные явления и объекты. Тогда и герменевтика как деятельность понимания и как работа с пониманием становится чем-то большим, чем индивидуальное искусство или техника, она приобретает статус метода. Разработку герменевтики в качестве метода вряд ли можно считать законченной, несмотря на участие в ней Хайдеггера, Гадамера и многих других философов и методологов. Герменевтика в ММК разрабатывается на базе онтологической схемы мыследеятельности в комплексе с другими составляющими метода. Мыследеятельностная герменевтика была реефицирована в организационно-деятельностных играх без достаточной идеализации и объективации, что ограничивает ее употребление в более

широких масштабах. Эту задачу методологии еще предстоит решать.

В рамках настоящего введения автору достаточно только указать на требование, которое вытекает из схемы мыследеятельности (или из введения герменевтики в метод гуманитарного исследования), — необходимость понимать, а не объяснять исследуемую действительность, необходимость выражать исследовательские результаты в «понимательной» форме. Выполнить это требование можно только одним способом: поместить исследователя в одну деятельностную ситуацию с исследуемым, вступить в диалог с исследуемой реальностью, погрузиться в поле (среду, эфир) понимания, в котором только и возможен диалог, будь то «диалог культур» или диалог понимающих друг друга людей.

АКСИОЛОГИЯ КАК РАМКА ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Основы аксиологии заложили неокантианцы баденской и других школ. Применительно к методу гуманитарных исследований аксиология выступает как рамочное знание. Рамка ценностей есть то условие, в котором явления, вещи и объекты духовного и гуманитарного мира обретают статус существования или утрачивают его. Протогоровский человек только тогда есть мера всех вещей, существующих в том, что они существуют, несуществующих в том, что несуществуют, когда есть гуманитарная исследовательская установка и исследователь владеет рамочным аксиологическим знанием. Поэтому нас интересует именно аксиология, а не аксиометрия. Андрей Вардомацкий[5] и его аксиометрическая лаборатория дают богатый материал для гуманитарных исследований в Беларуси, но сами ис-

[5] Упоминание имени Андрея Вардомацкого в тексте, где все остальные имена являются хрестоматийно известными, требует пояснений. В Беларуси совершенно отсутствует инфраструктура интеллектуального обеспечения процесса демократизации общества и просто политического процесса как такового. Может быть, автор незаслуженно обошел упоминанием те немногие структуры и имена, которые пытаются заполнить своей деятельностью существующую пустоту. Аксиометрическая лаборатория агентства «Новак», которым руководит доктор Вардомацкий, — одна из таких структур, работающая на весьма высоком уровне. Но при отсутствии инфраструктуры ее деятельность мало эффективна, как и всех остальных. Части обретают свое настоящее место только в структуре целого. Хрестоматийность остальных упомянутых имен, наверное, тоже нуждается в пояснениях. Беда в том, что беларусские гуманитарии, в большинстве своем, с этой «хрестоматией» не знакомы. Они учились по другим «учебникам». Качество этих «учебников» ниже всякой критики, как следствие этого — состояние беларусского гуманитарного знания и положение дел в стране. Если бы автор принадлежал к академической традиции и разделял ее ценности, то следовало бы дать ссылки на литературу всех упомянутых персонажей. Но автор не разделяет академических ценностей, по крайней мере, на этом этапе исследования. Опыт работы Агентства гуманитарных технологий в сфере гуманитарной подготовки различных слоев и страт беларусского общества свидетельствует, что актуальным в настоящей ситуации является гуманитарный ликбез, а не академическое образование. Одно другого не исключает, актуальность ликбеза и образования определяется этапами деятельности. Всему свое время. Отсюда очерковость и лапидарность авторского изложения. «Хрестоматии» нужно знать (1996).

следователями не являются, поскольку в аксиометрии производится редукция ценностей до «мнений по поводу». Ценности и аксиология утрачивают, тем самым, рамочный характер, а сама «х-метрия» — характер гуманитарных измерений. Проблематика гуманитарных измерений и шкалирования является особой темой, как и место измерений в структуре исследовательской деятельности. В порядке упоминания можно сослаться на известные психологам и социологам феномены измерения ценностей в области расовых предрассудков Богардуса и Ли, на хоторнский эффект. Эти феномены свидетельствуют о рассогласовании измеренных «мнений по поводу» и наблюдаемых регулятивов поведения людей. Через три десятилетия после того, как были описаны эти феномены, в американской психологии была сформулирована теория когнитивного диссонанса для их объяснения. Причем область определения этой теории ограничивается лабораторными эффектами и искусственными ситуациями.

К нашим проблемам ближе лежит другой прецедент аксиометрии в американской психологии. Это подходные различия между методикой семантического дифференциала Осгуда и теорией личностных конструктов Келли. Процедура заполнения репертуарных решеток Келли и выявления личностных конструктов сложна и трудоемка, а результат внешне похож на то, что получается в семантическом дифференциале Осгуда, который прост и доступен в исполнении. Но по методике Осгуда респонденту навязывается культурно-нормированный стереотип ценностных оценок, в которых испытуемый легко ориентируется на уровне знания, если он хорошо учился в школе, а по процедуре Келли испытуемый восстанавливает свою личную картину ценностей. Поэтому испытуемый Осгуда легко отступает от императива, который он обрисовал в семантическом дифференциале, когда оказывается в личностно значимой ситуации, а у испытуемых Келли такого рассогласования нет. Только учитывая тонкости подходных различий типа этих, можно пытаться понять избирателей 221 округа Минска, которые в один и тот же день на референдуме отдавали свои голоса Лукашенко, а на выборах — Пазьняку, без всякого когнитивного диссонанса[6]. Понять и объяснить — две большие разницы.

Еще в большей степени нас интересуют собственно аксиологические работы, которые мы упомянем в беглом очерке.

Важнейшим образцом для гуманитарных исследований являются работы Макса Вебера по протестантской этике и по профессиям или призваниям (Beruf). Это был первый прецедент, когда аксиология действительно предложила рамку понимания актуальности XIX века.

Еще более яркий пример дает И. Шумпетер, предложивший экономическому мышлению в 1911 году новый идеальный объект — предпринима-

[6] Речь идет о майских выборах 1995 года в парламент (тогда — Верховный Совет 13 созыва), совмещенных с референдумом по изменению государственной символики. — *Прим. ред.*

теля. Введенная в «Теории экономического развития» фигура предпринимателя изменила прагматику экономического мышления, что дало возможность, в свою очередь, ввести мышление в экономическую теорию. И вот уже Л. Фон Мизес начинает говорить о плате за мышление, за правильный прогноз, которую получает предприниматель и которая становится значимым фактором экономического развития. В плане гуманитарных исследований это смена аксиологической рамки, новое понимание, снимающее марксовскую прагматическую конструкцию антагонистических интересов пролетария и капиталиста (согласно столь почитаемому марксистами закону отрицания отрицания).

Опуская множество других значимых рамочных сдвигов в мышлении XX века, вспомним только «новое мышление» Горбачева. Оставив нетронутыми парадигматику и синтагматику советского мышления, Горбачев только слегка затронул ценностные категории социализма, а эффектом стало отрицание социалистического и имперского подхода. Общество, еще недавно толпившееся «по одну сторону баррикады», оказалось столь разнородным, что понастроило множество баррикад, стало активно спорить и выяснять, где истина.

Аксиология задает рамки гуманитарного исследования, рамки делают существующими и значимыми те или иные реалии и объекты исследуемого мира, они же организуют результат исследования в том, как он достигается, и каким этот результат может и должен быть.

МЕТОД И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Все сказанное далеко не исчерпывает того, что нужно было бы сказать о методе гуманитарного исследования. Принцип остановки состоит в том, что для фрагмента исследования достаточно фрагментарной характеристики метода. Как естествознание в исследовании природы формировалось с установкой на неисчерпаемость исследовательских задач, так и исследование деятельности и мышления бесконечно. Локализация в исследовании определяется возможностями и ресурсами исследователя и исследовательской задачей.

Если исследователь принял все, что изложено в этом предисловии, он не может удовлетвориться социологическими опросами, политологическими спекуляциями, психоанализом персоналий, экономической статистикой и т. д. Ведь исследование уже должно быть: интроспективным (рефлексивным), практичным, герменевтичным (понимающим) и аксиологичным (рамочным). Исследовательский плацдарм задан в первом введении, это мыследеятельность в функционировании институтов современной демократии. В зоне доступности исследователя находятся демократические институты Республики Беларусь. Значит:

— нужно войти в функционирующие институты демократии;

— произвести там определенное действие;

— рефлексивно отделиться от этого действия и встать в исследовательскую позицию;

— понять само действие и изменения, произведенные им в исследуемой системе деятельности;

— рамочно оформить это понимание;

— фальсифицировать или верифицировать это понимание в спроектированном и произведенном новом действии.

В оптимальном варианте такая задача решается при наличии пары деятельностных позиций: действующий политик и консультант-исследователь. Реалии Беларуси далеки от оптимальности. В президентских выборах 1994 года была предпринята попытка именно такого пути решения задачи. По разным причинам (описание их уже есть исследовательский результат[7]) пары политик — исследователь образовать не удалось, поэтому был выбран компромисс — комплексирование двух позиций на одном деятеле. В таком варианте можно говорить об исследовании действием. Исследователь, руководствуясь принципом минимакса, экономит ресурсы, сам становится участником демократического процесса (кандидатом в депутаты парламента), сохраняя исследовательскую установку. В этом есть даже некоторое преимущество, у политика и исследователя прагматика очень различается. Политик априорно отвергает то, что больше всего интересует исследователя (так, например, невозможен был бы выбор описанного во Введении 3 округа для такого типа исследования, поскольку любой политик оценивал этот округ как совершенно бесперспективный), и, напротив, исследователю незачем заниматься тем, что наиболее актуально для политика (политики порой требуют от экспертов высокой квалификации такой чепухи, что исключает исследовательское отношение).

[7] Алексей Толстой заканчивал свою иронично-историческую поэму словами: «ходить бывает склизко по камешкам иным, итак, о том, что близко, мы лучше умолчим». Исследование — это не расследование, хотя и то и другое может опираться на один и тот же материал, а место материала — в архивах *(1996). Приходится констатировать, что за прошедшие 12 лет не были предприняты ни серьезные исследования, ни расследования (2006).*

Третье введение

ДЕЙСТВИЕ АВТОРА В ИССЛЕДУЕМОЙ СИТУАЦИИ

В соответствии с изложенным в двух других предисловиях настоящее исследование можно охарактеризовать как исследование действием. Ниже предлагается краткое описание самого действия.

Автор был кандидатом в депутаты Верховного Совета по 221 Ангарскому избирательному округу г. Минска. Выдвинут от Объединенной демократической партии. Занял по округу 4 место (при семи кандидатах) с 11 % голосов (1667), отстав меньше чем на сотню голосов от 3-го и на три сотни от второго в первом туре голосования. Среди кандидатов от ОДПБ по городу Минску по абсолютному числу полученных голосов на третьем месте из 28 (или на пятом, если считать двух непартийных кандидатов, которых ОДПБ поддерживала на этих выборах).

В первом туре выборов по 42 округам Минска в среднем баллотировалось 14 кандидатов. 10 из 14 не набирали по 1000 голосов, а 6 из 14 не выходили за 500 голосов, необходимых для выдвижения по подписям избирателей округа.

Для выдвижения был выбран один из самых трудных округов (трудных с точки зрения политика). По этому округу проходил лидер оппозиции Зенон Пазьняк, который всеми признавался безусловным фаворитом и «проходным» кандидатом. На предыдущих выборах он стал депутатом ВС от этого же округа, хотя тогда округ был несколько меньше по размерам и численности избирателей. Выбор округа был сделан не без внутренних колебаний. Как исследователь, автор понимал, что округ очень удобен, так как шансы Пазьняка на выход во второй тур очень велики, но шансов на победу во втором туре нет

никаких. Выход автора во второй тур был бы трудной задачей, зато потом все становилось проще. В то же время, автор не имел никаких доводов, чтобы убедить в этом политиков. Все, кто предложил помощь автору на выборах, отказывались от предложения, как только узнавали о сопернике, либо исходя из политических пристрастий, либо, чаще всего, исходя из оценки вероятности успеха как близкой к нулю. Было несколько предложений сменить округ. Колебания автора были вызваны не политическими соображениями, а утилитарными. 221 округ очень интересен и перспективен, но, выбрав его, автор оставался один на один с сильнейшим соперником и мог рассчитывать только на свои средства и бескорыстную помощь близких друзей. Кандидат, имеющий только политические цели, посчитал бы риск совершенно невозможным для себя (см. окончание Введения 2), автор же пожертвовал потенциальными ресурсами в исследовательских целях и получил подтверждение своей версии.

До этих выборов автор не был известен как политик (к тому же только год, с апреля 1994 г., живет в Минске). По проведенному за два месяца до выборов опросу на основе репрезентативной выборки известность кандидата на округе составляла 0,3 %, или его мог опознать один из 300 живущих на округе избирателей, что можно признать совершенно случайным явлением. До начала избирательной кампании автор (кандидат) никогда не бывал в пределах округа. Независимый опрос службы «Общественное мнение», проведенный за две недели до выборов, показал индекс узнаваемости 4,3 % (что по прогнозам могло дать около 12 % голосов) при 12 % (36 % прогнозируемых голосов на выборах) у лидера, остальные кандидаты имели нулевой индекс. Голосование 14 мая подтвердило эти прогнозы.

Поражение (невыход во второй тур) было обусловлено тремя причинами:

— Автор был единственным кандидатом в Минске и, соответственно, на округе, о котором в избирательном бюллетене написано, что он не живет в Минске (понятия «живет» и «прописан» не различаются ни в избиркоме, ни избирателями). Это обстоятельство лишило кандидата голосов всех избирателей, которые делают свой выбор только в кабинке для голосования.

— Стабильный электорат коммунистов был выше числа набранных кандидатом голосов, что сыграло свою роль даже при полной неизвестности избирателям личности вышедшего во второй тур коммунистического кандидата.

— Политическая программа кандидата была близка программе фаворита на округе и противопоставлялась в глазах избирателей программам пяти остальных кандидатов. А стратегические разногласия кандидата с Пазьняком избирателей не интересовали. Левые отождествляли кандидата с БНФ, в то же время сторонники БНФ боролись с ним как с основным соперником.

— Недостаток ресурса. Кандидат располагал только своими личными средствами и шестьюстами тысячами официально выделенных рублей и мог опираться только на помощь друзей.

Правильным оказался прогноз автора о том, что во втором туре на этом округе победит любой оппонент Пазьняка. В первом туре Пазьняк опе-

режал ближайшего конкурента на 20 % голосов, а во втором туре отстал более чем на 10 %.

Автор склонен считать результат участия в выборах при таких исходных условиях вполне удовлетворительным. Главным же результатом является обоснованность полученного через участие в выборах знания.

Все вышеизложенное не следует понимать так, что автор только симулировал политическую позицию в исследовательских целях. Автор действительно разделяет те убеждения, с которыми шел на выборы. Но автор не считает наличие политических убеждений достоинством как для исследователя, так и для политика. Убеждения должны быть, но их наличие не хорошо и не плохо. Та же политическая позиция, на которой стоит автор, вообще не может рассматриваться как достоинство, поскольку она стандартна и типична для Восточной Европы конца века. В ней нет ничего оригинального, это просто единственно разумный путь преодоления кризисной ситуации. Уклонение Беларуси от этого пути не может быть оправдано ни отсталостью избирателей, ни «полевением» электората, ни тупостью политических лидеров. Нужно делать то, что нужно делать. Реформы в Беларуси будут делаться по той же схеме, что и в соседних странах, но чем позже начнутся реформы, тем труднее их будет делать. Что касается конкуренции с Пазьняком, с которым у автора совпадают многие программные положения, то критика лидера БНФ как политика неоднократно публиковалась автором еще до выборов.

Но реформы не могут начаться сами, их нужно спроектировать и запустить. Без знания и понимания всего того, о чем идет речь в настоящем тексте, в Беларуси не будет настоящей политики. Прагматика сознания Шушкевича, Кебича, Пазьняка и прочих политических лидеров искорежена истматом и диаматом, они советские люди. Сегодня политик должен знать другое. Весной 1994 года Станислав Шушкевич сказал автору, что не нуждается ни в каких консультациях, ни в новом понимании, потому что знает беларусский народ и свою страну. Наверное, он ошибался?!

ПО БЕЗДОРОЖЬЮ К ДЕМОКРАТИИ: БЕЗ ВЕХ

Принято считать, что Беларусь — бессобытийная страна, поэтому каждое событие привлекает к себе всеобщее внимание и становится материалом для многочисленных обсуждений и интерпретаций. Проходившие в мае этого года[8] выборы в Верховный Совет и референдум стали общенациональными событиями, о которых много говорят. И чего только не говорят? Но не все сказанное имеет смысл и значение. Говорить можно правду, а можно ложь. Можно анализировать суть дела, а можно «наводить тень на плетень». Можно высказывать умные и полезные суждения, а можно глупые и вред-

[8] Речь идет о парламентских выборах 1995 года — *Прим. ред.*

ные. Герман Гессе в тридцатые годы охарактеризовал XX век как фельетонную эпоху. Эта характеристика означает, что в наше время каждому позволено говорить обо всем на свете, даже о том, в чем он ничего не понимает. Балерина или писатель судят о политике, полковники о культуре, полицейские о демократии и т. д., часто не имея ни малейшего понятия о том, как о таких вещах можно судить. Переполненность газет, эфира, лекционного материала, докладов на конференциях такими фельетонными рассуждениями создает «белый шум», в котором тонут здравые профессиональные и компетентные суждения. От такого шума возникает только усталость, «обалдевание знаниями» и нежелание разбираться в сути дела и размышлять. Продолжается и культивируется «разруха в головах», которая и порождает разруху в мире, если соглашаться с Михаилом Булгаковым. А мне хочется соглашаться с ним, а не с Владимиром Заметалиным[9] и не с Василем Быковым[10]. Почему речь идет именно о них? Просто, чтобы далеко не ходить, возьмем произвольно две точки зрения (на сленге наших семинаров о таких мнениях говорят — «кочки зрения»). Утром того дня, когда пишется этот фрагмент текста, я купил две газеты: «Знамя юности» и «Свабоду», где нашел два замечательных образца суждений фельетонной эпохи. Оба «фельетониста» — авторитетные люди, пользующиеся властью или влиянием на умы беларусов и на ход событий, хотя и по-разному. Но каково качество их суждений? Можно ли доверять их способности суждения? Если ограничиться оценкой только качества текста, то было бы жалко тратить время и силы на их анализ и критику. Но, увы, при чтении текстов приходится учитывать и то, кто их пишет.

Посмотрим на «наивного» Заметалина, которому «остается до конца не ясным, что конкретно понимать под якобы «недемократическим» характером прошедших выборов». Если человеку, возглавляющему информационную службу президента, «до конца не ясно», что написали десятки авторов во многих беларусских газетах, что сформулировали иностранные наблюдатели, что говорят участники предвыборной кампании, то может быть нужно сделать вывод о непорядке в понимающей способности этого человека или он просто «валяет ваньку». А если он всерьез считает существующий Закон о выборах и особенно Указ президента об обеспечении равных возможностей[11] демокра-

[9] И В. Заметалин был главным идеологом В. Кебича, основного соперника Лукашенко на выборах 1994 года. После короткой отставки он сменил А. Федуту в администрации президента, и во время описываемых событий Заметалин уже отвечал за идеологию и подготовку к референдуму и парламентским выборам (2006).

[10] Василь Быков в это время дал несколько пафосных, но поверхностных, с аналитической точки зрения, интервью по актуальным политическим вопросам (2006).

[11] Этим указом определялись: а) порядок предоставления кандидатам места в средствах массовой информации, б) СМИ, в которых такая информация могла быть размещена, в) выделяемая сумма на проведение предвыборной кампании. Особенно умиляла сумма 600000 рублей, при курсе 11500 за доллар. В размерах этой суммы можно было сфотографировать кандидата и напечатать несколько десятков черно-белых листовок формата А4. За расходы сверх этой суммы кандидата могли снять с кампании (2006).

тическими и адекватными ситуации, то он просто понятия не имеет о демократии. А значит, не имеет права о ней судить. Заметалин некомпетентен. Речь необходимо вести не о «неумении» народа выбирать или о «несостоятельности некоторых кандидатов в депутаты», как пытаются это изобразить, а о неспособности властей организовать и обеспечить выборы. Да и откуда взяться такой способности у властей, если этим занимается человек некомпетентный, в лучшем случае, или злоумышленный, в худшем? В потоке фельетонных рассуждений заметалинская некомпетентность замаскирована общей некомпетентностью, но для понимающих людей в Беларуси и за ее пределами — все видно. Понятно, что для полковника Заметалина важны оценки начальства, а насмешки специалистов — пустяки. Стыд не дым, глаза не выест.

Другой образец фельетонного «анализа» демонстрирует Василь Быков. Среди прочих рассуждений доминирует простая мысль: «Выбары сфальсіфікаваныя ад пачатку да канца». Остается спросить, где доказательства и аргументы, с которыми нужно поторопиться в суд? Как осуществлялась фальсификация выборов? На это господин Быков сам и отвечает: об этом «мы ніколі не даведаемся, таму што гэта абсалютна закрытая для публікі і журналістаў справа». Очень удобная позиция. Мы хорошие, умные и талантливые политики, мы не проиграли, поэтому нам нет нужды анализировать собственные ошибки и промахи. Во всем виноваты они — плохие и глупые политики. Они не выиграли — они фальсифицировали выборы, да так хитро, что мы об этом знаем, но не знаем только как. Это говорит человек, авторитет которого в оппозиции очень высок, суждения которого было бы достаточно, чтобы оппозиция стала критичнее к себе относиться, а он разрешает ей и дальше самообольщаться.

Самое безнадежное дело в мире — учить интеллигентов. Особенно тех, кто оказался в сфере действия российской ментальности. Интеллигенцию российского образца не смогли пронять «Вехами», ее ничему не научили десятилетия гулаговского опыта. Полузнание, демонстрация поверхностной образованности, ощущение себя «на службе» были и остаются отличительными чертами этой разновидности затронутой окультуриванием части человечества. Заметалин служит хозяину, не разбираясь, кто этот хозяин. Служа Кебичу, он боролся с Лукашенко, ничего не имея против него самого, теперь он служит Лукашенко. И на той, и на другой службе он оказывает «медвежьи услуги», но ценится услужливость сама по себе, а не качество услуг. Быков служит высокой и благородной цели, но лучше бы он делал это как писатель. В этой деятельности из его рук выходят качественные продукты, художественное творчество ему удается, а публицистика и околополитическая активность — нет. Многим интеллигентам неуютно от того, что «служить бы рады» — да патрон попался нынче уж больно одиозный, а помыслить себе иной формы существования и активности, кроме службы, они не могут.

Не будем же учить интеллигентов, лучше спокойно разбираться и размышлять, доводя дело до элементарности, расчленяя сложное и трудно постижимое до максимально простых (по мере возможности) элементов, связей

и отношений. Выборы — это только один такт демократического политического процесса, элемент политической системы или искусства ведения общих дел. Как бы ни был важен этот элемент — вне системы он сам по себе ничего не стоит. Вся система может быть обозначена как система человеческого мышления и деятельности в локальном пространстве отдельной страны. Самым важным в таком понимании являются: расширение рамок понимаемого явления до человеческого мышления и деятельности; ограничение сферы существования понимаемого явления (бытия-для-нас) до отдельной страны; и то, что все это берется как система. Главная методологическая ошибка мышления о системных объектах состоит в редукции системы к одному или нескольким аспектам и забывании обо всех остальных аспектах и сторонах, т. е. в упрощении сложного. Элементы должны рассматриваться на элементарном уровне — просто, а система в целом на системном уровне — сложно. Простота хуже воровства — это особенно справедливо применительно к системным объектам. Начнем с ряда элементарных связей и отношений.

АВТОР И СИСТЕМА

Тот, кто рассматривает и описывает систему, является только автором описания или изображения системы, но не автором, создателем или собственником ее. Он несет авторскую ответственность (поскольку авторское право — это, прежде всего, ответственность за сотворенное, а только потом потребление благ и пользы или пожинание зла и вреда от сотворенного) за качество описания, т. е. за обоснованность описания с позиций истинности, разумности, культуросообразности и целесообразности. В предельном случае описание системы может быть сведено к суждению о ней. Но тогда автор суждения попадает в сферу действия того, что Кант назвал критикой способности суждения. Право на суждение должно быть обосновано и доказано, способность суждения не является безусловной принадлежностью человека. Не нужно требовать суждения свиньи об апельсинах, физика о налоговом законодательстве, политика об отправлении религиозных обрядов. Хотя физик может быть недоволен налогами, которые ему приходится платить, но по отношению к налогам он выступает не в позиции физика, а в функции работника, предпринимателя или простого налогоплательщика. Политик может быть примерным прихожанином церкви, но мнения свои об обрядности он оставляет при себе, поскольку это дело специалистов — священников. Способность суждения, которая может быть подвергнута критике и может выдержать критику, — это профессиональная способность или принадлежность знаниевого подхода. Любое суждение может само стать объектом другого суждения, может стать объектом профессионального знания эпистемолога, логика, филолога, методолога и т. д.

Тогда основной проблемой элементарного отношения «автор — описание системы» становится самоопределение автора. Если автор не может отде-

лить себя от избирателя, то в описании системы выборов непременно будут содержаться избирательские политические и личные пристрастия. Такое описание неизбежно будет однобоким, предвзятым, а потому не выдерживающим критики как системное описание. Автор исторического романа о первом президенте Беларуси имеет право на личные симпатии и политическую пристрастность текста, от него даже ожидают этого, но историк — нет. Политическая ангажированность и личные симпатии и антипатии исключены из норм профессиональности историка. Такое суждение историка может быть хорошим политическим памфлетом, фельетоном, но не может быть признано историческим трудом. То же самое можно сказать о политологическом профессионализме. Если суждение не выдерживает профессиональной критики, то уж судить его приходится не с профессиональных позиций. В приведенных выше примерах Заметалина и Быкова нет ничего, что могло бы выдержать критику с профессиональных позиций. А как рядовые избиратели они оба ничем не интереснее, чем все остальные семь с половиной миллионов. Их личные возможности донести свое суждение через газеты не могут делать эти суждения более ценными, чем суждения старушек на парковых скамейках. Но суждения старушек на скамейках не выходят за пределы круга личного общения, а суждения Заметалина и Быкова становятся фактом общественной жизни нации. Поэтому я с полным основанием могу сказать, что авторы этих суждений — люди безответственные. Когда в кругах интеллигенции ругают люмпенов, то это должно относится к Заметалину и Быкову, но не к тем, кто имеет такие же суждения в пределах круга личного общения. В заводской курилке или на скамейке в парке содержание таких суждений соразмерно месту и требованиям на способность суждения, а у Заметалина и Быкова — нет. От этих авторов суждений требуется и ожидается другое качество суждений.

Автор должен быть самоопределенным по отношению к своей работе по продуцированию суждения. То, что позволено кесарю, не позволено быку, но то, что позволено слесарю, не позволено Заметалину и Быкову. Не позволено это и мне, автору этого текста. Садясь писать текст, я должен знать, что требуется от моего текста. Должен и требуется, но не хочется и можется. Такая постановка вопроса об отношении автора и текста глубоко противна интеллигенции российской выучки, она готова признавать требования начальства, готова следовать лирическим импульсам своей души, но не признает требований и долженствования культуры и критики способности суждения.

Такой текст, как этот, должен быть написан, если его не пишет никто другой — значит, его должен написать я. В этом состоит одна сторона авторского отношения.

Другая сторона (второй аспект) состоит в том, что данный текст предназначен не только философам и специалистам по общей теории систем, а для широкой публики, иначе в нем нет смысла. Но тогда автор попадает в сложную ситуацию. Однажды в такую ситуацию попал Фихте, задумавший популяризацию своего наукоучения. Он написал книгу с очень длинным названием, из

которого я приведу только начало: «Ясное как солнце изложение для широкой публики... «. Даже Фихте не удалось достичь желаемой ясности, я же, не обладая его гениальностью, и вовсе не могу претендовать на» ясное как солнце изложение», поэтому буду делать это в меру своих способностей и рассчитываю на усилия при чтении со стороны «широкой публики». С этой стороны суждение автора может быть сформулировано в тезис: один из главнейших пороков «широкой публики» или беларусского менталитета состоит в том, что всего хочется достичь без труда и без усилий. Быков и его сторонники ругают Лукашенко за люмпенство и примитивность решений беларусских проблем, а сами предлагают «широкой публике» столь же примитивные сентенции, позволяя публике оставаться в том же состоянии. Им крайне обидно, что у Лукашенко есть Заметалин, который превосходит их по простоте и доступности при обращении к «широкой публике». Необходимо прекратить гонки и состязания в примитивизме. Общественная жизнь требует усилий от всех участников. От рядового избирателя — маленьких усилий, а от Быкова, Заметалина и автора — больших, и даже очень. А также от тех, кто из «широкой публики» претендует на потребление суждений, способных выдержать критику.

Третий аспект моего отношения к описанию состоит в том, что все это описывается не для того, чтобы объяснить, но — чтобы понять. Я отдаю себе отчет в том, что все изложенное может иметь мало общего с тем, как все обстоит «на самом деле». Поэтому я не объясняю, «как на самом деле», я предлагаю свое понимание. Это понимание обосновано теми усилиями и действиями, которые я совершал (на практике и теории), чтобы придти к такому пониманию. У этого понимания есть свои достоинства. Мне они представляются ценными.

Четвертый аспект требует от автора учета того, что ни одно описание не может быть полным. Автор должен держаться в некоторых концептуальных рамках, которые определяются рефлексивностью его подхода. Адекватность описания (тому, что описывается) определяется с точностью до рамок. Развернутое до описания суждение справедливо, полно, истинно или практично только в тех или иных рабочих рамках. Рамки моей работы задаются прагматикой мышления людей, участвующих в том или ином качестве в политической деятельности, т. е. наделенных избирательным правом жителей Беларуси. В определенном смысле эти рамки могут быть поняты как интерес ко всему, что может пролить свет на вопрос: почему и зачем беларусы думают и действуют в политическом пространстве так, как они думают и действуют? Суждения о том, что и как думают и делают беларусы, присутствуют в моем описании политической системы, но как бы на периферии авторского интереса, поскольку они занимали меня в прошлом году. В рамках интереса к тому, что и как было сделано, описание в первой части текста «Беларусь: вопреки очевидности»[12]. Но, даже взаимодополняя

[12] См. настоящее издание — С. 14 — *Прим. ред.*

одна другую, первая и вторая части не дают полноты описания, ведь эти же вопросы могут быть рассмотрены в других модальностях. Что и как можно думать и делать по-другому? Зачем и почему не делается и не думается по-другому? Почему и зачем нужно думать и делать по-другому? Время и место этому в других частях текста и в других рамках.

ВЫБОРЫ И ИЗБИРАТЕЛИ

Наивно думать, что избиратели реагируют на разные суждения, которые предлагают кандидаты, эксперты, журналисты и прочие в предвыборный период так, как предполагают те, кто эти суждения высказывает. В отношении избирателей выборы могут рассматриваться как очень специфическая коммуникация. В обобщенном виде ее можно схематизировать следующим образом: избирателей спрашивают — избиратели отвечают; вопросы избирателям задают закрытыми, на которые есть только два варианта ответа — да или нет. На выборах (не на референдуме) вопросы задаются в свернутой форме — имена кандидатов; имена кандидатов прочитываются избирателями как совокупность мнений о месте и положении кандидата в обществе, разделяемых кандидатом представлений о добре и зле, о путях развития страны и просто высказываемых кандидатом мнений обо всем, о чем он посчитал возможным сказать или умолчать. Всему этому избиратель и говорит «да» или «нет». Избиратель не имеет возможности вступать в более развернутую коммуникацию, но это не означает, что такая коммуникация не нужна, что для нее нет места в демократическом обществе. Такие места и такая коммуникация должны быть, но не на выборах, не во время выборов, но в других местах, в другое время, в других формах и коммуникативных ролях. Если это есть — есть демократия, если нет — нет демократии, а вне демократии нет избирателя.

В конституциях большинства государств верховным сувереном называется народ. Очевидно, что категория «народ» является абстракцией, за которой не стоит конкретной субъектности, и поэтому то, что называется волей народа и выражается в результатах выборов, не может быть спрошено у абстрактной категории. Нельзя вопрошать народ о его воле непосредственно. Поэтому, для технической стороны организации волеизъявления верховного суверена в стране, институт современной демократии изобретает особую форму придания народу субъектности — некоторые категории жителей или обывателей страны наделяются избирательным правом, или правом голоса. Именно некоторые, а не все. Изобретается специальная процедура разделения обывателей на тех, кому делегируется право голоса, и на тех, кому в нем отказано. Основания для отказа в праве голоса могут быть разными, но все они исходят из той или иной версии признания способности суждения. Первые европейские демократии старались не допускать права голоса у неграмотных, у людей без собственности (значит у безответственных), у женщин и т. д. Постепенно мно-

гие ограничения устранялись. К середине XX века везде сохранились только возрастной ценз и условие гражданства. В некоторых государствах обывателей лишают права голоса за уголовные преступления или служащих армии и полиции, каждый из таких цензов требует специального рассмотрения и критики. Общая тенденция состоит в максимальном расширении категории обывателей, наделенных избирательным правом.

При этом понятно, что расширение круга лиц, владеющих правом голоса, не является автоматическим отказом от принципа критики способности суждения. Право голоса не тождественно признанию права на суждение. Поэтому процедура выборов строится технически таким образом, что голоса избирателей (из которых складывается vox populi) принимаются к рассмотрению без обоснований и аргументации, что является обязательным для суждения. Значит, голос избирателя выражает собой нечто меньшее, чем суждение, а именно мнение. Таким образом, в современной демократии избиратель — это обыватель страны, за которым признается право на собственное мнение, и общество в лице государства принимает на себя обязательство считаться с этим мнением, если оно высказано по принятой процедуре (на выборах). Во всех остальных случаях мнение обывателя есть его частное дело и не принимается в расчет в общественных делах. Обыватель становится избирателем только в отдельных случаях: в день выборов или референдумов, в период сбора подписей под документами, предусмотренными законом (документы о выдвижениях кандидатов или заявления об общенациональных инициативах), в процедурах, когда обыватель хочет потребовать отчета у человека, которого он избирал или собирается избирать, и того субъекта, который спрашивал мнение избирателя и обязался его учитывать в своей деятельности. Во всех остальных случаях избирателей не существует. Тем более не существует признания мнения избирателя суждением. Право на суждение обосновывается не институтом демократии, а институтами профессии и образования. Все эти институты могут мирно уживаться друг с другом, но организованы по разным принципам. В отличие от демократии в профессии и в образовании не работает принцип равенства. В профессионализме и в образованности люди не равны друг другу. Школьник и доктор математики могут браться за решение одной и той же задачи по собственной инициативе, но шансы ее решить у них разные. Любой может стать свидетелем события, разбираемого на суде, но не каждый сможет выступить защитником в качестве адвоката. Любой обыватель, имеющий право голоса, имеет и право быть избранным, но не каждый должен баллотироваться в депутаты. Политика — это профессия. Любой избиратель может теоретически освоить профессию политика, но не каждый осваивает. Любой политик — избиратель, но не каждый избиратель — политик. И политик, и избиратель могут иметь свое мнение. Демократия ставит политика в зависимость от совпадения мнений самого политика и мнений большинства избирателей. Все дальнейшее зависит уже не от мнений, а от профессионализма политика, т. е. от способности политического суждения. Политик профессионально обязан иметь обоснованное суждение. Критика и анализ обоснован-

ности суждения осуществляются в профессиональной среде, а будучи высказанным за пределами профессиональной среды, суждение приобретает форму (вид) мнения, и уже в виде мнения предлагается избирателю. Избиратель ориентируется во мнениях и имеет право на ошибку. Но он должен быть уверен в том, что прежде чем мнение, персонифицированное в том или ином конкретном политике или кандидате, вынесено на суд избирателя, оно проверено как суждение в профессиональной среде на предмет обоснованности, реалистичности и разумности. Избиратели и политики могут иметь совпадающие мнения о том, что есть добро и зло для страны, но суждения о том, как, какими путями и средствами достигается добро и избегается зла, — это дело профессионалов, а у избирателя нет возможности судить о степени профессионализма.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сформулировать проблему идеального избирателя, или парадокс демократии:

— Фигура избирателя есть техническое средство демократических институтов придать субъектность безличному конституционному суверену — народу.

— Институт демократии в законодательно фиксированных ситуациях спрашивает народ посредством избирателей о совпадении политических суждений с мнением большинства.

— Выносимые на суд избирателя суждения в виде мнений политических деятелей, партий и кандидатов подвергаются критике и проверке на обоснованность в профессиональной коммуникации.

— Профессиональную коммуникацию, организацию критики и анализа политических суждений осуществляют в демократических институтах до выборов или в процедурах демократии, которые не являются выборами.

— Внутри демократических институтов, помимо выборов, избиркомов, органов и средств предвыборной агитации и пропаганды, должны функционировать другие механизмы для обеспечения критики способности политического суждения.

— Такими механизмами демократических институтов являются: свободные СМИ, политические науки, независимые от партий и государства, экспертные и аналитические центры, процессы образования и внутрипрофессиональной конкуренции и борьбы.

— Функционирование всех перечисленных механизмов института демократии оформляется в законодательстве государства и в традициях общества.

— Существование избирателя как необходимого элемента демократического института возможно только при реализации всех перечисленных механизмов, т. е. в системе демократического института. Будучи вырванным из системы, системный элемент перестает быть самим собой. Избирателя нет вне системы (полного комплекса механизмов и элементов) института демократии.

— Если в стране запущено функционирование механизма выборов, но не запущены механизмы профессионального отбора политиков и критики спо-

собности политического суждения — системы демократии нет. Есть только отдельные элементы, выступающие в ложном или двусмысленном статусе.

Из всего этого следует простой вывод: в Беларуси нет института демократии, а значит, нет и не может быть избирателей. В чем же тогда участвовали обыватели 14 и 28 мая 1995 года? Безальтернативные «выборы» советских времен продолжались десятилетиями. Советская интеллигенция настолько свыклась с их критикой «на кухне», что стала думать очень просто: стоит привнести альтернативу выбора в процедуру, и все будет правильно и демократично. Накапливая естественнонаучные знания, образованная советская публика растеряла не только знания о человеке и обществе, свела гуманитарные науки к самым примитивным схемам, но лишилась элементарного здравого смысла в этой области. Советские представления о демократии не простираются дальше Гайд-парка, афинской охлократии или новгородского вече. Советское гуманитарное мышление пытается втиснуть все разнообразие и сложность демократического устройства общества в категориальную сетку из двух-трех понятий: гласность, многопартийность и разделение властей. Поэтому «бедный» Василь Быков думает, что вся проблема в фальсификации выборов «нехорошими людьми» из президентской вертикали. Блаженны нищие духом, ибо их царствие небесное. Несчастны нищие знанием, ибо их удел — жить при коммунизме.

ВЫБОРЫ И ЗНАНИЕ

Отношение между выборами и знанием в системе демократических институтов само является не элементарным, а сложным. Это отношение необходимо рассматривать как систему или подсистему в составе демократических институтов. Можно отдельно выделять для рассмотрения: знание тех, кто организует выборы, о выборах; знание кандидатов о положении дел в стране и путях решения проблем; знание избирателей о положении дел в стране и о перспективах развития страны; знание избирателей о кандидатах и многое другое. Кроме того, необходимо рассматривать истинность всех этих знаний и их ошибочность, искажения или заблуждения, полноту и фрагментарность. В определенном отношении демократия может быть представлена как эпистемическая машина, спроектированная и построенная с целью употребить все имеющееся в обществе знание на пользу этому обществу. В философском или методологическом тексте именно так и нужно было бы строить теорию и задавать практику демократии. Именно так исторически разворачивалось демократическое мышление от Френсиса Бэкона с его тезисом «знание — сила» до Пьера Бурдье с его трактовкой власти как функции номинации — обоснованного права называть вещи в обществе и в политике «своими именами». В тексте для «широкой публики» можно только популярно изложить топику знаний, которые необходимо учитывать при организации выборов.

В предыдущем разделе уже говорилось о том, что упрощенные, редуцированные схемы, которыми пользуются в Беларуси для описания, понимания, анализа и проектирования выборов, заведомо недостаточны. Известная банальная максима, что все знать невозможно, не является оправданием того, что организаторами и участниками выборов являются лица, очень много не знающие о том, чем занимаются. Нельзя знать все, но нужно знать все, что необходимо. Почему-то никому не приходит в голову доверить школьнику, выучившему на отлично урок по анатомии об устройстве пищеварительной системы человека, операцию по удалению аппендикса. Понятно, что, кроме схемы пищеварения, хирургу нужно знать многое другое. А вот выборы доверяют организовывать людям с очень локальными и фрагментарными знаниями. Фрагментарность и локальность знания — норма для индивидуального деятеля, именно поэтому по мере усложнения деятельности растет роль кооперативных и технологических форм деятельности. В кооперации и технологии субъектом деятельности выступает не индивид, а коллектив или организация. Организация человеческой деятельности в популярном изложении может быть описана как знание каждым членом организации того, что он сам знает некий фрагмент деятельности организации, знает, что его партнеры знают другие фрагменты, и знает, как строить взаимодействие с этими партнерами. Общим для всех членов организации является знание в самом обобщенном виде об объекте деятельности и знание схемы взаимодействия с партнерами. Если все это есть — существует субъект деятельности, адекватный самой деятельности, существует организация или кооперация деятельности.

При таком понимании организации деятельности можно построить простую диагностическую процедуру проверки того, насколько работа в организации соответствует системе объекта деятельности. Если некий деятель принимает решение, выходящее за пределы компетенции того локального знания, которым он владеет, без согласования с партнерами, владеющими другими фрагментами необходимого знания, то мы имеем дело не с реальной эффективной деятельностью, а с фиктивно-демонстративной. В фиктивно-демонстративной деятельности происходит подмена цели. Целью является не эффективный результат, а либо псевдоработа ради самого функционирования, либо некий заранее заготовленный результат, который пытаются выдать за продукт именно той деятельности, которая фиктивно демонстрируется. Проиллюстрируем сказанное беларусским материалом.

Зимой президентская администрация проводит совещание с руководителями существующих в стране партий, в которых, как известно, концентрируются люди, готовящие себя к политической деятельности. Темой совещания является определение типа предстоящих выборов в Верховный Совет. Все партии высказались за пропорционально-мажоритарную систему проведения выборов, при которой половина состава Верховного Совета избиралась бы по партийным спискам, что позволяло бы повысить профессионализм депутатского корпуса, а другая половина избиралась бы по

одномандатным округам, что дало бы возможность представлять в высшем законодательном органе государства местные интересы. Такой подход не соответствует представлению администрации президента о государственном устройстве, по которому все должностные лица, включая депутатов, должны быть подчинены главе государства. Такое положение может быть достигнуто только при назначении депутатов всех уровней от имени президента. Порядок назначения полностью исключает демократические выборы. Советская имитация выборов полностью отвечала бы такому представлению о государственном устройстве, но вернуться к ней уже не так просто, для этого нужен государственный переворот и запрет политической деятельности. В такой ситуации избирается «третий путь».

— Мнение партий игнорируется, и принимается мажоритарная система выборов. Это исключает для партий возможность сформировать партийные списки профессиональных политиков и представить их на суд избирателей вместе с партийным подходом к решению общенациональных проблем, но не исключает элемента самостоятельного выбора избирателями кандидатов, которые не будут подчиняться президенту. Запретить партиям выдвигать своих кандидатов, которые тем скорее составят конкуренцию президентским ставленникам, чем сильнее партийные структуры, их выдвигающие, без нарушения закона нельзя. Поэтому необходимо лишить кандидатов преимуществ, которые может дать партийная поддержка и организованность предвыборной кампании.

— Массовое выдвижение кандидатов до двух десятков на один округ позволяет растворить профессионалов среди «серой» невыразительной массы людей с ничего не говорящими избирателю именами. Спринтерский срок проведения предвыборной кампании лишает избирателей времени для того, чтобы успеть разобраться, кто есть кто. Поэтому избиратели будут ориентироваться только на формальные признаки, скупо изложенные прямо в избирательном бюллетене.

— Сведение к минимуму ресурсов, которыми могут распоряжаться кандидаты в проведении компании по Указу «О равных возможностях ...», действительно уравнивает кандидатов, у которых есть партийные, финансовые, организационные ресурсы и личные способности, с кандидатами, у которых «ничего нет за душой». Умные и талантливые поставлены с дураками и бездарями не просто в равные условия (что само по себе безнравственно), но в условия, при которых невозможно воспользоваться преимуществами ума и таланта.

— Предложение избирателям не разбираться с кандидатами, а решать в один день с выборами «судьбоносные» для страны вопросы на референдуме.

— Когда все выше перечисленные факторы введены — все остальное дело техники, а она очень проста: закрытие нескольких средств массовой информации, несколько пропагандистских трюков с очернением одних и выпячиванием других кандидатов — и все «законно». Нет никакой необходимости фальсифицировать выборы. И на исход выборов уже мало влияет и требо-

вание 50-процентной явки списочного состава избирателей, и прочие положения Закона о выборах.

Все это было проделано так безупречно, что для аналитика остался только один вопрос. Все это делалось сознательно, и результат совпадает с целью, поставленной организаторами этих выборов? Или цель была другой, а то, что произошло, есть результат контаминации случайностей вместе с тупостью и бездействием? Таким образом, этот вопрос выворачивается в две плоскости: нравственную и логическую.

В логической плоскости вопрос состоит в установлении детерминации результата выборов знанием технологии выборов и системы демократических институтов. Если исполнительные власти получили именно то, что хотели, то они превосходят в знаниях всех своих противников так, как профессионалы превосходят любителей и дилетантов. Если цель и результат не совпадает, то причиной произошедшего следует признать необразованность и темноту всей беларусской политической тусовки.

В нравственной плоскости вопрос может быть поставлен либо о моральности или преступности целей, подобных результату майских выборов, т. е. моральности власти, имеющей целью провал демократических процедур, лишение страны законодательной власти, манипулирование информацией и т. д., либо о моральности незнания или полузнания, имеющегося у политиков (находящихся в оппозиции в первую очередь), то есть о том, морально ли заниматься тем, в чем так плохо разбираешься.

Кооперативная организация знания в системе современной демократии предполагает развитую инфраструктуру различных механизмов и процессов получения необходимого знания, распространения и взаимного употребления знания, полученного в разных областях и зонах. Эти процессы реализуются в механизмах исследований, разведки, соблюдения секретности и конфиденциальности, экспертизы, критики, общественных слушаний и дискуссий и т. п. С развитием, усложнением и совершенствованием деятельности возрастает доля коммуникации в совокупных затратах рабочего времени. Многие цели могут быть достаточно просто и быстро достигнуты, если рассматривать только техническую сторону дела. Но поскольку они достигаются коллективами и кооперативами (в широком значении этого термина), то большая часть времени уходит на согласование, переговоры, разбор конфликтов между участниками и достижение компромиссов, обучение и разъяснение (publik relations), лоббирование и т. п. Примитивные подходы, мыслящие человеческую деятельность по-крестьянски и по-пролетарски как обработку полей или металлов резанием, в лучшем случае как толоку, не могут признать урегулирование конфликтов и согласование интересов, а тем более приобретение знаний, работой. В таких подходах все это кажется либо злом, либо пустой тратой времени, либо развлечением. Из примитивного подхода представляется более прагматичным, моральным и разумным игнорирование чужих интересов, суждений и мнений, если они мешают достижению целей и результативности, изоляция инакомыслящих или уничтожение

их как врагов. Такие подходы не в состоянии подняться до осознания самоценности человеческой личности со всеми ее интересами, мнениями. Человек рассматривается через призму материальных ценностей, потребностей и успехов.

Ценностная несовместимость этих подходов, зафиксированная Карлом Поппером и Джорджем Соросом в схемах открытого (развивающегося) и закрытого (традиционного и застойного) обществ, проявляется на знаниевом, техническом, логическом уровнях, на личностном и идеологическом противостоянии. Необходимо признать, что застойные простые общественные отношения устойчивее и стабильнее, чем отношения демократии в открытом обществе. Все сложное уязвимее простого, чем сложнее система — тем больше энергии, труда и заботы, знания и интеллекта требует она для поддержания себя в нормальном состоянии. Поэтому сторонники открытого развивающегося общества в Беларуси должны быть на порядок выше по знанию и интеллекту, чем их оппоненты, во много раз возрастает требование к организации их деятельности, поскольку кооперироваться на базе сложных идей неизмеримо сложнее, чем на базе простых и очевидных. Вместо того чтобы «учиться демократии настоящим образом», как их оппоненты делают по отношению к своей парадигме, выполняя завет своего вождя, беларусские демократы упрекают оппонентов в злокозненности и народ Беларуси в «неготовности к демократии» (т. е. в недостатке знаний и нравственности). Тем самым они расписываются в своем бессилии, в своей безграмотности. Возможно ли себе представить политических оппонентов в здравом уме, которые будут подыгрывать противоположной стороне? Разумеется «партия власти» использует все возможности, чтобы победить. Возможно, что она готова на все, но там, где ей хватает ума, она старается держаться в рамках закона и приличий. Она пользуется слабыми местами и ошибками своих оппонентов. Причина слабости и ошибок оппозиции — в недостатке знания и в неверном знании. Если оппозиция и дальше будет основывать свои действия на неверном знании, «партия власти» будет выигрывать. Знание — сила. Сейчас эта сила на стороне президентской вертикали.

Сила сама по себе безразлична к добру и злу, она анравственна, также как и знание. Тот, кто хочет употребить силу и знание на добро, должен накапливать силу и знание, должен пользоваться верным знанием. Большевистский вождь, который делал с Российской империей все, что хотел, как-то сказал: «Учение Маркса всесильно, ибо оно верно». Это суждение в своей абсолютной безапелляционной форме давно опровергнуто, как в обобщенном, так и в конкретном виде. В методологическом отношении (см., например, принцип фальсификации Карла Поппера и его же критику историцизма) показано, что нет и не может быть абсолютно верного и всесильного учения, всякое учение локально и относительно со стороны истинности, всякое учение имеет ограниченную реализационную и прагматическую силу. В конкретном случае, применительно к Марксу, суждение Ленина опровергнуто по

марксистскому же критерию: практика — критерий истины. И историческая практика социализма и коммунизма подтвердила силу учения Маркса в определенную историческую эпоху и показала полное его бессилие в другую эпоху и в других ситуациях. Но в своей релятивистской форме суждение Ленина по-прежнему актуально. Тот, кто хочет победить оппонента, вооруженного марксистским методом, должен овладеть более сильным, верным и практичным методом (не абсолютно истинным, но практичным в конкретной ситуации постиндустриального и открытого общества). Такой метод есть, дело только в лени, полуграмотности и нарциссизме беларусских интеллектуальной, предпринимательской и политической элит.

ВЫБОРЫ И ЛОГИКА

Разумеется, мы не можем в этом тексте рассматривать все логические аспекты и проблемы, даже применительно только к выборам. Системы логики, в которой можно было бы рассмотреть все проблемы гуманитарных технологий, просто не существует. Сфера гуманитарного всегда будет определяться и регулироваться паралогическими формами мышления, логика будет расширять свою область бесконечно и бесконечно будет отставать от постоянно накапливающегося многообразия человеческого мира. Люди жили и будут жить в мире только отчасти разумном, только отчасти охватываемом мышлением в логических формах. Это не повод для переживаний, не повод для отказа от логики. Логике — логическое, все остальное свободе воли людей и воле Божьей.

Логическая сторона вопроса в первом приближении может быть развернута вокруг категории следования, т. е. построения суждений по принципу: если..., то... Логическое следование строится на разных принципах, логик может быть много. Не вдаваясь в перечисление существующих и возможных логик, можно ограничиться каузальным (причинным) и целевым (телеологическим) подходами к детерминации логического следования. Общая схема работы состоит в том, что первичным фактором в анализе и критике суждений является само отношение следования. Т. е. ни посылка, ни следствие в логическом суждении не являются безусловными и объективными, они только переменные, сотворенные разумом человека. Если обосновано отношение логического следования, но посылка и следствие (или причина или цель, с одной стороны, и результат, с другой стороны) противоречат друг другу в рамке этого отношения, то возможны варианты:

— мы неправильно задали посылку, т. е. результат имел другую причину или цель, а не ту, что мы думали;

— мы плохо понимаем, в чем состоит следствие, не учитываем все последствия, принимаем следствие не за то, что оно есть;

— мы выбрали не ту логику.

Применяя такое рассуждение к современной беларусской феноме-

нальности, можно сформулировать несколько тезисов, которые могут быть несогласованными друг с другом или взаимоисключающими:

— результат майских выборов в Верховный Совет не являлся целью администрации президента, поэтому она не может нести ответственности за отсутствие в стране законодательной власти, эти выборы — ошибка власти;

— результат майских выборов есть государственный переворот, организованный администрацией президента с целью концентрации власти в одном месте, проведенный безупречно чисто под прикрытием выборов, эти выборы — преступление;

— результат майских выборов имел своей причиной не действия властей, а нечто иное: заговор спецслужб, происки России, козни оппозиции, умонастроение народа, игнорирующего беларусскую государственность, тупость организаторов и т. д.;

— никто не понимает, в чем состоит результат выборов, все выводы и заключения от непонимания того, что произошло.

Продолжая восстанавливать в разных логиках посылки и следствия, отталкиваясь от очевидности причины (или приписываемой цели) и результата, можно наплодить множество версий, с которыми невозможно будет разобраться. Некритический ум не выясняет достоверность посылок и следствий, не анализирует логику, в которой посылки и следствия связываются, а останавливается на одной из версий, которая первой приходит ему в голову. Все дальнейшие суждения и планы действий он строит исходя из этой случайно подвернувшейся версии. Так появляется огромное разнообразие мнений о сложившейся политической ситуации. Подавляющее большинство этих версий и мнений ничем не обосновано. Они представляют собой простой набор логически правильных грамматических конструкций, никак не связанных с реальностью или не признающих реальности. Можно даже классифицировать основные заблуждения, с этим связанные.

Непризнание реальности денег. В Беларуси по-прежнему распространено представление о том, что реальностью являются материальные продукты, а не товары, имеющие потребительскую стоимость. Все мнения, построенные на таком представлении, от неспособности понять, что производство может работать тогда, когда есть служба сбыта, которая превращает произведенную продукцию в товар, который кому-то нужен. Нужность или потребительская стоимость вещей выражается в деньгах, которые люди готовы заплатить за нужные вещи. Поэтому деньги являются логической причиной производства. Если вещи (ковры или трактора) никому не нужны, их не покупают, значит, они не являются товаром. Тогда работа состоит в том, чтобы создать потребность в этих вещах (т. е. научиться превращать их в деньги), или в том, чтобы перестроить деятельность на производство нужных вещей. Такая простая мысль может присутствовать только в критическом уме, который признает деньги первой реальностью, а вещи только второй. Вещи реальны только тогда, когда они что-то стоят, удовлетворяя чью-то потребность. Не затраты материала и труда определяют ценность вещей и производства, они определяют только

себестоимость. Если себестоимость выше в денежном выражении продажной цены, то производство есть воровство и преступление. Признание реальности вещей и признание реальности денег являются не логическими, а онтологическими полаганиями. После сделанных полаганий, которые исключают друг друга в реальности и онтологии, можно строить логически правильные рассуждения, но не ими определяется истинность суждений. Коммунисты логичны, но их логика не приближает их к реальности и обоснованности суждений. Если деньги реальны, то нужно устранять коммунистическую логику, а если большинство обывателей разделяет коммунистическую логику, то нельзя принимать решения об организации производства на основе мнений большинства. У большинства нужно испрашивать разрешения отдать этот вопрос компетентному меньшинству. Логично? Разумно? Да. Как это сделать? Это вопрос гуманитарной технологии.

Непризнание реальности государственности Беларуси. Есть мнение, признающее Республику Беларусь de facto, но не признающие ее de jure, — Славянский Собор «Белая Русь»[13] и его электорат. Они участвуют в выборах, считаясь с феноменальностью, чтобы восстановить правовую ситуацию «до Вискулей». Есть мнение, признающее Республику Беларусь de jure, но не de facto, — БНФ, его электорат и бизнес, хотя и из разных соображений. Они участвуют в выборах, чтобы сделать существование Беларуси реальным, но они не могут быть успешными на выборах, поскольку они проводятся в придуманной ими реальности. Есть мнение, признающее реальность беларусского государства и так и этак, есть, наоборот, не признающее никак. Основывающиеся на этих мнениях, как правило, не участвуют в выборах, либо потому, что не видят, из кого выбирать, либо потому, что им безразличен исход. Это электорат центристских политических партий. Все эти мнения могут быть положены в качестве посылок в непротиворечивые логические умозаключения, но все они ошибочны в онтологическом отношении.

Можно рассматривать непризнание реальности права, гражданских свобод, свободы воли людей и многие другие предвзятые онтологические полагания. Все они могут стать членами логических конструкций. Поэтому основной упор в системе демократических институтов нужно делать не на логический анализ, а на логическую критику. Только тогда вырисовываются истинные проблемы современной социокультурной ситуации, только тогда можно построить разумные суждения и реалистичные планы действий.

Логическая критика выводит нас в пространство метода, и только здесь мы видим порочность метода и мышления, доминирующих в Беларуси. Дело в том, что марксистские метод и мышление базируются на гегелевском принципе тождества логики, онтологии и теории познания. Этот принцип ограниченно справедлив в определенных рамках, но как фундаментальный принцип подхода к проблемам мышления и к задачам реального действия

[13] Это инициированное спецслужбами политическое образование прекратило свое существование тихо и незаметно, не оставил ни следов, ни наследников (2006).

он несет в себе антикритическую установку и догматическую покорность тоталитаризму. Этот принцип может работать в условиях, когда существует одна логика, одна онтология, один единственно верный подход в познании мира. Он и придуман как обоснование единственно верности диалектики Гегеля, а потом учения Маркса. Мир устроен так, как об этом думает Гегель (или Маркс), а Гегель (или Маркс) думает так, как устроен мир. Поэтому «все действительное разумно, а все разумное действительно», поэтому Гегель (Маркс) всегда прав, а если «факты противоречат правоте Гегеля (Маркса), тем хуже для фактов». Дело остается за малым: все должны освоить логику Гегеля (Маркса), его представление о мире (онтологию) — и жизнь и деятельность потекут так, как им велено. Отсюда один шаг до следующего огрубления такого подхода: если некто думает не так, как я, то он неправ, если он упорствует в своем «заблуждении», то он враг, если враг не сдается, его уничтожают (Иосиф Сталин). Некритическая установка по отношению к логике логически приводит к сталинизму. Портреты Сталина 9 мая, за 5 дней до выборов в Верховный Совет Республики Беларусь появляются как логическое следствие некритической установки беларусских элит[14]. Поэтому занятие логикой в современной политической ситуации есть основное дело политиков, как финансовые схемы, учетные и процентные ставки — дело банкиров. Логично? Да, и никак иначе.

Планы строятся разумом, а разум устроен логически. Не знающего логики нельзя допускать до построения планов. Это один из цензов допуска к политической деятельности. Сформулируем основные требования к политической логике. Все политические планы и проекты строятся в условиях неполноты знания. При неполноте знания невозможно учесть все посылки и все следствия из них, даже при пользовании самой правильной логикой и при самой совершенной проработке категории следования. В ситуации неполноты знания нельзя вставлять в планы один-единственный вариант исхода событий и результата действия. Мы не знаем всех действующих причин (и не можем знать) и целей, поэтому не можем гарантировать определенность исхода. Мы не можем вставлять в планы один-единственный вариант описания исходной посылки, в политике не бывает одного деятеля, и все они делают разное, это нужно учитывать в разработке планов. Как же тогда можно строить планы и действовать? Очень просто, *не нужно путать политические действия и гуманитарные технологии и вещественные преобразования*. Нужно осваивать многозначные логики и принципы системной организации деятельности. Планы должны быть формальными. Нельзя проводить выборы с планом получить определенный состав парламента, но можно проводить с целью получить работающий парла-

[14] Многие беларусские политики любят заигрывать со сталинистскими симпатиями ветеранов, не задумываясь о последствиях. Последствия же не заставляют долго ждать, молодежь усваивает из этого не культ мертвого Сталина, а только симапатии к твердой руке власти в любых идеологических формах. Почему бы и не сильная власть Гитлера? (2006).

мент. Он будет больше или меньше отличаться от желаемого, ну и пусть, зато он будет работать. Стремление получить строго заданный состав парламента приводит к срыву выборов, и страна остается без законодательной власти, т. е. продолжает жить в беззаконии. Dura lex, sed lex. Форма и буква закона, формальная цель должны доминировать в политических институтах над узкопартийными интересами. И это вполне осуществимо в открытом обществе, если политики освоят многозначные логики и приобретут критическую установку.

ВЫБОРЫ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Нравственные отношения представлены в знании этикой. Этика может быть дескриптивной (описательной или объяснительной) или нормативной. Обычно дескриптивная этика — занятие для философов и ученых. Те же, кто обращается к проблемам нравственности с практическими целями, пытаются работать в рамках нормативной этики, впадая тем самым в безмерную гордыню и прочие грехи. Можно быть сколь угодно недовольным принятыми в некотором обществе и в некоторую эпоху нормами и запретами, которыми руководствуются люди, но пытаться их исправить и изменить прямолинейными действиями — гиблое дело. После того, что в этой области сделали Моисей и Христос с Божьей помощью, обычным людям делать нечего. Но сфера нравственности — это не природа, где действуют незыблемые законы, не знающие исключений и не терпящие изменений. Нормы нравственности и определяемое ими поведение людей меняются от народа к народу, от эпохи к эпохе, от поколения к поколению. Изменения в нравственном состоянии общества производятся самими людьми, но не прямолинейно, а рефлексивно, через размышление о нравственности и морали, о том, что такое хорошо и что такое плохо. А размышлять можно по-разному:

— можно с пафосом, восклицая «o tempora, o mores»;

— можно морализировать, наставляя заблудших на путь истины и обличая погрязших во грехе;

— можно реконструировать прагматику действия, т. е. нравственные основания действия, которыми руководствуется деятель, делать их видимыми для всех, а все сами решают, как к этому относиться.

При системном рассмотрении демократических институтов я не могу избежать восстановления и анализа мотивов и ценностных оснований действий участников процессов демократизации. Важно при этом избежать пафоса морализаторства и обличительства порока. Без этого восстановления нравственных оснований невозможно понять, почему действия президента ориентированы на образцы Вьетнама и Китая, чем эти образцы для него и его сторонников привлекательнее образцов Чехии, Польши и Прибалтики? Невозможно понять, чем руководствуются избиратели в своих предпочтениях.

Нравственная атмосфера беларусского общества не представляет собой ничего уникального и особенного, она проявление известного типа нравственности. Существует множество имен для обозначения этого типа нравственности: коммунистическая мораль, коллективизм, атеизм, традиционализм — схватывающих различные аспекты типического и по-разному высвечивающие целое. Существует большой корпус культурных текстов, посвященных этой проблеме. То, что я могу сформулировать в качестве авторского суждения по этой проблеме, не может быть понято без учета теоретических и фундаментальных работ М. Вебера, В. Лефевра, Э. Каннети, К. Поппера, Ф. Хайека, М. Мамардашвили и многих других, без феноменологических описаний А. Солженицина, В. Шаламова, А. Адамовича и других представителей целого поколения советских писателей, предметных разработок А. Маслоу, В. Франкла, Л. Гумилева, антропологических предпосылок антиутопий Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, без текста Библии наконец. Для меня лично наибольшее значение в понимании места нравственности в системе общественных отношений имеет опыт взаимодействия с моими учителями Г. П. Щедровицким и А. Е. Алексейчиком, сопричастность их деятельности и жизни. Самым правильным действием с моей стороны была бы отсылка читателей ко всей этой литературе, потому что все, что я могу сказать, будет только иллюстрацией, беларусским материалом к перечисленным работам.

1. **Коллективизм**. Все цели, ценности и дела тонут в коллективной безответственности. В Беларуси «нет места подвигу» личности и индивидуальности. Нравственность не терпит коллективной собственности, она есть неотъемлемая принадлежность индивида. Нравственный индивид соотносит свои ценности и дела с системой нравственных норм, а не с мнением большинства и не с силой обстоятельств. Коллективизм же не оставляет места для существования системы нравственных норм, независимой от мнения и воли коллектива.

Альтернативой коллективизму может быть только допущение императива «**существуют ситуации, когда ОДИН прав, а ВСЕ неправы**». Удивлявший Канта «нравственный закон во мне» служит единственной силой, способной противостоять коллективной безответственности, лени и глупости. Так стояли, один против всех, Сократ, Ян Гус, Андрей Сахаров и многие другие. Они жили, а иногда и умирали в одиночку. В Беларуси же культивируется невозможность жить по «нравственному закону в себе». Живи и умирай как все, «на миру и смерть красна». Даже Алесь Адамович уехал жить туда, где он мог быть не один. Лидеры БНФ не могут быть нравственными ориентирами общества, поскольку постоянно стремятся быть с коллективом. Их целью является не индивидуальность с «нравственным законом в себе», а смена доминанты коллективистской морали. Весь их расчет строится на том, что, когда физически вымрут носители старой коллективистской догмы и морали, их сторонников станет больше, и они займут лидирующее положение в коллективе и сменят коллективистскую доминанту. Те же, кто способен прислушиваться к «нравственному закону в себе», никогда не станут сторонниками

«смены шила на мыло», одной коллективистской догмы на другую. БНФ, возможно, за счет «естественной смертности» сможет когда-нибудь стать коллективистским большинством, но никогда не сможет привлечь на свою сторону действительно талантливых людей и яркие индивидуальности. Поэтому никогда не окажется правым в нравственном отношении. С коллективистскими ценностями в сложной ситуации нет шансов «быть правым, когда все неправы». Всегда будет доминировать стремление следовать за большинством, а не за правдой, даже если это локальное большинство, так называемые «свои» или «мы». Всегда инакомыслие будет расцениваться как предательство. Шушкевич, Карпенко, Булахов, Гончар и некоторые другие политики в Беларуси носят на себе несмываемое клеймо предателей. Я не берусь судить о том, на ком из них это клеймо лежит «по справедливости». Я знаю только, что это клеймо они получили от носителей коллективистской морали, заслужили его (независимо от того, справедливо или нет) своей недооценкой влияния коллективизма и недостатком гуманитарного знания. Знание анравственно, но без знания невозможно жить нравственно (см. раздел о знании в настоящем тексте).

2. **Атеизм**. Достоевский сказал об этом все, что необходимо: «если Бога нет, то все позволено». Нет и не может быть «нравственного закона во мне», если нет Бога, если человеку нет дела до Бога, а Богу до человека. Через Моисея Бог заключил Завет с народом в виде Закона Божьего, через пророков Бог распространил этот Завет на индивидуального человека, через Иисуса Христа Бог и люди стали исполнять Закон Завета Любовью, которая сильнее, крепче и важнее формального Закона и страха Божьего, через Павла Бог распространил Закон и Любовь Завета на всех людей без различия социального положения, этнической и конфессиональной принадлежности. Нынче «нет ни иудея, ни эллина» перед лицом «нравственного закона в себе». Гарантом соблюдения этого является только Бог. Если Бога нет, нет «нравственного закона во мне», нет его нигде, поскольку его место только «во мне» и в Боге. Тогда вместо нравственного закона существуют только коллективистские эрзацы. Вместо категорического императива вытаскивается наружу нравственный релятивизм — классовая или национальная мораль, цинизм и прагматизм, ситуативная выгода. Народ, живущий так, не имеет своей истории, не имеет ни прошлого, ни будущего, ни национальных символов, ни Родины, ничего святого.

К атеизму в Беларуси добавляются проблемы конфессиональной морали. Среди христианских конфессий противостоять имморализму коллективизма в полной мере могут только протестантские церкви, но не православие и католицизм. (Хотя это вопрос дискуссионный. Такое суждение более справедливо в подходе Макса Вебера, правда, и он допускал исключение для старообрядческих общин православия. Менее справедливо оно в других подходах, например Игоря Шафаревича, который описывал зараженность протестантских ересей коллективизмом, правда, он рассматривал древних предшественников протестантов, до Лютера и Кальвина, а также учения таборитов и Тома-

са Мюнцера.) И католицизм, и православие используют вместо категорического императива и нравственного индивидуального закона авторитет церкви и клира. В первую очередь Церковь, как идеализированная субстанция, выступает гарантом нравственного закона, и в меньшей степени реальный клир. Именно эти конфессии преобладают в Беларуси, именно они противостоят здесь атеизму, но имеют общую с атеизмом этическую установку — коллективизм. Не случайно, что коммунизм не смог добиться сколь-нибудь заметных успехов ни в одной протестантской стране (Восточная Германия, Латвия и Эстония почти не испытывали нравственных конфликтов, когда ослабло силовое поле, державшее их в коммунизме), а католические и, особенно, православные народы переживают на фоне социальных конфликтов перестройки также и нравственные конфликты, пафос которых состоит в невозможности отказаться от коммунистических идеалов и догм коллективизма.

При этом существует большое различие между католической церковью и православной. Являясь верховным нравственным авторитетом и судьей в глазах своих приверженцев, они по-разному относятся к социальной и политической действительности. Отношения светских властей с католической церковью и авторитетом строятся на принципе конкордата, или формального договора о разграничении сфер влияния и о невмешательстве в дела друг друга. Тогда как основной принцип православия с константинопольских имперских времен в отношениях светского и духовного — это симфония, или созвучие светской и духовной властей. Соблюдение этого принципа в православии всегда ставило патриархов под власть императоров, а низший клир — под власть мелких светских начальников. Православное духовенство «пляшет под дуду» светских властей — так реализуется византийская симфония во всех православных странах. Именно поэтому все православные народы, стремившиеся к независимости, добивались автокефалии для своих церквей. Иначе их национальное духовенство выполняло бы волю правителей той страны, где находится резиденция главы церкви. В нашем случае православие, вторая по идеологическому воздействию сила после коммунизма в преимущественно атеистической стране, является региональной ветвью русской церкви, духовенство выполняет волю Патриарха всея Руси, которая находится в полном созвучии (симфонии) с имперскими интересами московских светских властей. Вопрос об автокефалии беларусской православной церкви даже не ставится. Это создает для священнослужителей беларусского православия нравственную коллизию и заставляет их поддерживать двоемыслие у прихожан. Так атеистический коллективизм находит полное созвучие у основной массы верующих беларусов.

3. Пролетаризация и люмпенизация. Без собственности нет нравственности. Истина банальная для всех исследователей, политиков и мыслителей. Именно с учетом этого простого суждения большевики формировали «новый класс — номенклатуру» (по Миловану Джиласу). Им нужны были чиновники на всех уровнях, лишенные собственности, а значит «нравственного закона в себе», чтобы не было никаких нравственных препятствий для реа-

лизации любых решений. Чтобы не возникало даже мысли о нравственной критике. Чтобы не задавалось вопросов, что позволено, а что нет. Противостоящая коллективизации приватизация, кроме всего прочего, является условием распространения нравственности в Беларуси. При этом материальная приватизация только частично способствует этому. Главной составляющей является интеллектуальная приватизация, т. е. создание профессиональных гильдий и сообществ, независимых от государственного «права на труд» и основных свободных профессий: юристов, врачей, ученых, политиков, священнослужителей, артистов и художников. А в сфере остальных профессий — свободных профсоюзов. Именно профессиональные сообщества защищают интересы интеллектуальной собственности на профессиональное знание, поэтому культивируют у своих членов профессиональную этику, гильдийную гордость, честь и достоинство. Именно эти нравственные категории, а не материальные интересы дают силу и волю добиваться правды и справедливости, а не терпеть беззаконие и ущемление прав, свобод и достоинства людей. Члены профсоюза — это уже не люмпены, даже не пролетарии. У них есть собственность, профессиональная честь и человеческое достоинство, «им есть что терять, кроме своих цепей». Мелкий люмпенский бизнес, не допускающий у своих наемных рабочих профсоюзной деятельности, плодит из своих работников только люмпенов, таких же, как мелкие хозяева этого бизнеса. Без крупной приватизации не преодолеть люмпенизацию беларусского населения. В крупных частных корпорациях могут формироваться свободные профсоюзы, а в государственном секторе они сформироваться не смогут. Крупные корпорации являются условием нравственного оздоровления общества тогда, когда возникают и становятся на ноги сообщества, профессиональные объединения и гильдии как собственников, так и наемных рабочих. А мелкий и средний бизнес становится таковым либо в кооперативных формах своего существования, либо когда формируется на базе развитого среднего класса, где собственность уже стала нормой жизни, предметом наследования и культивирования. (Эти вопросы требуют специального отдельного рассмотрения, настоящее лапидарное рассмотрение их диктуется рамкой избранной темы и характером текста.)

В «Трехгрошевой опере» Бертольда Брехта рефреном повторяются слова: «Сначала хлеб, а нравственность потом». Как ни печально, но это похоже на правду. Тотальная пролетаризация обывателей оставляет актуальными только две ценности, на которые ориентированы люмпены и пролетарии, — «хлеба и зрелищ». В пространстве, координатами которого являются эти две ценности, нет места долгу, чести, достоинству, всему, что дает возможность реализоваться «нравственному закону в себе». Одна из посылок Абрахама Маслоу в его теории самоактуализации состоит в том, что мотивы, потребности и ценности более высокого порядка, чем физиологические (к ним относятся и «зрелища», а не только «хлеб»), возникают на базе удовлетворения низших потребностей. Промежуточным уровнем между физиологией и духовной жизнью, по Маслоу, выступают потребности в безопасности, которые он

трактует как уверенность в том, что низшие потребности не только удовлетворены, но и их удовлетворению в будущем ничего не угрожает. Сытый и «развлеченный» люмпен не способен приобщиться к более высоким ценностям, поскольку его сытость ему подарена кем-то, хозяином, начальником, государством. Как подарена, так может быть отнята. Чувства безопасности у него не возникает. Советский чиновник может пользоваться всеми желаемыми материальными благами, пока «ведет себя хорошо», если он перестанет себя так вести, то может всего лишиться. Чувство безопасности дает только неотъемлемая собственность. Если государство гарантирует «священное право частной собственности», обыватели начинают приобретать чувство безопасности за собственное будущее и будущее своих детей. Кроме собственности как таковой, они передают это чувство безопасности по наследству своим детям. Это справедливо и по отношению к интеллектуальной собственности. Человек должен быть уверен, что если он что-то делает хорошо, то это его умение и профессиональное знание может его прокормить. А если в стране не ценится хорошая работа? Если хорошего работника могут не допустить к выполнению работы по причине «плохого поведения» или инакомыслия, а отдать работу дураку и лодырю с хорошим поведением и немыслием. Какая уж тут безопасность и нравственность?

Чувство долга, чести и собственного достоинства являются принадлежностью людей, чей социальный статус и материальное благополучие не зависят от действующих властей, т. е. они принадлежат аристократам по рождению или людям, живущим в обществе с гарантированной неприкосновенностью частной собственности. Коммунистическая пропаганда сознательно вульгаризировала это этическое суждение через подмену терминов. Пусть читатель попробует поупражняться сам в таких логических задачках. Замените в предыдущем предложении выражение «люди, живущие в обществе с гарантированной неприкосновенностью частной собственности» на выражение «частные собственники» и прочтите начало абзаца. Смысл (в сокращении) получится такой: «чувство долга, чести и собственного достоинства есть только у частных собственников». Это уже кардинальным образом отличается от того, что я сказал, но продолжайте дальше. Замените слова «частные собственники» на «богатые». Получится: «честь и собственное достоинство есть только у богатых». В таком виде подобное суждение и подается коммунистами обывателям, после чего говорится: «разве можно верить тем, кто так думает?». Нехитрая логическая процедура и — электорат на стороне коммунистов. Объяснения о том, что дело не в «богатстве» отдельного человека, а в гарантиях неприкосновенности собственности, в чувстве безопасности, выражающемся в уверенности, что заработанное тобой в прошлом и то, что ты сможешь заработать в будущем, будет твоим, никто слушать уже не будет. Обыватель не занимается логическими изысканиями, но классики коммунизма ими занимались и оставили беларусским коммунистам готовые формы и мнения, полностью отвечающие чувству опасности и самодовольства люмпенов и нравственным координатам пролетариата. Нравственный ре-

зонанс (симфония) коммунистических лозунгов и люмпенских установок базируется на «благородном негодовании»: «Мало того, что богатые присваивают «наш хлеб» и наслаждаются «зрелищами» без нас, они присваивают себе еще и нравственные достоинства. Нам они «даром не нужны», но и им не дадим, будем жить в безнравственном мире с гарантированной «пайкой» и без гарантий для «их» собственности».

Такое длинное рассмотрение только нескольких сторон нравственных отношений необходимо для того, чтобы понять некоторые проявления беларусской политической жизни. Политические конфликты между добром и злом, между преступлением и правом, между общенациональными интересами и шкурными интересами отдельных политиков являются вызовом для людей с чувством долга, чести и собственного достоинства. Руководствуясь «нравственным законом во мне», такие люди принимают сторону добра и права в политическом конфликте и усиливают позиции этой стороны. Тогда общественность не дает свершиться злу и преступлению. А для люмпенов, не чувствующих «нравственного закона в себе», все политические конфликты представляются «зрелищами». Они проявляют к ним только «зрительский» интерес (в лучшем случае интерес болельщика), но не могут увидеть себя участниками конфликта. Отсутствие чувства долга, чести и собственного достоинства оставляет людей не только безразличными к преступлениям и злу, творящимся на «сцене политических зрелищ», но не позволяют различать добро и зло.

Те, кого в Беларуси считают избирателями, т. е. участниками политической коммуникации, участниками политического процесса, таковыми не являются по нравственным основаниям в том числе. Когда горел костер Яна Гуса в Констанце, бедная старушка подбросила в него вязанку хвороста. Она проголосовала за решения Констанцкого собора, считая их добром. Ян Гус отреагировал словами: «Святая простота». Беларусские избиратели не похожи даже на эту старушку, они вообще не рассматривали майские выборы и референдум как нравственный выбор. Они не рассматривали свой голос как вязанку дров, которая добавит жару в костре преступлений или даст энергию силам добра и права. Люди отдавали свои голоса как аплодисменты актерам на сцене политических зрелищ. Овации не получилось, но ведь овация творится зрительской массой, значит, никто индивидуально не отвечает за это. Посредственное зрелище — жидкие аплодисменты. Если Бога нет, то все позволено. Если нет «нравственного закона во мне», все позволенное на политической сцене позволено и по отношению ко мне самому.

ВЫБОРЫ И СЕМИОТИЧЕСКАЯ СРЕДА

Говорят, что по одежке встречают, по уму провожают. Одежкой в поговорке метафорически называются знаки, позволяющие отнести объект к какой-либо известной категории. По визуально наблюдаемым знакам человека относят к интеллигентам или пижонам, номенклатурным работникам

или к чернорабочим. Сам человек тоже умеет читать знаки, которые несет на себе, зная, как прочитываются эти знаки другими. Поэтому люди чувствуют себя по-разному в зависимости от того, соответствуют ли они впечатлению, которое восстанавливается за знаками, которые на них написаны. В смокинге уютно на светском рауте, но плохо в рабочей столовой. Рабочему же в смокинге неуютно везде. Все сказанное справедливо и по отношению к стране, а не только к человеку. Впечатление от встречи со страной формируется по знакам, только потом проявляется ум, менталитет народа, его духовный мир и нравственное состояние.

Беларусь в глазах иностранца — это страна Хатыни, курганов славы всех степеней, танков, фаллических обелисков на площадях и в скверах, множества Ленинов во всех позах. В глазах самих беларусов то же самое. Судя «по одежке», Беларусь совершенно новая страна, заселенная во время последней войны. У нее нет истории, нет памяти. Углубляя первое впечатление, мы обнаружим, при обилии парадных мемориалов погибшим во время войны, совершенно неухоженные кладбища, как частные, так и военные, разрушающиеся объекты старинной архитектуры, искореженные мелиорацией ландшафты. Возникает гипотеза, что народ, живший здесь раньше, вымер, и страна заселена другим народом, причем «без роду, без племени», без родины, который начал формироваться только 50 лет назад. Этот народ забыл даже о том, что флаг, за который он проголосовал на референдуме, возник из ниоткуда только в 1951 году, он думает, что этот флаг был у него всегда. Это похоже на правду, если «всегда» для этого народа укладывается в 50 лет. Народ чувствует себя очень неуютно с *бел-чырвона-белым* сцягам, нагруженным историческим смыслом, примерно так же, как мистер Дулитл (из «Пигмалиона» Б.Шоу) чувствовал себя во фраке. Не по Сеньке шапка. Примерно так же должен чувствовать себя человек во фраке и сандалиях на босу ногу.

Знаковая среда должна быть согласована сама в себе. Бело-красно-белый флаг и герб «Погоня» никого не раздражают на денежных знаках, на логотипах официальных документов и т. д. Но есть другая сторона употребления государственной символики — это массовые собрания, митинги и демонстрации. Несколько последних лет люди в Беларуси выводятся на улицы по случаю различных юбилеев и торжеств, связанных с победой над фашизмом и освобождением Беларуси во Второй мировой войне. Все эти массовки проводятся в знаковой среде исторической эпохи, которой они соответствуют. Присутствие национальной символики в таких местах вызывает эмоциональный диссонанс. Этот диссонанс переносится на саму символику. Люди хотят чувствовать себя «уютно» в ситуации, бездумно отдаваться праздничному настроению, а наличие в одной ситуации двух типов знаков заставляет их помнить о сложности времени, в котором они живут, заставляет задумываться, что портит праздник. Голосование против государственной символики есть протест против «испорченного» праздничного настроения. Идеологический «фон» политического процесса отторгает чуждые ему знаковые элементы. Несовместимы в одной семиотической среде Ленин и Погоня, колхоз

«Серп и молот» и приватизация земли. Популист Лукашенко интуитивно ориентируется в семиотическом пространстве. Он и его команда в полной мере эксплуатируют объективные законы функционирования знаковой среды, а их «интеллектуальные» оппоненты слепы и нерефлексивны. Они нечувствительны к вопиющей несогласованности знаковых элементов друг с другом. Необходима специальная работа, которую можно было бы назвать семиотической экологией. Снос памятников Ленину, переименование улиц, возведение новых памятников — все это действия в рамках семиотической экологии. Эта работа должна быть систематически и программно организована.

Государственные символы, памятники и имена колхозов, заводов, улиц и площадей не исчерпывают элементный состав семиотического пространства. Основным знаком цивилизованного общества являются деньги. Посмотрите на деньги той или иной страны, и многое станет заметным. Например, как может быть оценен уровень жизни в стране, где самая крупная денежная купюра «стоит» меньше двух долларов[15]? Ясно, что это страна — неимоверной нищеты. Нельзя отрицать нашу нищету, но нищета «на показ», которая зафиксирована в знаках Республики Беларусь, и реальное положение дел мало соответствуют друг другу. Мы стремимся «производить впечатление» более нищих, чем есть на самом деле. Мы могли бы «купить себе» нормальную «одежку» по средствам, но предпочитаем, чтобы «нас встречали по лохмотьям», надеясь, что так больше «подадут». Самое противное, что это правильный расчет. Так «подают» больше, но именно подают. Нищий не может рассчитывать ни на что другое, кроме подачек. Сотрудничества в плане совместного зарабатывания денег, повышения богатства никто с нищим заводить не будет. Мы создали такую знаковую среду в стране, которая воспитывает иждивенцев и попрошаек. Нищие и попрошайки не заинтересованы в реформах хозяйства. Нищета — это особый образ жизни и деятельности, Беларусь специализируется в этой деятельности в рамках мирового разделения труда. Именно так она предстает перед всем внешним миром. Мы просим кредиты и отсрочки платежей, не собираясь их возвращать. Поручителем и гарантом перед кредиторами, «подающими» Беларуси, мы пытаемся выставить Россию. Это удается сделать на уровне СНГ. Из такой версии исходят российские кредиторы из ТНК. С такой версией считаются западные инвесторы, поэтому не вкладывают в Беларусь ни гроша и даже не обсуждают всерьез инвестиционные проекты.

Такая самоподача Беларуси в знаках находит свое выражение даже в прямом значении этих знаков. В Беларуси почти нет рекламы уровня жизни выше того, который могут себе позволить люди, живущие «от получ-

[15] С купюрами ситуация изменилась, но представление о себе как о нищих, «бедных на показ» — остается; вспомнить хотя бы вечные вопли о российском газе. Хотя в XXI веке привычка демонстрировать сою нищету странным образом уживается с официальными заверениями о процветающей Беларуси. В зависимости от ситуации можно выдавать Беларусь либо бедной и несчастной, либо процветающей и могучей (2006).

ки до аванса». Беларусский обыватель не стремится зарабатывать деньги, потому что не видит, зачем они ему нужны. Уровень жизни и стандарты потребления, из которых исходит обыватель в планировании своего потребительского бюджета, формируется знаковой средой, рекламой, светской хроникой, уровнем жизни «звезд» и популярных людей. Правительство «воюет» со «сверхдоходами» коммерсантов и банкиров (которые бедны даже по восточноевропейским и российским меркам), политики и другие популярные личности выпячивают свою бедность, рассказывая к месту и не к месту о том, чего у них нет (дачи, машины и т. д.), телевидение каждый час эфирного времени рекламирует ковры брестского комбината, гниющие на складах, являющиеся знаком «хорошей жизни» и мечтой домохозяек тридцатилетней давности. Обывателю в Беларуси не о чем мечтать в смысле улучшения своей жизни. Он живет в таком семиотическом пространстве, в котором ему «для полноты жизни» не хватает всего лишь сотни-другой «зайчиков». Зачем ему экономические реформы? Чего там добиваются противные «демократы»? Почему они мешают «нашему» президенту дать народу то, что он хочет?

То, о чем идет речь в этом разделе, кажется простым и очевидным. Но, чтобы работать с семиотической средой, необходима хорошая гуманитарная подготовка и образование. Политики в Беларуси не обладают такой подготовкой и образованием. Горизонты их размышления сильно заужены, а перспективные планы крайне примитивны. Имея все возможности для «экологической» работы с семиотической средой, в первые годы правления Шушкевича «демократы» не сделали ничего, гордясь при этом своей *памяркоўнасцю і талерантнасцю*. А это просто гуманитарное невежество. На этом же невежестве базируется «критика» понятия «культурная политика». Прежде чем выносить на суд избирателя либеральные, неоконсервативные, национальные и демократические идеи, придется заняться культурной политикой и экологией семиотической среды. Иначе кандидатов с реформаторскими идеями «встретят по одежке», которая «сидит, как на корове седло», и «проводят по уму», который в явном дефиците.

ВЫБОРЫ И КАНДИДАТЫ

Демократические традиции дают возможность любому, кто наделен правом голоса, претендовать на выборные должности в государстве, стать кандидатом в депутаты, президенты, судьи и т. д. Претендовать может любой, но не каждый может эту претензию реализовать. Существует законодательно установленный ценз на обоснованность таких претензий. Например, ограничен список субъектов (организаций), которые могут выдвинуть кандидата на ту или иную должность, претенденту, который собирается выдвинуть себя сам, необходимо собрать некоторое количество подписей избирателей определенного округа и т. д. Но главную роль в ограничении

возможностей претендентов играют не законодательные нормы, а неписаный обычай или политическая культура общества. Закон не препятствует выдвижению в кандидаты лиц без начального образования, но им просто не преодолеть обычную процедуру оформления необходимых документов. Существует множество зафиксированных в обычае ограничений на выдвижение в кандидаты. Можно рассматривать их как дискриминацию (если эти ограничения касаются цвета кожи, вероисповедания, образования, возраста или пола), а можно как самозащиту общества «от дураков» (если речь идет о способностях, интеллектуальных и моральных качествах). Традиция и обычай могут тормозить демократизацию и воплощение в жизнь принципов права и справедливости, с одной стороны, и могут защищать общество от непредусмотренных законом неприятностей и неожиданностей, с другой стороны. Такие защитные механизмы можно рассматривать как показатель устойчивости и нравственного здоровья общества. Они же являются гарантией того, что управление жизненно важными функциями общественного процесса не попадет в руки некомпетентных людей. Прошедшие выборы дают возможность сказать (передразнивая булгаковского кота Бегемота): «Знаем мы эту страну, в ней любой проходимец и *прайдзісвет* может стать кандидатом!»

В майских и июньских выборах 1995 года в Верховный и местные советы Республики Беларусь участвовали люди, понятия не имеющие о государственном устройстве и принципах местного самоуправления, неспособные «двух слов связать» в публичной речи, запятнанные в связях с преступным миром, резонеры и пустозвоны. Вообще был представлен весь спектр человеческих достоинств и пороков. Беларусское общество не имеет защиты от некомпетентности, глупости и безнравственности. При нормальной политической культуре, устоявшихся политических традициях и обычаях все сомнительное с точки зрения профессиональной компетентности, личных способностей и нравственности отсекается на ранних подготовительных этапах избирательных кампаний. В Беларуси же все было сделано для того, чтобы достоинства и пороки были замаскированы, не могли проявиться. Знаменитый указ президента о равных возможностях для кандидатов «дал фору» серости и проходимцам всех мастей, свел на нет даже тот минимальный уровень политической культуры, который был достигнут в Беларуси к прошлым президентским выборам. Политические партии пошли на поводу у президента, «клюнув» на его антикультурный, разрушительный для здравого смысла и нравственности Указ, думая, что смогут «поймать свою долю рыбки в мутной воде». В результате сами оказались той самой «рыбкой», «всплывшей кверху брюхом» после выборов, «оглушенные» взрывом «бомбы референдума».

Необходимо отметить, что *памяркоўныя* обыватели крупных городов в некотором смысле оказались «на высоте» как избиратели. Они отказались выбирать в таких условиях. Бессмысленно вылавливать сигнал в белом шуме. Власть предержащим в Беларуси хотелось этот белый шум на выборах создать, и они его создали, многим деятелям хотелось «на халяву» этим белым шумом

воспользоваться, но у них ничего не получилось. При этом и власть, и «халявщики» действовали против своих собственных интересов. Им не достает дальновидности, способности видеть даже на шаг вперед. Когда Бог хочет наказать людей, он лишает их разума. У нынешней беларусской власти разума отродясь не бывало, а «халявщики» предпочли им не пользоваться и руководствовались жадностью, алчностью и прочими страстями. Власть потеряла на выборах меньше, чем кандидаты, поскольку выгодно отличается от них двумя преимуществами: наличием здорового инстинкта и жажды власти, а также тем, что действовала не «на халяву», но трудилась для себя так, как умеет.

Сказанного вполне достаточно для квалификации кандидатского корпуса образца 1995 года. Нет необходимости рассматривать действия отдельных кандидатов. Подход кандидатов к выборам настолько однообразен, что может быть расценен как полное едино-не-мыслие. Выделять тех, кто приобрел несколько лишних голосов, выходив их ногами, но не утруждая голову, значит делать вид, нагрузка на ноги и пустая голова и есть норма беларусской политики. И хотя многие беларусские политологи приняли такую версию, профессиональная этика и патриотическое самоощущение не позволяют мне к ней присоединиться.

Существует только один концептуальный аспект, который необходимо обсудить, разбирая элементарное отношение в паре понятий «выборы и кандидаты» в системе современной демократии. Это связано с переосмыслением понятий «конкуренция« и «сотрудничество». Безусловно, отношения между кандидатами в демократических выборах должны описываться в категориях конкуренции. Но категория конкуренции не схватывает полной структуры целей кандидатов, если кандидаты самоопределяются как политики, а не как соискатели синекуры в парламенте — «халявщики». Политики заинтересованы в нормальном разворачивании политического процесса. В этом случае у всех кандидатов, кроме оснований для конкуренции за голоса избирателей, есть основания для сотрудничества. Все кандидаты, политические оппоненты, соперники заинтересованы в том, чтобы голоса получались не любой ценой, а в нормальном демократическом процессе и в том, чтобы голосов было достаточно для того, чтобы процедура выборов состоялась. Для этого кандидаты должны были бы «играть на повышение» цены голоса и «политических акций». Свободная конкуренция, которую так не любят коммунисты и необольшевики, порождает особую форму сотрудничества соперников, которая выгодна наиболее талантливым и способным из соперников, а значит, всему обществу в целом, поскольку повышает уровень политической жизни и культуры. К пониманию этого могут приходить только те, кто самоопределяются как политики, готовые делать политическую работу. Но никогда к такому пониманию не способны «халявщики». Могут ли сотрудничать те, кто не любит трудиться? Установка «халявщика» состоит в том, что «в коллективе сачкануть легче». Известные беларусские лидеры, крупные чиновники и бизнесмены привыкли думать, что у них есть неотъемлемые преимущества перед другими людьми. Пусть «кандидатская массовка» суетится и трудится, а мы на их фоне и так будем выглядеть

лучше — вот так формулируется подход «халявщиков». Чем ниже общий уровень и бледнее фон, тем легче на этом уровне и фоне выделиться. На безрыбье и рак рыба. В нищей стране и Мясникович — миллиардер, на фоне всеобщей серости и Карпенко — умница, и Климов — политик. Все раскрученные кандидаты на прошедших выборах «играли на понижение» (подробнее об этом в разделе «Выборы и персоналии»), снижали уровень политической культуры, «зажимали» деньги, поэтому избиратели проигнорировали эти жалкие выборы. Лукашенко — человек из народа, он сформулировал общее мнение: выбирать не из кого, все равно обманут. А ведь и правда.

ВЫБОРЫ И ДЕНЬГИ

Популяризаторы науки и романтики технического прогресса любят с пафосом объявлять то или иное техническое устройство (огонь, колесо, двигатель внутреннего сгорания, бумагу и т. д.) или научное открытие (законы диалектики, $E=mC^2$ и т. д.) величайшим достижением человеческого ума. Заимствуя этот пафос, я сказал бы, что деньги есть величайшее изобретение человечества. Деньги — это универсальная знаковая система, описывающая все многообразие мира людей. Все, что имеет значение для человека, может быть выражено в денежной форме, все ценности человечества обнаруживают себя через деньги в виде стоимости и цены. Говорят, что есть вещи, которые ничего не стоят, например дырка от бублика. Это иллюзия. Тот, кто перевозит бублики от производителя к покупателю, знает цену объема груза, для него дырки от бубликов, пустоты в объеме груза имеют конкретную стоимость, и он включает их в затраты. Поэтому, покупая бублики, потребитель оплачивает цену дырки в размере стоимости транспортировки пустот в объеме груза. Выгоднее возить в вагонах муку, а не дырки от бубликов. Тоталитаризм и демократия тоже имеют свою цену. Цена демократии во много раз превышает цену тоталитаризма. Есть люди, предпочитающие товар подешевле. Их выбор продиктован не ценой, но ценностью покупки. Тот, кто не ценит своего времени, может покупать муку и печь себе бублики в духовке. И почему это современные люди предпочитают покупать готовые бублики вместе с дырками? Наверное потому, что разница между потребительской ценностью и продажной ценой есть объективное условие существования рынка, всей человеческой деятельности и развития культуры. Люди покупают то, что можно потреблять, а не то, что меньше стоит. Те, кто этого не понимает, получают за малую цену не бублики, даже не муку, из которой могут сделать бублики, а только дырки от бубликов.

Беларусь — удивительная страна. Здесь рекламируется «прошлогодний снег» и покупатели выстраиваются за ним в очередь. Здесь указывается не цена бублика с зачетом цены дырки по умолчанию, а цена дырки без гарантии получить бублик. Цены на МАЗы, БелАЗы и трактора рассчитываются, исходя из себестоимости материальных и трудовых затрат, без уче-

та того, что их потребительская стоимость ниже себестоимости. Здесь верят, что многое в мире существует бесплатно. Бесплатны дары чернобыльских лесов. Бесплатны «ничейные» воздух, земля и вода. Бесплатны выращенные на шести сотках огурчики к самогонке. Бесплатны свобода, демократия и реформы. Результатом таких иллюзий являются огурцы по цене бананов, отравленные воздух, земля и вода (кто не понимает их цены в денежном выражении, расплачивается ценой здоровья, которое беларусами тоже мыслится как бесплатное), прожиточный уровень «ниже колен». Беларусы решили задарма получить парламент и получили дырку от бублика. Более двух тысяч кандидатов потратили по 600 тысяч рублей[16] из карманов налогоплательщиков. Из тех же карманов оплачены моря лжи и океаны пустой трескотни в СМИ, зарплата и накладные расходы избирательных комиссий. Плюс деньги самих кандидатов и их «доброжелателей-спонсоров». Время кандидатов и членов их команд. Все это цена дырки от бублика демократии. Это цена, за которую беларусы купили прямые убытки от смены государственной символики и затраты на ее последующую смену (как в случае прихода нового правительства, так и в случае анексии Беларуси Россией). Это цена многомиллиардных потерь в результате таможенного союза. Это цена дальнейшего развала экономики.

Скупой платит дважды. Те, кому нужна демократия в Беларуси, думают, что ее можно получить бесплатно. Тогда как демократия стоит дороже любого другого общественного устройства, именно поэтому демократию могут себе позволить только богатые страны. Стоимость демократии складывается из затрат на инфраструктуру поддержки процессов политической и общественной организации. Общественный порядок поддерживается искусственно, т. е. культивируется через сознательные усилия индивидов и больших групп людей и организаций. Если эти усилия ослабевают или осуществляются несознательно, то общественная организация редуцируется к примитивным и архаичным формам. Точно так же, как зарастают бурьяном и сорняками огороды и поля, если люди не прикладывают усилий для создания условий жизни культурных растений. Современный авторитарный режим, установившийся в Беларуси, — это бурьян в стране, где все заняты добыванием средств на пропитание вместо культивирования цивилизации. Это аналогично тому, что люди, имея огород и сад, занимаются сбором лесных грибов и ягод, которые растут сами и не требуют пахоты, прополки, удобрений и т. д. Но ведь хорошо известно, что окультуренный, обработанный клочек земли способен прокормить людей больше, чем огромный дикий лес.

Цивилизация (от латинского civis, аналогичного славянским «город» или «место», со значением — огораживаться, выделять особое место) возникает как огороженное от дикого окружения место, где природа заключена в рамки

[16] В мае 1995 года за доллар давали 11500 беларусских рублей (2006). См. С. 76 настоящего издания. — *Прим. ред.*

культуры. Где растет не все, что попало и где попало, а только то, чему позволено расти и там, где ему отведено место. Культура не отрицает природу — она берет ее в рамки. Искусственные формы организации общественной жизни не отрицают естественных стихийных, но берут их в рамки и отводят им соответствующее место. Первобытный земледелец изнемогал в борьбе с окружающей природой, выращивая примитивные злаки, которые требуют большего ухода за собой, чем дикие растения. Он мог рассчитывать только на свои силы и свой труд. На современного фермера работают агрономы, генетики, специалисты по защите растений, создатели сельхозтехники, метеорологи. Без всего этого современное сельское хозяйство невозможно. Хотел бы я посмотреть на страну, в которой фермеры отказались бы оплачивать всех упомянутых специалистов и соответствующие науки, отказались бы от услуг многочисленных институтов и соответствующей промышленности, ведь это так дорого обходится земледельцам! При некотором воображении Беларусь можно считать именно такой страной. Даже беднейшие племена африканских земледельцев пользуются услугами своих колдунов и заклинателей, удовлетворяя свою потребность в услугах, которые оказывает развитому сельскому хозяйству научно-техническая инфраструктура. Услугу заклинателя дождя можно купить за кулек риса, а для того чтобы пользоваться услугой метеорологической службы, необходимо не просто купить радиоприемник, нужно получить образование, наладить планирование своей деятельности в соответствии с получаемой информацией. Это стоит многие тонны риса. Африканские земледельцы выбирают одно, а европейские фермеры другое. Поэтому африканцы умирают от голода в засушливый год, а урожаи фермеров стабильны и застрахованы.

Столь длинная метафора нужна для иллюстрации различия между искусственным культивированием деятельности и стихийным самотеком процессов. Демократия в Беларуси не культивируется, а пущена на самотек. Те, кто заинтересован в знании об общественных процессах, в том или ином направлении их развития, не могут обходиться без обращения к общественной инфраструктуре. Но они считают, как африканские земледельцы, что привычные услуги «колдунов» и «заклинателей» обходятся дешевле, чем оплата функционирования профессиональной инфраструктуры. Содержание политиков-одиночек типа Карпенко, Шушкевича и Лукашенко обходится дешевле, чем стабильное финансирование партийных инфраструктур. А разорительные стихийные бедствия в лице ведомства Титенкова существуют в сознании тех, кто платит ему оброк, отдельно от политического процесса, отдельно от «заклинаний» Капитулы, Антоновича или Акулова[17] .

[17] И. Титенков был управляющим делами при администрации президента, в просторечье — завхоз Лукашенко. П. Капитула руководил аналитическим центром администрации президента, затем был помощником президента, в те годы был главным экономическим советником Лукашенко. И. Антонович, как и В. Заметалин (см. примечание [9] стр.76), работал на В. Кебича против А. Лукашенко, а в 1995 году стал заместителем министра иностранных дел. В. Акулов, профессор, в период Перестройки был демократом, а в описываемый период сталь рьяным апологетом режима Лукашенко (2006).

Рядовые налогоплательщики, на деньги которых делается сегодняшняя политика в Беларуси, являются держателями столь мизерных средств, что в одиночку не в силах изменить ситуацию. Нужны специальные фонды и «страховые компании», которые могли бы концентрировать капитал для финансирования инфраструктуры. Даже самый богатый налогоплательщик в Беларуси не может сам финансировать политическую инфраструктуру, но это не значит, что он обязан обращаться к услугам «колдунов».

Давайте посмотрим, как «колдуют» в Беларуси на деньги ее обывателей.

Самый примитивный пример со спонсорством ветеранским организациям. Провинциальная коммерческая структура жертвует деньги ветеранской организации, которая покупает подарки живущим впроголодь ветеранам, не объясняя того, откуда деньги, а при этом проводит агитацию против коммерческих структур. Так предприниматель оплачивает идеологическую работу против самого себя. Когда объясняешь ситуацию такому спонсору, у него возникает «благородное возмущение»: что же не давать деньги ветеранам, таким же, как мой отец? Почему же не давать ветеранам? Но давать им нужно непосредственно, а не через идеологическую структуру «колдунов». Можно создать при фирме подразделение благотворительности и покупать ветеранам подарки от имени фирмы. Но в голове спонсора не помещается схема, при которой он может платить зарплату сотруднику фирмы, который не зарабатывает на фирму, а тратит. Он думает, что ветеранская организация все сделает бесплатно. Но, во-первых, часть спонсорских денег идет на укрепление самой ветеранской организации, во-вторых, оставшаяся часть идеологически работает против спонсора.

Другой пример касается государственных газет. Газеты вроде «Советской Белоруссии» содержатся правительством на деньги налогоплательщиков, т. е. предпринимателей и рекламодателей в том числе, они убыточны и нужны правительству для идеологической обработки читателей. Бюджет не в состоянии вынести столько убыточных газет, сколько их существует в Беларуси, но рекламодатели поддерживают их на плаву, работая строго против своих интересов. То же самое можно сказать о радио и телевидении. Чем это можно объяснить?

Граждане Беларуси относятся к существующим институтам общества как к инфраструктуре демократической страны, которая способна оказывать соответствующие услуги по цене этих услуг. Сама услуга стоит недорого только потому, что инфраструктура, эти услуги оказывающая, работает как массовое производство. Кинотеатр окупает себя при недорогих билетах, если зрители часто ходят в кино. В противном случае кинотеатру приходится зарабатывать каким-то иным образом (например сдачей помещений и зала в аренду), а кинопрокат становится побочной деятельностью. Беларусские инфраструктуры политики (наука, СМИ, рекламная деятельность, суд и надзор) работают как система дезинформации, пропаганды, цензуры и т. д., не выполняя своего прямого назначения. Вся инфраструктура нацелена на торможе-

ние реформ и на сохранение status qvo, поэтому не может оказывать демократических политических услуг. Туристы, платившие Остапу Бендеру за право полюбоваться «Провалом», не покупали услугу и уж тем более не инвестировали в реконструкцию туристского объекта (чтобы «Провал» не проваливался). Это было мошенничество чистой воды. Сегодня все деньги, уходящие в политику, идут на дальнейший провал, поскольку ценой покупки мнимой услуги не создать инфраструктуру услуг. Для этого требуются капитальные вложения, долгосрочные инвестиции. Попытки же купить услугу демократического характера у современных беларусских политиков или ее инфраструктурных институтов порождают только коррупцию и новых Бендеров (могу для желающих назвать несколько известных имен торговцев билетами в беларусский «Провал»).

Никто в одиночку не способен в Беларуси на капитальные инвестиции в политику и в демократическую инфраструктуру. Ни Климов, ни «самый богатый беларус» Мясникович, ни «Амкодор», ни «Пуше»[18] не могут на свои деньги создать политическую инфраструктуру, так же как в свое время никто не мог построить в одиночку железные дороги, телеграфную линию через Атлантику, национальную телефонную систему. Это проекты для большого акционерного капитала. Капитальные инвестиции в инфраструктуру демократического общества способны сделать либо государство (например, Чехия у себя и ФРГ в ГДР), либо крупный консорциум, состоящий из акционерного фонда, политической партии, нескольких газет, профсоюза и проектно-аналитического центра (примерами могут выступить страны Балтии, Россия и некоторые страны Восточной Европы). Иностранные общественные фонды типа Сороса или Эберта не могут выступать как катализаторы капитала для таких консорциумов, но кредиты МВФ, или ВБРР, или ЕБРР могут стать такими катализаторами, но нужна встречная капитализация в Беларуси. Только тогда, когда беларусский капитал станет выполнять функцию контрольного пакета акций в консорциуме по возведению капитального фундамента инф-

[18] А. Климов в те годы занимался строительным бизнесом, но знаменит был тем, что издавал «Газету Андрея Климова», открыл «Банк Андрея Климова», т. е. был таким лубочным образом «нового беларуса». М. Мясникович в общественном мнении считался самым богатым человеком страны, так ли это было на самом деле, ни тогда, ни теперь никто не подтверждал, но и не опровергал.

«Пуше» — одно из крупнейших частных предприятий тех лет, занимавшееся всеми видами бизнеса, от оптовой торговли зерном и автомобилями, финансовых сделок до кредитования нефтяных и газовых поставок. Лидер «Пуше» А. Пупейко активно финансировал политиков и занимался расточительной благотворительностью, что можно видеть на примере комплекса церковных зданий на проспекте Притыцкого. После разгрома «империи» «Пуше» остался банк «Олимп», позднее — «Газпромбанк».

«Амкодор» — завод дорожной техники, остаток крупного советского ПО (производственного объединения), названного по первым буквам городов, где размещались его предприятия (Андропов, Минск, Кострома, Орел). Руководитель «Амкодора» В. Шлындиков создал и финансировал свою партию (Гражданская партия), которая позже стала частью Объединенной гражданской партии (2006).

раструктуры беларусских реформ, кредиты международных организаций начнут работать на беларусские реформы. Пока этого не произойдет, все деньги, поступающие в Беларусь, будут либо разворованы, либо растранжирены по мелочам. Деньги становятся производительной силой только в виде капитала. Капитал же не определяется суммой. Деньги становятся капиталом только в функции капитальных вложений, а не в функции оборотных средств или затрат на потребление. Именно поэтому «теневая» экономика даже при самых больших оборотах не может приносить пользу стране. А в Беларуси все затраченные на политику деньги (даже даваемые открыто и с лучшими намерениями) могут характеризоваться как «теневые» или «черный нал». Ничего капитального так создать нельзя.

ВЫБОРЫ И ПАРТИИ[19]

Наличие в политическом пространстве партий является столь очевидным признаком современной демократии, что за этой очевидностью забываются функции и назначение партий в системе демократии. В Беларуси партии созданы под очень узкое назначение и с ограниченным набором функций. Руководители и лидеры этих партий следят именно за реализацией этих функций. Члены партий и функционеры удерживают в поле внимания только эти функции. Все оказываются разочарованными и удивленными, когда реальность опрокидывает все партийные планы и замыслы, поскольку реальность сложнее и богаче в своих требованиях к партиям, чем партийные функционеры способны думать и понимать.

Есть партии, созданные только под участие в выборах, чтобы иметь легитимную возможность выдвигать кандидатов, осуществлять необходимые для этого бюрократические процедуры. С этой функцией они успешно справляются и в выборах поучаствовали. Если в политической деятельности был бы справедлив олимпийский принцип «не побеждать, но участвовать», все было бы отлично. Назовем условно эти партии «олимпийскими». В Беларуси к такому типу относятся несколько партий: Республиканская, Движение за социальный прогресс и справедливость (ДСПС)[20], Социалистическая[21] и, как ни странно, Объединенная демократическая партия[22], хотя она несет на

[19] Эта наиболее историческая глава затрагивает ситуацию 1995-1996 годов, с 1999 все сильно изменилось, многие партии были ликвидированы, остальные исчезли как факт политической жизни страны. Кроме того, все последующие выборы были декоративными, их политический смысл стал совершенно другим. В целом, можно констатировать, что отсутствие рефлективности и работы над ошибками привели в партийной жизни страны к тому, что мы имеем сегодня. — *Прим ред.*

[20] ДСПС — «Движение за социальный прогресс и справедливость», прокоммунистическая партия. (2006).

[21] Республиканская и Социалистическая партии сегодня не существуют (2006).

[22] В 1995 году произошло слияние ОДПБ и ГП, возникла новая партия — ОГП. (2006).

себе и черты других типов, и партия (не общественное движение) БНФ. Все эти партии «играли, но не угадали ни одной буквы», будучи при этом «незастрахованы».

Есть партии монопольного лидера, созданные только для его раскрутки. Довольно долго в таком качестве функционировала Партия народного согласия (ПНС)[23]. Так создавалась Гражданская партия[24]. Были такие попытки у Карягина, Шеляговича, Гайдукевича, Евгения Новикова[25] и у некоторых других. У Булахова есть тенденция рассматривать таким образом свой ВЕС[26]. Замысленные по такому типу партии не могут существовать долго. Они перестают интересовать лидера, как только цель достигнута, с одной стороны, или начинают автономизироваться от лидера, с другой. Ружье на стене в первом акте пьесы должно рано или поздно выстрелить. ПНС уже взвела курок, сменив лидера[27] и уходя в неясный пока популистский дрейф. Гражданская партия и ВЕС делают попытки преодолеть монофункциональность, их лидеры начинают смотреть шире на назначение и функции партий. Условно такие партии можно назвать «президентскими», поскольку их существование держится на притязаниях лидеров на первую роль в государстве. Только в рамках этих лидерских амбиций эти партии могут функционировать, невзирая на наивность самих лидеров и необоснованность амбиций. Вклад этих партий в капитальное строительство системы демократии в Беларуси минимален. Инвестиции в них есть рискованное дело, можно крупно выиграть, но вероятность этого крайне низка. Чаще это просто выбрасывание ресурсов (денег и энергии людей) на ветер.

Есть партии лоббистского типа. Они отстаивают интересы какой-то группы, клана или мафии или же пропагандируют модную, но ситуативную идею. К такому типу «лоббистских» партий в Беларуси относятся: Аграрная

[23] ПНС — «Партия народного согласия» (в просторечье «Згода»). В 1995 году раскололась, позже слилась с одной из социал-демократических партий. Пока «Згода» была живой партией, ее лидером был Г. Карпенко.

[24] См. выше комментарий про ОДПБ (2006).

[25] Персонажи беларусской политики, никогда не оказывавшие ни на что влияния, но иногда получавшие «хорошую прессу» и раскрутку. Н. Шелягович — лидер экзотического сепаратистского движения ятвягов. В. Карягин — выходец из стройотрядовского движения советских студентов, в те годы и теперь возглавлял различные союзы предпринимателей. С. Гайдукевич — председатель ЛДПБ, калькирующий лидера российской ЛБПР Жириновского. Е. Новиков — хирург-кардиолог, долгие годы возглавлял Лигу прав человека, потом Беларусскую гуманитарную партию, был депутатом, теперь известен как скандальный телеагитатор (2006).

[26] ВЕС — «Партия всебелорусского единства и согласия». Была создана по кальке с российской партией — ПРЕС. Сегодня пропрезидентская декоративная партия (2006).

[27] Летом 1995 в ПНС началась борьба за лидерство. Ее лидеры потеряли административный ресурс, Г. Карпенко был снят с должности председателя исполкома г. Молодечно, а В. Гончар потерял место в администрации Лукашенко. «Згода» раскололась. Остатки партии возглавил Л. Сечко, при поддержке А.Короля. Часть партии во главе с Г. Карпенко и В. Гончаром осенью вошли в ОГП на первом объединительном съезде (2006).

партия[28], женская «Надзея»[29], все «зеленые» и промышленные объединения[30], Славянский Собор «Белая Русь»[31]. Эти партии имеют некоторую перспективу, если они становятся инструментом манипуляций остающихся в тени сил и держателей ресурсов.

Более широкие горизонты и системная организация функций есть у коммунистов и социал-демократов. Но они имеют другие недостатки, о которых речь пойдет ниже.

Узкие партийные горизонты, функциональная однобокость существующих партий могут объясняться разными причинами. Определяющее место среди этих причин можно отвести тому, что в учебных заведениях КПСС преподавалось как особая дисциплина — партийное строительство. Тысячи людей прошли через партийную учебу в советские времена, но, видимо, все они были плохими учениками. Оказывается невозможным применить технические знания партийного строительства КПСС к строительству новых партий, критически переосмыслить знания в новой ситуации. Дело вовсе не в том, что принципы и формы партийного строительства КПСС неприменимы к новым партиям. Наверное, нельзя применить проект коровника или доменного цеха при строительстве жилищ или концертных залов. Но теория машин и механизмов, сопромат, строительные детали и конструкции являются общими в промышленном и в гражданском строительстве. Также и партийное строительство. Гуманитарно-инженерная дисциплина «партийное строительство» имеет свои общие постулаты и положения, которые адаптированы к типу партии и к социокультурным условиям и обстоятельствам места и времени. В открытом и в закрытом обществах понятие *партия* имеет разное содержание, различаются также партии в США и в Европе, отличаются друг от друга и европейские партии разной ориентации, а также одной ориентации (демохристиане или социал-демократы) в разных странах Европы. И все эти различия вполне укладываются в разделы дисциплины «партийное строительство». Беларусские же партии полностью манкируют знанием о партийном строительстве.

[28] Аграрная партия — сегодня пропрезидентская декоративная партия (2006).

[29] Казус женской партии «Надзея» состоит в том, что она много лет возглавляла рейтинг беларусских партий, хотя никогда не существовала. Это была чисто бумажная партия: женщин, членов профсоюзов, записали в партию, поставили во главе В. Полевикову, которая до выборов 2001 года была заместителем В. Гончарика в ФПБ. Когда Полевикова потеряла пост заместителя председателя ФПБ, партия оставалась зарегистрированной, без членов и без профсоюзного патронажа. Через некоторое время в ней произошел «аппаратный переворот» и смена лидера. Возглавившая «партию» В. Матусевич самой партии не обнаружила, но в качестве председателя женской партии «Надзея» вошла в коалицию 10+, созданную к президентским выборам 2006 года (2006).

[30] Беларусская научно-промышленная ассоциация (М. Лавринович и др.) пыталась играть политическую роль в те годы и иногда рассматривалась как самостоятельная партия «красных директоров» (2006).

[31] см. комментарий [13] на С. 96 наст. изд.

В самом общем плане политическую партию можно рассматривать как машину по производству мнений в комплексе с устройствами по распространению определенного мнения в обществе. Это есть стабильный атрибут партийного функционирования. Когда выработанное партией мнение становится доминирующим в сознании демократического большинства, партия приходит к власти и формирует структуры власти и госаппарата. Формирование госаппарата и пребывание у власти есть временное состояние партийного функционирования, т. е. не атрибут партийного функционирования, а акциденция. Поэтому «государственное строительство» является важной, но все же только частью дисциплины «партийное строительство». В стабильных демократических странах «государственное строительство» выступает неизменной константной частью в различных партийных подходах. Республиканцы и демократы в США, ХДС и СДПГ в Германии, консерваторы и лейбористы в Великобритании, конкурируя в политике между собой, согласны друг с другом в принятии государственного устройства своих стран, конституций, традиций и обычаев. Поэтому отношение к собственному государству выступает и формально, и содержательно устойчивым и недискутируемым компонентом партийного строительства в пределах национального государства. Особняком стоят сепаратистские и компрадорские партии, которые не признают рамок той государственности, по законам которой они получают статус легитимного существования. Беларусский Народный Фронт возник как сепаратистское движение в Беларусской провинции Советского Союза. До сих пор атавизмы сепаратистского склада характерны и для партии БНФ, действующей уже в условиях национального государства Республики Беларусь. Этим объясняются многие неадекватности в стратегии и тактике БНФ. Коммунисты же, рассматривающие себя как наследников КПБ — региональной структуры КПСС, не могут избавиться от атавизмов компрадорской группы интересов. Поэтому ПКБ[32] и БНФ живут как на разных планетах, в другом времени и в разных измерениях. Возможно, что после майских выборов может произойти изменение в подходах обеих противостоящих сил. Попавшие в Верховный Совет коммунисты, сталкиваясь с реальными проблемами государственной деятельности, смогут ассимилировать рамку беларусской государственности (как это произошло с Лукашенко после вступления в должность) и тогда окажутся в одном пространстве и времени с Пазьняком. Последний уже объявил, что готов к диалогу с коммунистами, разделяющими ценности государственности Беларуси. Только тогда ведущие силы (субъекты самых распространенных мнений в политическом сознании Беларуси) действительно станут партиями, т. е. частями одного целого — беларусской политики. Сейчас же они, партии (части) разных целостностей, движутся в параллельных пространствах. Оказавшись в одном политическом пространстве,

[32] В 1996 году партия разделилась на пропрезидестскую КПБ-КПСС (В. Чикин) и оппозиционную ПКБ (С. Калякин) (2006).

они смогут стать реальной оппозицией неопределившемуся режиму, который пытается вести Беларусь «без руля и без ветрил».

Если отношение к собственному национальному государству выступает константой существования партий в одном политическом пространстве, то собственно партиеобразующим атрибутом, фундаментом партийного строительства, является нечто иное. Фундамент, на котором воздвигается партийное сооружение, представляет собой двуединую субстанцию: онтологическое основание (метатеория, мыслительный подход, мировоззренческие принципы) и организационно-деятельностное основание (процессы и принципы функционирования, производства, организации, руководства, управления, воспроизводства, развития и избавления от всего устаревшего).

Посмотрим на существующие в Беларуси партии через призму этого двуединого фундамента. При таком взгляде становятся очевидными однобокость и инвалидность беларусских партий.

Начнем с онтологических оснований. Европейское гуманитарное знание культивирует несколько принципиальных автономных подходов к объективному рассмотрению общественных, хозяйственных, формально-правовых и культурных явлений. Каждый из этих подходов оформлен в своей философии и методологии. Сколь-нибудь значительные и долгоживущие общественные движения и партии базируются именно на этих философиях и методологиях.

Консервативные (демохристиане, консерваторы и неоконсерваторы) как наиболее стабильное явление европейской истории основываются на ценностях христианства и на критически-рационалистических философских учениях. Адепты консерватизма видят мир глазами Декарта, Фомы Аквинского, Канта, Поппера, Хайдеггера, признавая авторитет Библии. Это направление общественной мысли мало распространено в постсоциалистических странах, а в Беларуси не представлено вообще. Попытки отдельных сторонников БНФ и некоторых других интеллигентов в беларусских партиях рядиться в консервативные «одежды» не могут скрыть их «наготу», просвечивающую через зияющие прорехи в мировоззрении, образовании и показной религиозности. Одним из главных препятствий для возникновения собственно беларусского консерватизма и для его распространения является православие с его установками на соборность и симфонию (см. раздел «Выборы и нравственность»), хотя в случае принятия консервативного мировоззрения на государственном уровне православие стало бы одним из удобных проводников консерватизма в общественное сознание.

Другим по значимости подходом является либерализм. Либеральный подход имеет давнюю и почтенную философскую и методологическую традицию, построенную, в первую очередь, на английском эмпиризме от Гоббса и Адама Смита до Хайека. Там, где либерализм подкреплен сильным протестантским мировоззрением (например в США, Голландии, Шотландии, Швейцарии), он является господствующей политической силой. В католическом и православном мире либерализм выживает только в союзе с другими

общественно-политическими течениями. В Беларуси только ОДПБ пытается основываться на либерализме, но и в ней сама метатеория и подход разделяются только несколькими лидерами, вся остальная публика только «тусуется», поверхностно рассуждая вокруг да около либеральных тезисов. Дальнейшее существование ОДПБ[33] возможно только в союзе с более органичной для Беларуси политической силой. Правильный выбор союзника является основной проблемой этой самой «старой» и организованной, но обреченной на локальное существование партии. На поиск союзника и на переговоры с ним уходит вся партийная энергия. В случае несостоятельности союза ОДПБ с более массовой и влиятельной партией возможно вырождение ее в нечто, подобное на фабианское общество, бентамовский кружок утилитаристов или идеологический дрейф в сторону социал-демократии.

Более молодыми, чем либерализм, но более развитыми и сильными являются политические течения, выбирающие в качестве онтологического основания методологию марксизма. Это коммунисты, социалисты и социал-демократы. Марксизм не обошел своим влиянием ни одно из направлений общественно-политической мысли. Но в качестве фундаментального основания используется только указанными партиями. При этом различие между коммунизмом и социализмом лежит в методологических организационно-деятельностных установках — в догматизме и ревизионизме. Европейский коммунизм, ослабленный догматизмом, дожил до конца XX века только благодаря поддержке «империи зла», где он был господствующим учением. При свободном демократическом развитии общественно-политической ситуации коммунизм уже давно умер бы, утратив адаптивность. «Призрак коммунизма», бродивший по Европе, подвержен судьбе всех призраков: они исчезают, как только разум обращает на них свое внимание. Ревизионизм марксистов — это аналог критицизма и рационализма консерваторов. Чем сильнее ревизионистские тенденции в марксизме в той или иной европейской стране, тем сильнее там позиции социализма и социал-демократии. Жизнеспособность коммунизма «прирастать будет» также ревизионизмом. В тех странах, где бывшие коммунисты хотели сохранить себя как политическую силу, они эволюционировали в направлении либерализма. Промежуточной станцией на пути такой эволюции чаще всего становится социал-демократия. Несмотря на такие линейные аналогии, от коммунизма к либерализму, социал-демократию необходимо рассматривать как совершенно автономное движение. Социализм и коммунизм имеют одну из самых развитых методологий в современном мышлении, но различаются теми дефектами, которые пытаются культивировать в своих подходах. Коммунисты догматически относятся к экономическому материализму учения Маркса XIX века, кроме того, не разбираясь с основаниями своего мировоззрения, они поверхностно трактуют методологию и философию Мар-

[33] Книга вышла осенью 1996 года, большая же часть текста книги была написана летом 1995 года. Партия ОДПБ объединилась с Гражданской партией на объединительном съезде в октябре 1995 (2006).

кса в духе Спинозы, Платона и Гегеля. Большинство разделяющих коммунистическую метатеорию имеют настолько поверхностное образование, что не могут прочесть даже трудов своих классиков. Тождество спинозизма и российского марксизма большевиков хорошо показал еще в 1918-20 годах Георгий Челпанов, а запустил процесс вульгаризации и упрощения методологии своего друга еще Энгельс в своей адаптации марксизма для рабочих в «Диалектике природы». Но необходимо признать, что, как машина по производству мнения и распространения его среди обывателей, коммунистические партии работают лучше всех в условиях Восточной Европы. Только их собственные некритичность и догматизм не позволяют им видеть, что, выигрывая в распространении своего мнения в широких слоях населения, действовать на основе своего методического подхода они не могут, поэтому вынуждены постоянно заниматься заимствованиями. Это обстоятельство и поддерживает миф о том, что беды коммунистов имеют своей причиной не заложенный в коммунизме порок самоотрицания, а являются результатом «жидо-массонского заговора» западной цивилизации против славянских народов. Коммунизм чист и непорочен, это предатели чистоты учения и происки врагов все портят. Не умея привязать свое догматическое учение к реальным обстоятельствам жизни и деятельности, коммунисты действуют, «воруя» идеи и планы у других общественно-политических направлений, но образования не хватает, чтобы сделать «украденное» своим, поэтому действуют они все равно плохо. Чужим умом жить нельзя, а свой собственный они не развивают, ведь материализм так мало придает значения всему субъективному и идеальному. Беды беларусских социал-демократов аналогичны несчастьям коммунистов. Не имея традиции мышления и проработки методологии (точнее из-за более чем полувекового разрыва в традиции), Беларусская социал-демократическая Грамада[34] догматизирует европейский социализм. В тех странах, в которых социал-демократы выросли из ревизионистских коммунистов, сохранив структуры и институты партийной учебы, это направление становится ведущей политической силой. В Беларуси же социал-демократы и коммунисты догматически «упираются лбами». Принимая националистическую установку, Грамада поступает ситуативно правильно, но производит для избирателей так тщательно замаскированное социалистическое мнение, что в нем различается только националистическая составляющая, а социалистическая почти не различима.

В политическом пространстве Европы существует постоянная ниша для тех, кого называют правыми радикалами. Обычно правый радикализм основывается на «учениях» доморощенных харизматических лидеров. Все эти «учения» восходят к государственническим идеям Платона и Гегеля. «Лидеры наций», из которых далеко не каждому «светит» судьба дуче или фюрера,

[34] С тех претерпела бурные трансформации — объединение с частью ПНС и смена названия на БСДП (НГ), раскол после парламентских выборов 2000 года (выход группы Короля), объединение с БСДП Шушкевича и смена Н. Статкевича на А. Козулина на посту лидера, смена названия на БСДП (Громада) (2006).

вызывают для своих государств «духов», которые всегда пародируют абсолютный дух Гегеля. При всей авторитетности Платона и Гегеля учения «харизматиков» всегда остаются на периферии общественно-политического процесса или добиваются кратковременного успеха в периоды «разброда и шатания». (Тысячелетний Рейх в Германии просуществовал 12 лет.) В Беларуси есть два претендента на занятие такой ниши — Лукашенко и Пазьняк. Но первый Платона и Гегеля не читал, поэтому он даже пародию изобразить не в состоянии, он действует, основываясь только на интуиции. Это позволяет ему держаться на плаву, но не дает возможности создать партию или движение. А второй, при всей своей харизматичности, создал партию крайне халтурно, поэтому не может реализовать ни своих целей, ни цели партии. В этом отношении Пазьняк — политик вполне европейский, но упустивший свой шанс в период «разброда и шатания», поэтому обреченный занимать ту же нишу в политике, что и Жан Мари Ле Пен во Франции и ему подобные.

Все остальные партии не имеют онтологических оснований. ПНС, ВЕС, Гражданская партия, ДСПС, Республиканская и многие другие (в том числе и основная масса БНФ с его интеллигентским национализмом) — это ситуативные партии «на сезон». Они могут двигаться к основательности и артикулировать свою позицию. Тогда они будут иметь шанс на действительное участие в политическом процессе и закладывании основ демократии в Беларуси. Пока же их приходится рассматривать как издержки политической культуры в обществе. Иногда эти партии предпринимают попытки обзавестись собственным мировоззрением и метатеорией. Так было в ПНС, когда ее идеологом был Довгель[35], который хотел придать партии анархо-синдикалистский характер. Но это, как говорят, *смеху варта*. Доморощенное теоретизирование на базе знаний второкурсников провинциальных университетов.

На онтологическом фундаменте партии могут строить свою стратегию, вырабатывать концепцию развития страны, налаживать взаимоотношения с электоратом. Партии и политические лидеры, не имеющие такого фундамента, становятся, по меткому выражению Ленина (хотя и не по адресу), «политическими проститутками». Достаточно посмотреть на идеологические и дипломатические кульбиты Карпенко, Гайдукевича, Шеляговича, «гоблинов»[36] и самого Лукашенко, чтобы сказать, что на «политической панели» в Минске становится тесно, предложение соответствующих услуг превышает спрос, некоторые «девочки» уже остаются «без работы».

Без фундамента не построить партию, но и наличия одного фундамента недостаточно для партийного функционирования. Партийное строительство в Бе-

[35] Е. Довгель — автор экономических концепций передачи собственности коллективам рабочих. В начале 90-х годов пользовался большой популярностью у растерянных «красных директоров» (из упомянутой выше БНПА) и обывателей, использовался правительством Кебича в качестве альтернативы либеральным экономистам (2006).

[36] ГоБЛины — использовавшееся в 1994 году публицистами название группы депутатов, образованное по первым буквам: Гончар, Булахов, Лебедько и др. (2006).

ларуси — сплошная незавершенка и долгострой. На фундаменте онтологических оснований должны быть воздвигнуты теории среднего уровня, содержанием которых является объективное представление о современной Беларуси, о состоянии ее хозяйства, экономических и общественных отношений, культуры, международного положения, обязательств Республики Беларусь перед своим народом и другими странами. Только после возведения на онтологическом фундаменте стен, опор и перекрытий из теорий среднего уровня можно говорить о «крыше» — партийной идеологии, предвыборных платформ и совокупности мнений, выносимых на суд избирателя. Все беларусские партии стремились иметь идеологическую «крышу». У одних эта крыша лежала прямо на фундаменте, если таковой был, у других просто парила в воздухе, если фундамента не было. Теорий среднего уровня, т. е. знания реальной Беларуси, нет и не было ни у одной партии. Избиратели в Беларуси умнее беларусских партий. Они не согласны жить в «воздушных замках» ПНС, ВЕСа и других партий. Их не интересуют незавершенки ОДПБ, БСДГ, ПКБ, в которых придется жить придавленными крышей к сырому и холодному фундаменту. Людям для жизни необходимо нормальное пространство с твердым основанием, крышей над головой и прочными стенами, гарантирующими, что крыша не свалится на голову.

Если онтологические основания берутся партиями из культуры, то прочный фундамент можно обрести через образование и партийную учебу, тогда теории среднего уровня могут появиться только через систематическое и профессиональное исследование современных беларусских реалий. Последнее требует больших ресурсов и капитальных инвестиций. (О капитальных инвестициях в разделе «Выборы и деньги».) Историческое развитие, европейская культура и образование оставили для Беларуси прочные фундаменты, на которых можно возводить все необходимые институты демократии и открытого общества. Причиной того, что эти основания не используются, является лень, установки «халявщиков» от политики и местечковое мышление. А вот возведение стен, разработка теорий среднего уровня возможно только при капитальных вложениях и при наличии второй компоненты двуединого основания — организации работ по возведению этих стен. Ни одна партия не имеет «бригад» партийного строительства, не имеет прорабов (производителей работ).

Вторая организационно-деятельностная компонента основания партийного строительства — программа работ — есть только у двух структур из всего множества действующих в Беларуси субъектов политики: у ПКБ и у БНФ. При этом коммунисты пользуются пришедшими в негодность программными положениями КПСС, которые невозможно обновить из-за потери ВПШ, институтов истории партии, всей исследовательской инфраструктуры бывшего Советского Союза и, конечно же, из-за разрыва отношений между компартией и КГБ. Мы пытались найти у коммунистов новые разработки и современный анализ ситуации — ничего этого нет. Они полностью живут на знаниях семидесятых годов, даже не восьмидесятых. Организационный план в БНФ адаптирован под широкое общественное

движение с просветительско-дидактическими целями. БНФ подошел к майским выборам без налаженной аналитической службы, без системы партийной учебы. Его «теневой кабинет» состоит из «кабинетных полководцев», министров-мечтателей. Если бы такой кабинет был приведен к власти, то его уровень компетентности был бы не выше лукашенковского правительства. Все беларусские партии пытаются подменить систематическое закладывание оргдеятельностного основания дешевыми конференциями и «круглыми столами», где «политики» делятся друг с другом своим невежеством. В Беларусь, как и во все постсоветские страны, приезжает масса второсортных западных «учителей», которым нет работы у себя в стране и которые учат наших политиков банальностям. Продовольствие и промтовары «второй свежести», которые возят с Запада на наш рынок, бросаются в глаза. Но чтобы увидеть второсортность и бросовость интеллектуальной продукции, которую потребляют наши политические и государственные деятели, нужно иметь образование, которое у них в дефиците, и знать лучшие образцы, до которых они не доросли.

ВЫБОРЫ И ВЛАСТЬ

«Лучше большая власть, чем большие деньги», — так называлась статья с подзаголовком «Александр Лукашенко как зеркало белорусских перемен» в ноябрьском журнале «Деловые люди» за 1994 год. Такой тезис характеризует многие латентные аспекты беларусской действительности.

Есть предположение, что многие безобразия в нашей стране связаны с очень своеобразной трактовкой и концептуализацией власти. Пьер Бурдье связывает власть с функцией номинации, т. е. с правом и возможностью давать имена вещам и явлениям, которыми по умолчанию пользуются те или иные социальные группы и субъекты. То, как Лукашенко стал президентом, хорошо объясняется через функцию номинации. Он называл все значимые для беларусского обывателя вещи и явления теми именами, которые в ходу у большинства. Когда употребляемое в каждой фразе выступлений Лукашенко слово «президент» в третьем лице является синонимом слова «батька», то этим он оправдывает все свои выходки, волюнтаризм и вульгарность в глазах всех, для кого «президент» и «батька» семантически тождественны. На этом базируется право силы нашего президента. Сила оружия несоизмерима с силой слова. Слова, пусть примитивные и вульгарные, возвели Лукашенко, за которым не числится никаких дел, на вершину власти. Его же слова создают общественное мнение и резонируют с умонастроениями всех тех, кто предпочитает жить ничего не делая.

«Совесть для беларуса важнее благосостояния», — так говорит президент, и с ним согласны. Значит, все упреки президенту о том, что уровень благосостояния беларусов падает, отметаются простым аргументом: зато наша (моя) совесть чиста, мы не продаем «ворам-богатеям» землю и другую собствен-

ность, я (мы) буду беден, но честен. Это реалии власти в Беларуси. Когда подход ко всем вещам и явлениям, имеющим значение для жизни и деятельности, разделяется большинством, то тот, кто «приватизировал» право высказывать мнения от имени этого подхода, обладает реальной властью. Образная модель реализации власти предельно проста:

Подготовка властного акта[37].

— Мы живем хуже, чем раньше?

— Да. (Что имеется в виду под «хуже» и «раньше», не обсуждается. Каждый думает о своем, но согласие достигнуто.)

— Мы знаем, кто виноват в том, как мы живем?

— Знаем. (Правда ли то, что мы знаем, сомнению не подвергается.)

*На уровне открытых высказываний возникает полное согласие говорящего и аудитории, что дает возможность говорящему в дальнейшем исходить из пресуппозиции: мы друг друга понимаем, «мы одной крови». Эта же пресуппозиция есть и у аудитории, то, что достигнуто только мнимое понимание, выяснится гораздо позже, а теперь можно переходить к формулировке властного акта.

Формулировка властного акта, номинация.

— Виноваты спекулянты!

— Конечно. (Согласие с этим тезисом не вытекает из размышления и не есть взвешенная оценка, оно автоматически следует из пресуппозиции. Если «мы друг друга понимаем», понимали раньше, то и все последующие высказывания нам понятны.)

— От имени спекулянтов говорят демократы? (До этого момента говорились очевидные для обыденного сознания вещи. Последнее высказывание уже представляет собой вывод.)

— А ведь и правда! (Мысль высказана, она принимается по инерции согласия, поскольку не противоречит пресуппозиции. Дальше ее можно усиливать и развивать: «Они же и «великую страну» развалили!», и т. д. и т .п.)

— Значит, демократы «не нашей крови».

— Не-е, «не нашей».

**Теперь все готово. Можно выкрикнуть: «Держи вора!» или «Наших бьют!»

Акт власти.

— Я вообще не пойду голосовать, все равно обманут. (Долгих и продолжительных аплодисментов на такое высказывание нет, но большинство согласно и тоже не придет голосовать.)

***Это и есть реализация власти. Вещи названы своими именами. Спекулянты — это демократы, демократы — это оппозиция, оппозиция виновата в нашей плохой жизни.

[37] Этот пример может быть иллюстрацией того, чем теоретические построения отличаются от аналитики. Теория содержит идеальные конструкции, которые можно использовать в различных ситуациях, т.е. имеет внеситуативное содержание, а аналитика вскрывает идеальное содержание ситуативных вещей (2006).

— Можно, я слегка побью депутатов оппозиции в Верховном Совете[38] *— демократов, спекулянтов и виновников наших с вами бед?*

— Валяй, только «не перегни палку».

— Мужики, вы ж меня знаете! Я — батька, строгий, но справедливый.

— Да уж видим, что не президент, но мы «одной крови».

Такая модель проста и очевидна, но полностью отсутствует в умах тех, кто обязан думать о власти. Беларусские политики начинают думать о власти с того места, которое помечено «***», т. е. тогда, когда их «будут бить». В этот момент ход событий уже необратим, то, что должно произойти, уже произойдет обязательно. События стали разворачиваться автоматически уже с места «*», в месте «**» на ход событий еще можно попытаться повлиять.

Две с половиной тысячи лет назад Конфуций сформулировал главный принцип власти: «исправление имен», который должен быть усвоен политическим знанием так же, как математическим знанием усвоены аксиомы современника Конфуция — Евклида. В Беларуси установилась диктатура не штыками и танками, не большими деньгами. Основанием авторитарного режима являются «имена», которые не были «исправлены».

На выборах избиратель отдает свой голос тем, кто властен. Результаты выборов не наделяют властью победителей, они легитимизируют власть уже существующую, власть над умонастроениями избирателей, власть, заключенную в праве называть вещи их именами и возможности имен быть употребимыми.

Структура имени включает в себя много элементов, грамматическая категория имени собственного — только один из элементов. Каждый беларус знает имя собственное БНФ, каждый двадцатый беларус знает имя ОДПБ. Но пропагандистская машина государства приклеивает к аббревиатуре БНФ ярлычек «фашисты». Не все пользуются усложненным именем «бэнээфовцы-фашисты», но те, кто говорит на языке Лукашенко, говорят именно так и относятся к БНФ в соответствии с именем. Положение ОДПБ еще хуже, сторонники БНФ называют ее кандидатов коммунистами, только перекрасившимися, сторонники коммунистов и президента, наоборот, скрытыми бэнээфовцами. За БНФ не будет голосовать никто из тех, кто разговаривает с использованием имен, которыми называет вещи Лукашенко. За ОДПБ не будут голосовать и те, кто говорит языком Лукашенко, и те, кто говорит языком Пазьняка. Использование имен и языка не обязательно делает человека сторонником тех идей, которые на этом языке излагаются. Многие противники коммунизма в Беларуси пользуются коммунистическими категориями просто потому, что не знают других. Наиболее характерный пример связан с национализмом. Национализм, как противостоящая коммунизму сила, использует коммунистическую категорию

[38] Имеется в виду случай избиения депутатов парламента (Верховного Совета 12 созыва) спецназом по приказу президента А. Лукашенко во время их голодовки протеста в здании парламента 11 апреля 1995 года (2006).

национальности. По существу беларусский национализм говорит о своей идее языком Сталина, немного по-другому расставляя акценты, укрепляя тем самым основательность своих политических противников. Сталинская национальная политика до сих пор властвует над умами беларусов, поскольку не произведено «исправление имен».

Существуют в современном языке беларусов несколько категорий с двойным дном. Можно провести психо(социо)лингвистическое исследование семантики слов «республика» и «патриотизм» или контентанализ их употребления. Мы обнаружим, что слово «республика» употребляется не в значении формы правления в стране, в значении названия территориально-административной единицы. Латыши, молдоване, венгры говорят о себе как о стране, а беларусы как о республике в том же смысле, в котором слово «республика» стоит в словосочетании с прилагательным «союзная» или «автономная». То есть самоназвание страны несет на себе смысл части, а не целого. В общеупотребимом беларусском языке (русском разговорном) отсутствует обозначение страны как целого. Отсюда и умонастроения избирателей, проявившиеся в ответах на вопросы референдума. На уровне коммуникации и общения обыватели разделяют мнения сторонников суверенитета и сохранения государственности Республики Беларусь, соглашаясь с действиями Лукашенко на уровне действий и поступков. Власть находится в руках Лукашенко потому, что он слышит именно то, что говорят обыватели, а демократы и оппозиция слышат только то, что хотят слышать.

Беларусь и Лукашенко комплементарны друг другу, как Король из сказки Сент-Экзюпери «Маленький принц» был в гармонии со своей планетой. И Король, и Лукашенко отдают только те приказы, которые могут быть выполнены, обещают только то, что от них ждут. У Гегеля есть маленькая статья «Кто мыслит абстрактно?». Категории абстрактного и конкретного, как они вводятся в этой статье, многое объясняют в феномене беларусской власти. Те, кто пытается мыслить конкретно, когда слышат обещание запустить заводы к 1 декабря 1994 года, ждут, что с 1 декабря кончится власть президента, поскольку обещание не может быть выполнено, заводы не заработают. Но они мыслят не конкретно, несмотря на все свои старания. Лукашенко давал обещание не им, а тем, кто слышит все по-другому. Лукашенко обещал отдать приказ руководителям заводов, дождаться 1 декабря и наказать всех, чьи заводы не стали работать. Именно так понимал обещание президента электорат, именно в этом состоит диалектика абстрактного и конкретного, именно на этой диалектике стоит беларусская власть. Кто этого не понимает — тот мыслит абстрактно в смысле Гегеля. В Беларуси многие мыслят абстрактно, поэтому ничего не делается конкретно. Из всех политических деятелей только Лукашенко мыслит конкретно, он точно знает, что от него ждут абстрактной власти, он абстрактно и властвует. Приказывает солнцу всходить на востоке, экономике быть экономной, рублю стоять, республике быть частью России. В глазах его сторонников и тех, кто говорит на его языке, все происходит так, как сказал Лукашенко.

Отстоять суверенитет Беларуси можно только тогда, когда власть и народ Беларуси будут патриотичными. Беларусы очень патриотичны, но слово «патриотизм» в Беларуси понимается в смысле методичек по военно-патриотическому воспитанию. Семантическое поле этого понятия включает в себя память о Великой Отечественной войне и о том отечестве, которое дало название этой войне. Пока не начнут в Беларуси «исправлять имена», беларусы будут патриотами Советского Союза, а Лукашенко его вторым президентом[39]. Он таким себя чувствует, так начинают думать и другие. Человек есть мера всех вещей, существующих в том, что они существуют, несуществующих в том, что они не существуют. Люди могут мыслить абстрактно, но деятельность мышления конкретна. А власть есть проявление этой конкретики, которая может проявляться даже помимо воли абстрактно мыслящих людей, вопреки этой воле. Номинальная власть Кебича была в прошлом году не меньше, чем власть Лукашенко в этом. Но Кебич имел абстрактные представления о стране, поэтому все, что происходило в Беларуси, было обратным тому, что он приказывал. На поверхностный взгляд Лукашенко поступает как Кебич, но его власть реальна и конкретна. Приказы Кебича дисциплинированно исполняли люди, которые думали иначе, чем он, использовали другие имена вещей. Приказы Лукашенко исполняют люди, думающие так же, как президент, пользующиеся теми же словами для описания реальности, поэтому эти приказы реализуются, несмотря на их «глупость» с точки зрения оппозиции.

ВЫБОРЫ И ПЕРСОНАЛИИ

Разбор и описание персональных действий и вообще участия личностей в выборах и в политической деятельности является самым распространенным литературным жанром, но содержательность таких опусов всегда оставляет желать лучшего. Есть несколько форм, в которых эта тема может стать содержательной. Эти темы имеют устоявшиеся культурные формулировки, например линия «Сравнительных жизнеописаний», тянущаяся от Плутарха и трансформировавшаяся в XX веке в социально-психологические портреты политических деятелей, которым с легкой руки Кречмера часто придают патопсихологический статус анамнеза. С подачи Плеханова другая линия называется «О роли личности в истории». Третья линия исследования персонального в политике задавалась мною в эссе «Беларусь: вопреки очевидности» в журнале «Культурная политика», а корнями своими она восходит к подходу Макиавелли и оформлена Лефевром в теорию рефлексивных игр в книге «Конфликтующие структуры».

[39] Имеется в виду вожделенная мечта о восстановлении СССР во главе с Лукашенко, вторым после Горбачева его президентом (2006).

Полноценная работа с таким аспектом системы современной демократии, как «выборы и персоналии», была бы возможна при наличии материала, накопленного по всем трем названным линиям. Сейчас такого материала явно недостаточно, поэтому мы сконцентрируем свое внимание на тех вопросах, которые могут быть подняты при наличном материале и на проблемах, т. е. на знании о том, чего не знаем, но что необходимо знать.

Метод сравнительных жизнеописаний, или социально-психологических портретов политических лидеров, исходит из априорного предположения, что личность есть, что персональные действия имеют в истории какое-то значение и что это значение очевидно связано с характеристиками личности. Существует несколько психологических портретов Сталина, Гитлера и других деятелей XX века. Многие явления в жизни СССР и Германии объясняются для массового сознания через характеристики этих людей. Через соответствие патохарактеристик этих злых гениев умонастроениям своих народов и своего времени исследуется массовое сознание. Наверное, через несколько лет появятся психологические портреты Александра Лукашенко. Хотя уже сегодня можно представить себе основные версии таких портретов. Мания величия в сочетании с манией преследования, комплекс неполноценности, проявляющийся в истерическом желании заполнять собой все темы в СМИ, отметиться перед каждой социальной группой, до которой доходит воображение, во взаимоисключающих друг друга именах «старший брат» для России и «батька» для себя, в гипертрофированной страсти к президентской атрибутике: охрана, эскорт, употребление существительных третьего лица там, где нормальные люди употребляют местоимения первого лица, «приватизация» наследства первых секретарей ЦК КПБ и многое другое. Очевидные акцентуации характера Лукашенко в сочетании с особыми условиями, в которые с неизбежностью попадает президент страны, дадут авторам таких портретов возможность трактовать личность первого президента Беларуси как психопатическую. Но какова ценность этого материала для анализа состояния демократических процессов в стране? «Сравнительные жизнеописания»: Лукашенко и Кебич, Лукашенко и Шушкевич (Пазьняк, Ельцин, Гамсахурдия, Караджич, Пиночет и т. д.) могут создать видимость анализа и правдоподобности выводов, но ничего не объясняют, поэтому к таким портретам можно относиться только как к материалу.

Несколько содержательнее рассмотрение линии «О роли личности в истории». Такая постановка вопроса исходит из проблемы включения идеи субъективности, фактора свободы воли в картину объективного описания исторических процессов. Идея прогресса, выводимая из гегельянской философии истории или гельвецианской детерминистской онтологии, предполагает, что история имеет конечную цель или определенное познаваемое будущее, рассчитываемое по жестким связкам причин и следствий, т. е. будущее может быть предсказано так же, как предсказывается погода, когда известны действующие факторы. В так понимаемой истории нет места индивидуальной воле, нет места персональным действиям, поскольку действия людей подчиняются объективным закономерностям. Исторических материалистов, Плехано-

ва например, их собственная концепция истории приводит в тупик, как только они сталкиваются с проявлением свободной воли личностей, которые, по их представлениям, ведут себя не так, как им предписано «объективным историческим процессом». Изначальная противоречивость исторического материализма в отношении свободы воли и проявлений персональности не делает бессмысленной саму постановку вопроса о роли личности в истории, поскольку в истории сосуществуют разные уклады и ситуации. Существуют (можно, по крайней мере, себе такое представить) такие ситуации и уклады, в которых роль личности минимальна. С евроцентристской точки зрения многие традиционные культуры не имеют института личности, каждый человек в таких культурах действует и поступает так, как ему предписано ролевым и социальным статусом. Личностный фактор там проявляется только на исторических разломах, в ситуациях культурных катастроф и кризисов. Так Петр I проявил свою индивидуальность на переломе российской истории, а все его предшественники из династии Романовых были марионетками в игре политических сил. По отношению к таким переломным периодам истории и обсуждается роль личности, и всегда это «роль» либо в героическом эпосе, либо в трагедии. Невозможно представить себе карьеру Лукашенко за пять лет от директора совхоза до президента в Советском Союзе. Такое становится возможным только потому, что «неладно что-то в Датском королевстве». Бытовая мелодрама с нудным сюжетом, которая сейчас разыгрывается на политической сцене, может легко стать трагедией. Лукашенко-президент — это диагноз стране и беларусскому обществу. В этом состоит роль его личности в истории Беларуси. Кто способен увидеть другое — пусть об этом напишет.

Третья линия анализа персонального в политике представляет собой разбор игр, в которые играют люди. Этим, собственно, я и занимаюсь в настоящей работе, а также все полтора года в Беларуси. Отдельные «репортажи с игр» составляют около трех десятков статей за это время в беларусской печати, с этой целью закладывалась репортажно-аналитическая идея в телепередачу «Проспект», совершались другие действия. В тексте «Беларусь: вопреки очевидности» в общих чертах обозначен мой подход к игре, а во 2-5 Аналитиках прошлого года анализировались отдельные игровые ходы кандидатов в президенты Беларуси. Выход на другой уровень анализа игр затруднен недостатком материала и отсутствием «профессиональных игроков». С Зеноном Пазьняком я попробовал сыграть самостоятельно, некоторые игроки «выбыли из игры», но основной разбор еще впереди. Пока ограничимся только краткими комментариями.

ГОФМАНОВСКИЙ ПЕРСОНАЖ В КАФКИАНСКОЙ СИТУАЦИИ

Что бы ни произошло с Беларусью в будущем, имя первого президента останется в истории навсегда. То, что история будет хранить в своих аналах о нем, формируется сегодня. «Беларусь! Ты сошла с ума», — воскликнул Александр Потупа, когда проиграл его протеже на президентских выборах. Если бы это сказал не сторонник Кебича, возможно, и я подписался бы под этими сло-

вами, хотя и тогда, и теперь думаю, что избиратели в 1994 году были в здравом уме, но под сильным влиянием аффекта. Юристы знают, что аффект необходимо учитывать в анализе действий, но его присутствие не дает оснований сомневаться во вменяемости субъекта действия. Кебича избиратели отвергли рационально, а Лукашенко выбирали эмоционально. Почему? Да потому, «что при всем богатстве выбора альтернативы нет».

Когда разум (логичный и дискурсивный) не имеет необходимого и достаточного материала для собственной работы, он уступает место сознанию (синкретичному и аналоговому). Когда целое не поддается анализу, сознание вынуждено работать с ним как с нерасчленимым целым, с тем, что немецкие психологи называли гештальтом (Gestalt). Гештальт-техники сознания описываются законами фигурно фоновых отношений. Серое пятно на сером фоне в восприятии контрастно подчеркивается, оно воспринимается как более темное или, наоборот, светлое, чем есть. Для феноменов зрительного восприятия эти закономерности изучены достаточно хорошо, но то же самое проявляется в любой другой феноменальности. Герой Алексея Дударева в «Пороге» — серая личность в серых обстоятельствах, он привлекает к себе пристальное внимание именно как фигура на фоне. Популярность пьесы Дударева усиливалась еще и серым культурным фоном застойных лет, когда «Порог» обошел многие театры Союза. Мне довелось увидеть, как Георгий Товстоногов в ленинградском БДТ умело воспользовался этим обстоятельством. Когда БДТ в очередной раз остался без звезды (плеяду которых театр «вырастил» для Москвы, начиная со Смоктуновского, в тот раз это был, кажется, Олег Борисов), Товстоногов пригласил из Киева Валерия Ивченко. Необходимо было представить питерским театралам нового актера как достойную замену. Товстоногов дал Ивченко главную роль в «Пороге», критически настороенная публика всматривалась в актера. Спектакль выделялся на сером фоне культурной жизни, пьеса — на фоне репертуара, герой пьесы — на фоне серых обстоятельств, мастерски выписанных Дударевым, Ивченко — на фоне героя. Питерский бомонд остался доволен, новая звезда состоялась. Товстоногов вместе с Дударевым и Ивченко проделали все это искусственно, подчеркивая таланты талантами. С Лукашенко все то же самое случилось естественно и без таланта. Серая личность на сером фоне, но Лукашенко не актер, он герой этого спектакля.

Сейчас многие заняты поисками у Александра Лукашенко харизмы, политической интуиции, таланта демагога, некоторые даже находят. Но это самообман, эффекты фигурно-фоновых отношений. Президент находится у всех на виду, все его пристально рассматривают, но видят не то, что есть, а то, что привносится как артефакты деятельностью сознания тех, кто смотрит. Власть изначально гипнотична. Человек под гипнозом может увидеть на чистом листе все, что ему внушат. Ослепительных красавиц на сцене и на экране часто играют обычные женщины, не нужно мастерство гримеров, сценографов, режиссеров и сценаристов принимать за свойства того, на ком это мастерство реализовано. Харизму и демагогический талант Лукашенко

придумал Александр Федута, он выдал комплексы своего интеллигентского сознания за характеристики персонажа. Эрудированный и начитанный Федута забыл, наверное, историю Гофмана про крошку Цахеса по прозвищу Цинобер. Там это все уже описано. Сам Лукашенко — типичный крошка Цахес. Все демоническое, харизматическое в нем — это болезненные комплексы, фобии и деформации сознания беларусской интеллигенции.

Крошка Цахес, голый король — вот сценарии, которые помимо своей воли разыгрывает Лукашенко. Эти сценарии трагикомичны. Рано или поздно крошка Цахес снова станет уродливым карликом, а «надутый» король окажется один на один перед хохочущей толпой. Я не могу знать, кто тот мальчик, который первым скажет правду, и где он. Я не могу знать, как окончится это наваждение, по Гофману или по Андерсену. Для Лукашенко это практически все равно, оба исхода ужасны, но для Беларуси и ее перспектив это важно. Эпоха романтизма, в которой жили Андерсен и Гофман, любила крайности от мрачной готической безысходности до светлого сказочного оптимизма. Через век наступило время Франца Кафки. Когда Лукашенко снова станет карликом, разрушится ли кафкианский замок в Беларуси?

ПАН ЗЕНОН, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ НАЕЗД НА ЛИТВЕ

Шляхетские безобразия, погубившие Великое княжество Литовское, на удивление подходящая архетипическая модель для понимания игр, разворачивающихся в демократическом движении Беларуси. Амбиции и шляхетский гонор Радзивилов, Сапег, Косаковских настолько искажали прагматику элиты ВКЛ, что они продолжали свои мелкие склоки в ситуации полного развала страны, после которого их передушили их же руками. Зенон Пазьняк — истинный литвин. Пламенные речи о любви к Беларуси, жесты самопожертвования и мелкие разборки, в которых он полностью увяз, — все это так похоже на поведение литоских магнатов и шляхты в XVIII—XIX веках.

Еще в прошлом году мне казалось, что Пазьняк — единственный в этой стране, кто разыгрывает современную игру, что исторические архетипы используются им сознательно, как запланированные ходы. Но теперь становится понятно, что Пазьняк годится в романтические персонажи Мицкевича и что он так же далек от трезвой реалистичной оценки современной ситуации в Беларуси, как и предыдущий персонаж. Как самодовольный магнат мог увести свой отряд из армии перед решающим сражением потому, что полководец на него косо посмотрел или усомнился в древности его фамилии, так и Пазьняк способен испортить отношения со всеми союзниками по демократическому движению из-за вопросов, которые «яйца выеденного не стоят» перед лицом насущных задач.

Феодально-сословные предрассудки ВКЛ отдавали судьбу страны в руки чванливых бездарностей, которые имели «право» по признаку рождения. Фадею Костюшко невозможно было пробиться через магнатский заслон, пока магнаты были в силе. Когда они свою силу растратили во взаимных «наяздах» и интригах, было уже поздно. Сейчас Пазьняк выполняет роль «со-

баки на сене». Он находится в единственной позиции, из которой возможна консолидация сил для противодействия эскалации хаоса и энтропии. Не справляясь сам с решением этой задачи, он препятствует перенятию этой функции кем бы то ни было другим.

Роль личности Костюшко в эпоху разделов Великого княжеств Литовского могла бы быть аналогичной роли Минина и Пожарского в Смутное время Великого княжества Московского, но все вышло по-другому. Для Минина и Пожарского слабость княжеско-боярской московской элиты сыграла свою положительную роль, для Костюшко сила литовских магнатов — отрицательную. Фигура Пазьняка крайне интересна в этой схеме. Что в Беларуси можно сделать, пока он силен? Чем отвлечь «собаку от сена»?

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МАССОВКА

Два персонажа, которых я охарактеризовал, мало интересны и невыразительны сами по себе, если бы не находились на тех местах, на которых находятся. В этих случаях справедлива инверсия известной поговорки: не человек красит место, а место красит человека. И Лукашенко, и Пазьняку «подфартило» оказаться в тех местах, которые были созданы для появления в них тех самых личностей, без которых история не может двигаться. Свято место пусто не бывает, если уж места созданы, то кто-нибудь их непременно займет. Заполнение этих мест в Беларуси крайне неудачно, поэтому история здесь не движется, время остановилось. Но были ли другие варианты?

Когда категория личности оказывается на принципиальной позиции в решении какой-либо проблемы, то феноменальность личности сама становится проблематичной. По Минску впору пускать Диогена с фонарем для поисков человека. При внимательном рассмотрении Беларусь выглядит удивительно безлюдной страной.

Уже сказанного про Лукашенко достаточно для того, чтобы понять, что выбор избирателей в 1994 году остановился на нем потому, что у него не было достойных конкурентов. Василия Новикова и Дубко[40] можно вообще исключить из анализа, возможно, они хорошие люди, но для занятия политикой этого маловато. Об остальных сказать можно тоже немногое.

Станислав Шушкевич. Массовые процессы в эпохи перемен втягивают людей в водоворот событий, и люди иногда оказываются в совершенно неожиданных местах. Кто-то из публицистов уже употреблял выражение «жертва перестройки», так это про Шушкевича. Вынесенный из болота академической жизни на вершину власти, Шушкевич не имел ничего, чтобы этой властью воспользоваться. Весь пафос его предвыборной агитации сво-

[40] Можно напомнить весь список кандидатов в президенты 1994 года: Председатель колхоза А. Дубко, премьер-министр В. Кебич, председатель колхоза, депутат А. Лукашенко, научный сотрудник, коммунист В. Новиков, лидер БНФ, депутат З. Позняк, профессор, экс-глава государства, депутат С. Шушкевич. Мэр Молодечно, профессор, футбольный судья, лидер Партии народного согласия, депутат Г. Карпенко не был зарегистрирован из-за того, что ЦИК забраковал часть собранных подписей граждан (2006).

дился к рассказам о том, что он ничего не мог сделать. Он постоянно сравнивал себя с председателями президиумов Верховного Совета БССР, которые были марионетками первых секретарей ЦК. Но в его время все уже было по-другому. Меня не занимает вопрос о том, много или мало власти было у исполняющего обязанности главы беларусского государства. Она у него была, а он ею не пользовался. Шушкевич не знал, как и на что ее употребить. Вся биография политика Станислава Шушкевича — это история о том, кто и как его обманывал и манипулировал им. Апофеозом его карьеры можно считать аферу, жертвой которой стал он и две поддерживавшие его партии во время президентских выборов[41]. Но этот сюжет достоин скорее уголовного дела, чем исследовательского интереса.

Геннадий Карпенко[42]. Что этот человек делает в политике, не знает никто. Хороший парень, которого приглашают на светские рауты и банальные выпивки. Его высказывания о политике, реформах и стране не содержательнее разговоров для заполнения рабочих пауз в институтских лабораториях. Гайдара в Москве дразнят «завлабом», а Карпенко и в самом деле завлаб, или завгор Молодечно, стал бы завгосом Беларуси с тем же успехом. Создается впечатление, что движущие мотивы Карпенко определяются исчерпанностью академической карьеры и «образцом для подражания» в лице коллеги по профессорскому цеху, Шушкевича. Если он может, то чем я хуже.

Узок круг «магнатов» беларусской политики, и слишком близки они по своему менталитету к коллективному бессознательному типичного советского человека. Мои суждения о персоналиях могут показаться злыми, но иначе нельзя. В мае прошлого года у меня состоялся показательный разговор с Александром Федутой, работавшем тогда с полной отдачей на кандидата в президенты. Речь зашла о задачах, которые я сформулировал как стоящие перед страной и которые придется решать первому президенту Беларуси. Федута не согласился со мной в оценке возможностей его протеже решать эти задачи. В частности, он заявил, что никто лучше Лукашенко не справится с задачей десоветизации. На мое сомнение: «ведь он же красный», Федута ответил, что политик говорит одно, а делать будет другое. В общем виде это правильно, но когда речь заходит о персоналиях в политике, нужно быть точнее и корректнее. Это я был не прав в своей робкой формулировке: «Лукашенко — красный». Вещи нужно было называть своими именами: Лукашенко — беспринципный демагог. Если бы Федута так

[41] На самом деле было несколько таких афер. Например, показанный по БТ сюжет о передаче неким офицером спецслужб денег А. Добровольскому для кампании Шушкевича. Или то, как Г. Щербинин с группой борисовских комсомольцев распорядились бюджетом доверчивого Шушкевича и наивных партийных лидеров, О. Трусова и А. Добровольского (2006).

[42] Следует признать, что после 1994—95 годов Геннадий Карпенко (1949-1999) существенно изменился. Потеряв должности и карманную партию, расставшись с номенклатурным наследием, он постепенно становился политиком национального масштаба. Это был один из немногих политических лидеров, сохранивших способность учиться и меняться (2006).

относился к личности в нужный момент, возможно, ему не пришлось бы брать на себя грехи президента. А может быть, чем черт не шутит, у нас был бы другой президент. Ведь не один Федута «заблуждался в свою пользу» в 1994 году, но и Мойсеня, Булахов, Гончар, Лебедько. А Добровольский и Трусов «заблуждались в свою пользу» относительно Шушкевича, Потупа[43] — Кебича и т. д. Природа всех этих заблуждений в том, что персоналии и личности мыслятся абстрактно, но их нужно мыслить только конкретно. А это значит нужно называть вещи своими именами: пустозвона — пустозвоном, а не дипломатом, вора — вором, халявщика — халявщиком.

Я не стану перебирать другие персоналии, тот же Александр Федута, Валерий Карбалевич, Роман Яковлевский и другие делают это более профессионально. Вопрос здесь может стоять о корректности разбора персонального фактора. Соблюдение этикета, конечно, необходимо, но кто посчитает, во что обошлись Беларуси такие «стихийные бедствия», как годы безвременья и бездействия под «кіраваннем» Шушкевича, Кебича и Лукашенко. Сейчас персональный фактор очень важен, от него многое зависит, поскольку только на личности можно собрать воедино волю к реформированию и знание того, как реформы делать.

В старой американской кинохронике есть сюжет, в котором леди в купальниках пытаются протиснуться через трафарет, вырезанный по, якобы, идеальной женской фигуре, этакий попкультурный вариант хрустального башмачка Золушки. Если воспользоваться этой метафорой, то в качестве трафарета (хрустального башмачка) для поиска персоналий, необходимых для решения актуальных задач в Беларуси, можно использовать Бальцеровича, Клауса, Гайдара. По ним необходимо проверять личности и персоналии для беларусской политики. Пока беларусские деятели выступают фоном для сравнений друг с другом, получаются глупости. Как в «сказках» от Федуты: Шушкевич адекватнее Дементея, Гриб — меньшее зло, чем Шушкевич, сам Дементей[44] добрейшей души человек и так далее, а о том, что они делают или чего не делают, уже забыто. В Беларуси огромное количество «хороших» людей дружно творят зло. Все это зло остается безнаказанным, оно даже не квалифицируется как зло, потому что «люди все хорошие».

На весенних выборах кандидатами в депутаты выдвигались по принципу: чем я хуже других? Стандартный аргумент состоял в том, что половина депутатов старого состава ВС — дураки, поэтому господину (*спадару альбо таварышу*) N там — самое место. Увы, это не преувеличение. Термин «дурак» — слишком мягкое выражение для людей, которые сразу после беззаконного избиения своих коллег, пользующихся депутатской неприкосновенностью,

[43] А. Потупа — профессор, предприниматель, издатель, в 1994 году работал в предвыборном штабе В. Кебича.

[44] Н. Дементей, С. Шушкевич, М. Гриб — первый, второй и третий председатели Верховного Совета 12 созыва, сначала последнего парламента БССР, затем первого парламента РБ (2006).

после вопиющего нарушения Конституции, принятой ими только год назад, сели выпивать на глазах у всей страны с человеком, который это все сделал[45].

ВЫБОРЫ И МАСС-МЕДИА

Известна притча о соцреализме. Хромой, сухорукий и кривой на один глаз король заказал художнику свой портрет.

Художник, испытывая почтение к своей модели и зная характер монархов, нарисовал короля не таким, какой он есть, а таким, каким он должен быть, исходя из идеализированных представлений: «орлом» о двух здоровых руках и ногах, с проницательным взглядом. Король счел портрет искажением реальности и казнил художника. Так родился и умер романтизм в искусстве.

Второй приглашенный художник учел судьбу предшественника и нарисовал короля инвалидом. Монаршья благодарность была аналогичной, художника казнили за фотографическое изображение реальности. Так родился и умер критический реализм.

Столь печальные судьбы коллег пробудили творческий потенциал третьего художника, и он сохранил свою жизнь, нарисовав короля в профиль со стороны здоровых глаза и руки, верхом на коне, круп которого скрывает протез ноги. Так родился и поныне здравствует социалистический реализм.

Однобокая полуправда является отличительным признаком всего социалистического, а не только направления в искусстве. Беларусские масс-медиа унаследовали все социалистические и советские особенности. Они редко врут, но никогда не говорят правду. Ложь и правда не могут располагаться как полюса на одной шкале, между ними нельзя установить отношения больше-меньше. «Больше правды!» — ложный лозунг и тогда, когда он не выполняется, и тогда, когда выполняется. Дозировка правды убивает правду, порция правды есть ложь. Не бывает «второй свежести», не бывает дозировки правды. Есть дозировка вранья. Когда я привожу подобные рассуждения, «здравомыслящие» говорят, что это схоластика, а «образованные» — что я нарушаю логику. Хотя с абстрактным утверждением и те, и другие готовы согласиться. При переходе к конкретике вытаскивается формально-логическая оппозиция «правда — ложь», понимаемая как антонимическая пара, когда все справедливое по отношению к одной части автоматически признается справедливым и по отношению ко второй. Но это ошибка «полуобразованности». Например, четыре стороны света не равноправны. Нечто относительно чего-то может находиться как на севере, так и на западе. Но про се-

[45] Речь идет о сюжете БТ, где председатель Верховного Совета М. Гриб был показан на банкете вместе с Лукашенко в день избиения депутатов, что свидетельствовало об исчерпанности конфликта (2006).

вер можно сказать, что нечто к нему ближе или дальше, а вот про запад такого сказать нельзя. Потому что пара «север — юг» описывается дугой, имеющей два конца, а пара «восток — запад» описывается противоположными направлениями движения по бесконечной окружности. Так и члены пары «правда — ложь» неравноправны. То, что справедливо в формальных (логических или грамматических) описаниях правды, несправедливо применительно ко лжи, и наоборот. Лжи может быть много или мало, больше или меньше, но сколь бы мало ни было лжи, в правду она превратиться не может. Нельзя плавно перейти от лжи к правде.

Все сказанное нужно мне только как подготовка простого и банального тезиса: все беларусские масс-медиа лживы. Чтобы этого не понимать, нужно или не думать об этом вообще, или иметь соответствующую установку на непонимание. Этот тезис не допускает исключений, но составляет проблему. Проблема заключается в том, что высказанный тезис представляет собой логический тупик и нарушает принцип презумпции невиновности.

Любое обвинение (в том числе обвинение в лживости) должно строиться по факту (по факту лжи), любое обвинение должно быть обосновано и доказано обвинителем, но не обвиняемым. Поэтому если рассматривать сформулированный мною тезис в юридических рамках, то он весьма плох, я не могу доказать его на фактах при наличии огромного фактического материала. Олег Груздилович[46] или любой журналист, имея желание, может привести ряд доказательств, достаточных для обвинения любой газеты или иного средства массовой информации, но никто с фактами в руках не может доказать тезис целиком. Доказанный факт лжи или полуправды в одной газете или телепередаче ничего не доказывает относительно другой газеты, замеченная в одном номере газеты ложь не может распространяться на все остальные номера этой газеты, лживая публикация в номере не исключает того, что все остальные материалы номера правдивы. Понимая все это, я, тем не менее, не отказываюсь от высказанного тезиса, я его даже могу усугубить. Попытка доказательства лживости отдельной публикации или отдельного издания является косвенным признанием того, что другие издания и публикации правдивы. На вопрос Ивана Бездомного после критики Мастером его стихов: «А какие из моих стихов вы читали?» — Мастер ответил: «Никаких». — Так как же вы можете судить? — Что ж я, других не читал?»

Исследовательские приличия требуют фактических доказательств, так же как и расследовательские или юридические. Но я не вижу в этом необходимости. Т. е. любому желающему я могу привести массу примеров, но они не имеют цены. Ценность составляет другое — установка (инсталлированность) на правду или на ложь.

Беларусская пресса инсталлирована соцреалистически на показ одной стороны правды, а поэтому не может быть правдивой. Еще Ленин произвел

[46] О. Груздилович — в те годы журналист газеты «Свабода». И он, и его газета в середине 90-х годов еще могли выигрывать суды (2006).

эту инсталляцию, введя принцип партийности всей литературы, прессы в первую очередь. Принцип партийности логичен и органичен соцреализму, он расшифровывается как однобокость. Я не обвиняю беларусские масс-медиа во лжи, я отвергаю ленинский принцип партийности, которым они все руководствуются. Пока работает этот принцип, масс-медиа не могут быть правдивыми.

Сторонники справедливости и *памяркоўнасці*, возражая мне, могут сослаться на примеры закрывавшихся газет («БДГ», «Свабода» и др.), на демарш с «белыми пятнами», на радиостанцию «Беларусская маладзёжная» и телепередачу «Проспект». Но эти примеры, свидетельствующие о наличии в стране цензуры, говорят только в пользу моего тезиса. Пока в стране есть цензура, в ней нет непартийной прессы. Цензура онтологически исключает правду. При наличии цензуры термин «независимая пресса» становится эвфемизмом. Лживость этого термина применительно к нашей ситуации наиболее наглядно выражается в показательном названии одной «независимой» газеты — «Газета Андрея Климова». Разумеется, что газета, финансируемая из частного источника, имеет больше шансов быть независимой, чем государственная (государственная газета — это уже само за себя говорит), ну, а если тот, кто дает деньги на эту газету, сам баллотируется в парламент? Допустит ли Андрей Климов в своей газете критику самого себя? Возможно, что он очень хороший человек, и нет никаких (?) поводов для его критики, всякое слово против него есть ложь, но если эту ложь нельзя опубликовать в его газете, она уже не независима. Государственная газета — государственная цензура, частная газета — частная цензура. Государственная цензура — тотальная, частная цензура — частная. Государственная цензура есть зло абсолютное, а частная цензура есть зло локальное и неизбежное. Частная газета (партийная) не может быть абсолютно независимой и объективной, но противоположные друг другу партийности и частности могут обеспечить объективность информационной среды.

Цензура может вылавливать в СМИ ложь, может иногда снизить уровень лжи, но никогда не способна обеспечить правду. Государственная цензура и вообще государственные средства массовой информации должны быть устранены. Только в этом случае можно будет говорить о том, есть ли в стране правдивые масс-медиа. Само по себе устранение цензуры не гарантирует правды, но ее наличие гарантирует отсутствие правды. Отношения между правдой и ложью неравноправны. Правда есть идеальная ценность, поэтому и пути к ней необходимо прорабатывать на идеальных объектах, в логике.

Я, как и любой другой человек, не могу претендовать на исключительную правдивость. Я могу заблуждаться и ошибаться, могу в силу предвзятости, основанной на собственных ценностных установках, неправильно воспринимать информацию, поэтому не имею оснований рассматривать себя как меру правдивости. Но я могу поставить себя в экспериментальную ситуацию, каковой и была для меня предвыборная кампания. В этой

экспериментальной ситуации обнаруживается парадоксальность неравноправия правды и лжи. Эта парадоксальность может быть сформулирована по-разному. Например: в апреле 1995 года в Кобрине на семинаре для кадрового резерва я изложил признаки фашизма и показал, что беларусский режим полностью подходит по этим признакам под такую квалификацию[47]. Присутствовавший на семинаре известный московский методолог сформулировал свое возражение одним тезисом: если ты это можешь открыто говорить, то все, что ты говоришь, неправда. Получается почти античная апория. Критянин говорит, что все критяне лжецы. Он врет, поскольку критянин, а значит — критяне не лжецы, но если это так, то он не врет, тогда все критяне действительно лжецы. Если в Беларуси фашизм, то всякая критика его невозможна, но если несколько газет пишут об этом постоянно, то фашизма нет. Так и живем. В формальной логике этот парадокс неразрешим. Но в феноменологии члены парадоксального суждения спокойно сосуществуют.

Соцреалистическое изображение беларусского режима подается читателям всех массовых газет, зрителям телевидения, слушателям радио со «здоровой» стороны, а «изнанку» видят только читатели 4-5 газет. Общее число читателей этих газет не превышает 20 000 человек. У меня не существует проблем с публикацией своих статей. Более трех десятков публикаций за год, с острой критикой и резкими суждениями увидели свет, но прочли их те, кто и так знает почти все, о чем я пишу. Тоталитарные формы общественной жизни эволюционировали за многие десятилетия своего существования, сейчас они располагают «клапанами для спускания паров» в виде «независимых» изданий, мимикрируют под демократию, дозируют свободу. Становится ли свободным узник, если ему удлиняют цепь, которой он прикован?

Отдельного разговора заслуживает телевидение, которое в Беларуси президентом и Конституционным судом рассматривается не как средство информации и коммуникации, а как «орган государственного управления». Наверное, с армейских времен своей карьеры Лукашенко помнит о селекторной связи в полку, так и телевидение считает аналогом «селекторной связи президента с народом». Начальник телевидения Григорий Кисель[48], приступая к исполнению своих обязанностей, собрал представителей частных агентств и телекомпаний и попытался провести производственную планерку. Когда ему сказали, что собравшиеся люди уже привыкли жить и работать

[47]См. В. Мацкевич «Апрельский катехизис» // http://worvik.com/thinkbel/april.htm . Речь идет об О.И.Генисаретском. Впоследствии это возражение повторяли очень и очень многие. Но одно дело — наблюдать зарождающийся фашистский режим в самом его начале и отрицать теоретические аргументы, и другое дело — наблюдать фашизм в его расцвете и отрицать очевидное (2006).

[48] Г. Кисель в 1994-2000 председатель Национальной телерадиокампании — монополиста в телеэфире. С 2002 года возглавляет ОНТ — второй национальный канал (2006).

по-другому, что он не начальник «маленьких» телекомпаний, что частные агентства конкурируют друг с другом, а не являются звеньями производственной технологии, у «бедного провинциального репортера» Киселя «крыша поехала». Стиль, жанр и манера вести дискуссию в столице его шокировали, но это, по крайней мере, он понял, а содержание и смысл выступлений были для него запредельными. Приходится ли удивляться при таком руководителе, что беларусское телевидение зрители не смотрят. По рейтингу программа БТ идет на третьем месте после ОРТ и РТВ. Кроме того, в Минске есть еще НТВ, в Гродно — 5 канал и польское ТВ, аналогичная ситуация и в других городах. Сфера влияния БТ очень незначительна. При частоте своего появления на экране (учитывая участие в самой популярной информационно-аналитической передаче) я мог бы рассчитывать на достаточную известность у зрителей, а не такую, как указано в третьем введении. Рейтинги рейтингами, но есть практические показатели эффективности СМИ. Опыт моего личного участия для меня выступает таким показателем, но уж совсем бесспорным является критерий цены эфирного времени. Дешевле, чем в Беларуси, реклама на ТВ стоит только в Албании[49].

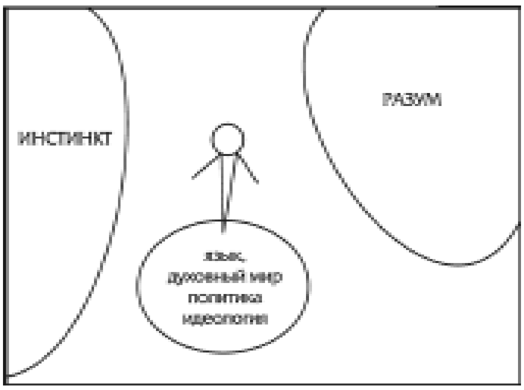
По сравнению с российскими программами беларусская выглядит хуже по всем параметрам. В смысле зрелищности и развлекательности БТ примитивно, в оперативности информации — отстает даже от газет, все новости жители Минска узнают из московских программ, даже беларусские. Комментарии и аналитика заменены выступлениями официальных лиц, как правило, некомпетентных, заинтересованных в сокрытии информации. Само существование беларусского телевидения есть нарушение прав человека, в первую очередь права на получение правдивой информации. С этической точки зрения БТ безнравственно, поскольку навязывает общественно-политическую позицию зрителям, создает в глазах самих беларусов имидж Беларуси как отсталой страны, где ничего не происходит и не может происходить.

Конкретные факты, имеющие отношение к нашей теме, хорошо всем известны (пасквиль «Дети лжи» Юрия Азаренка, почти по Кашпировскому построенные сеансы гипноза с «*устаноўкай*»: зачеркнуть «*супраць*» и т. д.), чтобы их описывать. Я пишу текст не для иностранцев, поэтому не привожу общеизвестных фактов. У меня в тексте много общеизвестных истин, говорить о них я не ленюсь, потому что не понимаю... Я не понимаю, почему из общеизвестных фактов люди не делают выводов, ведь эти выводы так просты, на уровне общеизвестных истин. Но все делается строго наоборот.

[49] Сейчас ситуация с телевидением существенно изменилась. В техническом отношении все современные телекомпании очень хорошо оснащены, вырос профессионализм технических специалистов. Беларусские телестудии контролируют весь телеэфир, вклиниваясь на частоты российских каналов. Но в коммерческом отношении беларусские телекомпании по-прежнему несамостоятельны и нежизнеспособны. Как СМИ их вообще трудно рассматривать, это инструмент государственной пропаганды (2006).

БЕЛАРУССКАЯ МЕЧТА

Фридрих фон Хайек помещает «расширенный порядок» организации общественной жизни между инстинктом и разумом. «Человек естественный не вписывается в расширенный порядок» — заявляет он. Природа (натура) человека протестует против правил искусственной организации общественного бытия, принятых в современном мире, называемом Хайеком «расширенным порядком». Если, по Цицерону, «привычка — вторая натура», то общественная борьба разворачивается между первой и второй природой (натурой) человека, между естественным человеком и человеком культурным. В человеческом сознании борются между собой естественные инстинкты, с одной стороны, и категории рассудка и разум, с другой. Перенос этой борьбы за пределы сознания не ограничивается только социальным миром, общественными отношениями, как полагают марксисты и социологисты. Когда индивидуальное сознание становится тесным для борьбы разума и инстинкта, ареной состязаний становится действительность языка (см. «Наш отравленный язык» Хайека или новояз-ангсоц Дж.Оруэлла) или духовная сфера, но чаще всего, конечно, политика и идеология.

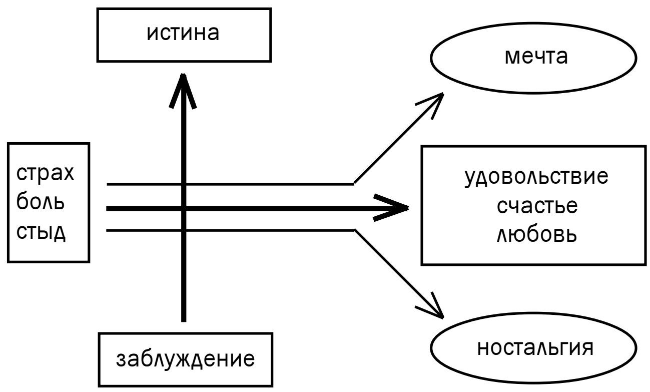
Отношения между инстинктом и разумом не сводятся только к борьбе. Вступает в силу классический гегелевский принцип единства и борьбы противоположностей. Хайек отказывается принимать однозначную позицию на какой-либо одной стороне — инстинкта или разума, как это делают Жан-Жак Руссо, Зигмунд Фрейд, рационалистические ригористы или леди викторианской эпохи. Тогда он оказывается перед проблемой: как соединить несоединимое? Близкий к Хайеку по взглядам и установкам Карл Поппер, описывающий «открытое общество», представления о котором во многом совпадают с хайековским «расширенным порядком», занимает более однозначную позицию, поэтому и книгу свою называет «Открытое общество и его враги». Хайек и Поппер разделяют критическую установку, которая мало пригодна

для работы с инстинктом. Критика отвергает инстинкт. Поэтому Поппер последовательнее Хайека, но Хайек тоньше и корректнее. Если он не собирается превращаться в своеобразного «буриданова осла» между инстинктом и разумом, то ему приходится решать более сложную задачу. Применительно к беларусским условиям задача Хайека весьма актуальна. Тем более что последователь Поппера Дж. Сорос и его деятельность убедительно показывают, что инстинктивные формы общественной жизни часто оказываются «сильнее» (живучее) разумных форм. Блат (это СПИД общественных организмов) разъедает созданные Соросом институции не только в Беларуси, но и в других странах с традиционалистским укладом.

В некотором смысле задачу Фридриха Августа фон Хайека можно сформулировать как поиск пути между Сциллой и Харибдой, между инстинктом и разумом, поиск того, что может выступать ориентиром на этом пути.

Неоднократно предпринимались попытки найти такие ориентиры в самих разуме и инстинкте. Понятно, что все эти попытки предпринимались исходя из примата разума. Ж-Ж. Руссо формулировал разумные основания для апологии инстинкта, то же самое делал Фрейд и многие другие. В семидесятые годы в СССР был большой интерес к концепции генетика Эфроимсона, изложенной в «Родословной альтруизма», где автор пытался найти генетические инстинктивные основания культурных ценностей. Инстинкт не способен таким же образом разбираться с разумом, у него нет для этого средств. Но это не мешает инстинкту определять поведение людей, так же как разум определяет их действия.

Регулятивами поведения и действий людей со стороны разума выступают ценности, выражаемые категориями истины, добра, красоты и справедливости, а со стороны инстинкта — мотивы и потребности, обозначаемые категориями гедонизма (стремление к удовольствию) и ресентимента (избегание неприятностей). В результате получается сложное пространство, задаваемое двумя измерениями: разумом и инстинктом. В этом пространстве можно векторами наметить результирующие пути людей: путь мечты и путь ностальгии. Проиллюстрируем это.

Горизонтальная ось изображает инстинкт и задает направление движения от неудовольствия (бегство от боли, страдания, страха, стыда и т. д.) к удовольствию (стремление к любви, счастью, здоровью и т. д.). Вертикальная ось изображает разум и задает направление движения от заблуждения и предрассудков к истине.

При очевидном упрощении такое изображение может выполнять функцию иллюстрации дальнейших рассуждений.

Я не стану выяснять этическую природу человека. Бесперспективность спекуляций о том, волк ли человек человеку или друг, товарищ и брат, давно понята, и писатели всех жанров вдоволь поиздевались на эту тему. Я согласен с высказыванием Хайека, что «множество добрых дел, совершаемых человеком в условиях расширенного порядка, совершается им вовсе не потому, что он добр от природы». Точно так же оставим в покое фольклорных и романтических злодеев. С этой стороны достаточно самохарактеристики гетевского персонажа: «я часть той силы, что вечно хочет зла, и вечно совершает благо». Примем как версию, что люди обычно устремлены к доброму, чистому и светлому, и удовлетворимся этим. Но будем помнить, однако, что «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Важным аспектом иллюстрации является ортогональность осей. Ортогональность иллюстрирует идею того, что направление от заблуждения к истине безразлично к инстинктивно ощущаемому благу (счастью, удовольствию, любви). Например, истинно, что при достижении критической массы обогащенного урана начинается ядерная реакция. Однако управляемая реакция приносит людям удовлетворение инстинктивных потребностей (свет, тепло, энергию), а неуправляемая — ядерные взрывы.

Возникает резонный вопрос: как возможно зло при всеобщей устремленности к благу? «Хорошо» было в советские времена. Кто не с нами, тот — враг народа, злодей, агент мирового империализма. Такое отношение и сейчас в ходу, оно всегда будет, поскольку оно инстинктивно. Но апеллировать к нему — дурной тон, даже в предвыборной борьбе. Так как же возможно зло при всеобщем устремлении к добру? Не претендуя на «правильный» ответ, я выскажу тезис: существуют два вектора устремленности к добру. Один из них истинный, другой ложный. Читатель, у которого хватило терпения дочитать текст до этого места, непременно должен иронично усмехнуться. Автор, с упорством выдерживавший критическую установку, «устал» и позволил себе столь догматическое суждение. Не нужно торопиться. Разделение на истинный и ложный пути в данном случае чисто формальное, а поэтому вполне укладывается в критический подход. Квалификация истинности и ложности здесь не содержательная, а логическая или инструментальная.

Инструментальная функция логической истинности и ложности названных векторов состоит в структурировании прагматики суждений о будущем, прагматики проектирования (или прожектирования), прогностики и аналитики. В первом приближении мне достаточно грамматического смысла прагматики. В грамматике возможно повелительное наклонение во фразах типа:

вымой дождь, зажги звезды и т. д. То, что семантически (парадигматически или содержательно) эти фразы бессмысленны, не является принципиальным. На рисунке истинный вектор помечен именем «мечта», а ложный — именем «ностальгия». Формально эти категории различаются по типу мышления о будущем. В мечте мышление о будущем требует (в логическом смысле требования) прогнозного и проектного отношения, оценки реалистичности, а в ностальгии мышлению места практически нет. Ностальгия довольствуется эмоциональным отношением: пожеланием, тоской, заклинаниями. Дело не меняется даже тогда, когда ностальгия принимает квазиполитическую или квазиправовую форму, например требование денонсации Вискулевских соглашений, индексация вкладов и сбережений, референдум о символике, возврат учебников «до 90 года».

Различительная способность рассудка позволяет выделить множество рабочих категорий. Теперь у нас есть еще две — мечта и ностальгия. Но нам они нужны не сами по себе, а в их инструментальной функции. Инструментальность этих категорий в нашем контексте состоит в том, что они выступают интегральным критерием выбора искомого хайековского пути между инстинктом и разумом.

Предположим, что у нас есть два альтернативных предложения обустройства будущего: P1 и P2. Каждое из этих предложений имеет собственную парадигматическую и синтагматическую конструкцию. Нужно выбрать одно из них. Как это делается?

Есть два типических (не альтернативных, а пригодных для синтеза) варианта решения: профессиональный и демократический.

Профессиональный вариант. Предложения обустройства будущего берутся в форме суждения и подвергаются критике и анализу. Проводится экспертиза предложений на предмет определения нормосообразности (культурности), целесообразности, логичности, экономичности (обеспеченности ресурсами и рискованности прибыли) и т. д. Проводится анализ актуальной ситуации и выявляются актуальные проблемы. Затем результаты экспертизы и анализа ситуации рассматриваются вместе на предмет установления комплементарности их друг другу. Профессиональное решение в итоге состоит в том, что P1 реализуемо и соответствует требованиям ситуации и актуальным проблемам, а P2 — нет (или наоборот), или и P1, и P2 реализуемы, но P1 отвечает требованиям ситуации и решает проблемы, а P2 — нет (или наоборот).

Демократический вариант. Предложения обустройства будущего подаются в форме мнений, и избиратель соотносит каждое из мнений со своей мечтой о желаемом будущем или с эмоциональной памятью (ностальгией) о счастливом прошлом. Демократическое большинство принимает окончательное решение: будем следовать предложению P1 и отвергаем предложение P2 (или наоборот).

Как легко можно увидеть, оба варианта решения несамодостаточны. Профессиональный вариант решения никогда не является окончательным,

он носит экспертный рекомендательный характер. А демократический не располагает квалифицированными средствами оценки реалистичности и правильности решения. Поэтому оба варианта по отдельности несовершенны и неразумны. Эксперты и профессионалы должны иметь возможность проводить анализ и экспертизу, после чего могут убеждать демократическое большинство. Иначе их рекомендации и оценки останутся достоянием академической или профессиональной среды и никогда не будут реализованы. Демократическое большинство должно быть знакомо с профессиональной оценкой и должно иметь время на ее осмысление и обсуждение. Иначе решение демократического большинства будет поспешным и рискованным, чреватым ошибками и неприятностями.

Проходившие в Беларуси в мае 1995 года выборы и референдум характеризуются разорванностью этих вариантов выбора решений. Демократическое большинство было лишено возможности и времени ознакомиться с результатами профессионального анализа и экспертизы.

Отношение между демократической процедурой выборов и профессиональной деятельностью строится таким образом, что демократия выступает заказчиком на профессиональную проработку предложений обустройства будущего. Демократия дает возможность профессионалам выполнять свою работу, поскольку нуждается в ее результатах. Но стоп! Нуждается ли?

Нужда или потребность в критике, анализе и профессиональной экспертизе может быть, а может и отсутствовать. Это определяется тем, какой из векторов нашей схемы выбирается в качестве пути к будущему.

Предложение по обустройству будущего может эмоционально «греть» демократическое большинство, резонировать ностальгическим чувствам и переживаниям. Мечта требует активности, заставляет напрягаться и работать. Ностальгия удовлетворяется пассивным сопереживанием, сопровождается леностью и расслабленностью. «Я хочу, чтобы лето не кончалось. Я хочу колбасы за 3.20. Я хочу назад в прошлое. Мама, роди меня обратно». Экспертиза убивает желание, разрушает ностальгические переживания. Анализ сух и не эмоционален. Критика предполагает контроль над эмоциями.

Мечта и ностальгия — антагонисты. Они взаимоисключают друг друга, как активность и пассивность, как движение и покой, как работа и переживание, как счастье и страдание. Один из украинских политиков сформулировал эту антитезу очень лаконично и точно, хотя и ситуативно: «У того, кто не жалеет о распаде Союза, — нет сердца, у того, кто жаждет его реставрации, — нет головы». Ностальгия иррациональна. Люди всегда будут помнить свои детство и юность, будут ностальгировать по ним и бессознательно их приукрашивать. Людям свойственно переживать о потерянной родине, о когда-то пережитом счастье и т. д. Заниматься этим — дело поэтов и психоаналитиков. Мы же оставим ностальгию и обратимся к мечте.

Без мечты нет будущего. Мечта дает силу и энергию людям для обустройства будущего. Мечта двигала протестантскими пилигримами на «Мей флауэр» и Колумбом. Мечта усаживает ученых на годы в кабинетах и лабо-

раториях. Мечта дает людям энергию для выполнения самой тяжелой работы в самых безнадежных ситуациях и приводит к успеху. Есть ли беларусская мечта? В чем она состоит? В конечном итоге Беларусь завтра будет тем, о чем мечтают беларусы сегодня.

Для начала — несколько замечаний о том, как о месте можно рассуждать. Козьма Прутков издевался над «желанием быть гишпанцем». Герой фильма «Курьер», услышав о мечте приятеля о новом пальто, снял свое и отдал ему со словами: «Бери и мечтай о чем-нибудь достойном». Циолковским двигала мечта его учителя Федорова о воскрешении всех мертвых. В поисках «жизненного пространства» для воскресших Циолковский разрабатывал теорию космических полетов. Знаменитые сны Веры Павловны содержали мечту Чернышевского об алюминиевом рае. Как можно говорить о мечте?

Допустим, что мечта как процесс — это способность человека видеть (прозревать) горизонты идеального будущего. А мечта как результат — идеальный образ будущего. Тогда мечту можно описывать как хронотоп идеального мира, с одной стороны, и как содержание идеального в мышлении, с другой.

Временная составляющая хронотопа идеального мира определяется глубиной обозримого будущего. Заглядываем ли мы в будущее своих детей и внуков, во времена, когда нас не будет, или только в пределы собственной жизни? Думает ли Александр Лукашенко о том, что будут читать его внуки в учебниках истории о правлении первого президента Республики Беларусь, на каком языке и в какой стране? Будет ли он выведен на страницах учебников как национальный герой или как позор нации? Думает ли средний беларус о том, как будут жить его дети и внуки в Европе XXI века, или только о том, как дожить до пенсии? Разве не этим определяется оценка того, что люди делают сегодня? Топическая сторона хронотопа идеального мира определяет масштаб места, в которое проникает мечта. Видит ли средний беларус будущую Беларусь в Европе и в мире, или в будущем он видит только возделанные 6 соток своей дачи? Видит ли он зеленые пущи и голубые озера, где могут бродить его внуки, или только водопроводный кран с теплой водой, на оплату которой должно хватить его пенсии? Разве не этим определяется выбор проектов и предложений обустройства будущего, на которые тратятся налоги среднего беларуса?

То, как человек работает, над чем он работает, определяется содержанием идеального. В советские времена много издевались над концепцией общества потребления, но напрасно. Потребительская мечта — самый простой способ представления плана идеального в массовом сознании. Генри Форд и инженеры Фольксвагена мечтали об автомобиле для каждой американской и немецкой семьи. Их мечта передалась простым американцам и немцам, на эту мечту американцы и немцы работали, и работали соответственно. Могут ли так работать беларусы, мечтающие о льготных билетах на электричку до дачного поселка или о дешевом метро?

Деревенский парень из заводского общежития, мечтающий о бесплатной квартире в блочном доме, получает свою зарплату и ждет очереди. Он — оплот и опора коммунистов на выборах[50]. Молодой предприимчивый человек, мечтающий привести невесту в собственный дом, уходит с завода и открывает собственное дело. Он может не интересоваться политикой и не быть ничьей опорой и оплотом, но он просто работает, а не ждет подачек от государства.

Вернемся к формальному допущению о двух предложениях об обустройстве будущего.

Р1	Р2
Независимость Беларуси	Реставрация СССР
Свобода для каждого жить, как он хочет	Гарантированный минимум всем
Свободное предпринимательство	Централизованное распределение
Рынок	Социализм
Частная собственность на землю	Госсобственность на землю
Закон и право для всех	Хорошее отношение властей к себе
Европейская открытость	Местечковая "самость"
Стандарты жизни XXI века	Уровень жизни 1980 года

Может быть, я не полностью охарактеризовал два разных предложения обустройства будущего, предлагавшихся в мае 1995 года беларусским избирателям. Но важно то, что предложения были сформулированы пакетом, нельзя вырвать один параметр из пакета и рассматривать отдельно. Демократическое большинство беларусов остановило свой выбор на варианте Р2. Почему? А как же могло быть иначе?

Зачем человеку, мечтающему о бесплатном жилище, о новом пальто и зимних сапогах для жены, частная собственность на землю? За это может проголосовать только тот, кто мечтает о большой квартире для большой семьи в престижном районе Минска. Эта квартира будет дорого стоить, поэтому он голосует за свободное предпринимательство, чтобы иметь возможность много зарабатывать. Зачем человеку, чьи представления о будущем не простираются дальше уик-енда в деревне у тещи с хорошей выпивкой, европейская открытость? Она нужна только тому, кто мечтает слушать лекции Жака Дерриды в Сорбоне, тому, кто мечтает услышать оперу в Ла Скала.

[50] Оплот и опора современного режима Лукашенко. Выражения «голосовать за коммунистов», «опора коммунистов на выборах» потеряли практический смысл, если под коммунистами мы имеем в виду партии (2006).

Содержательное многообразие мечты как идеального плана мышления необъятно, бессмысленно пытаться его описывать и фиксировать. Достаточно сказать, что содержанием мечты выступают идеалы того, «кем я хочу быть и что я хочу иметь». Великая Американская Мечта свойственна не только американцам, но всем тем, кто во всем мире стремится в Америку (как пилигримы и пионеры), где они видят возможность стать тем, кем хотят стать, иметь то, что хотят. По содержанию Великая Американская Мечта ничем не отличается от Великой Беларусской Мечты или любой другой. Великая Мечта — это то, что индивидуальный человек представляет об идеальном самом себе. Америка отличается от некоторых других стран тем, что там о Великой Мечте говорят вслух, никому не навязывают содержание Мечты, не ограничивают ее ни в пространстве, ни во времени, ни в формах воплощения. Говорить о Великой Мечте как о Беларусской можно только в том смысле, что существуют носители Великой Мечты, для которых Беларусь есть место ее воплощения, а воплощается она всегда в индивидуальном человеке, где бы он ни жил.

«Все это банально, — скажет кое-кто из читателей, дочитавших до этого места, — снова рассуждения о примитивности менталитета, о том, что беларусы не доросли». Не совсем так. Речь не о том, что кто-то до чего-то не дорос. Речь о выводах, которые необходимо сделать из всего сказанного.

Вывод первый. Предложения Р1 в Беларуси реально не было сделано[51]. Политические партии и силы, соперничавшие на майских выборах, соревновались в том, чтобы убедить избирателей, что именно они лучше справятся с реализацией предложения Р2. Поэтому носители Великой Беларусской Мечты проигнорировали майские выборы, у них не было альтернативы. В данном случае сказывается рациональная природа мечты, со свойственной рациональности критичностью. Уж если демократические партии и политики не могут самоорганизоваться, то как они смогут обустроить страну? Демократические политики и сами понимали шаткость своей позиции, поэтому осмеливались только оспаривать у левых инициативу в предложениях Р2. В беларусской политике некому представлять Великую Беларусскую Мечту.

Вывод второй. Мечта принадлежит индивидуальному сознанию, а в общественном сознании она представлена тем, что демонстрируется в качестве образцов для подражания и сравнения. Если в Беларуси и есть носители Великой Беларусской Мечты, то они так тщательно замаскировались, что их не видно и не слышно. В Америке гордятся своими достижениями, а в Беларуси их прячут. Американцы и европейцы с удовольствием демонстрируют свой успех, а в Беларуси принято хвалиться своей нищетой и убожеством. Американцы знают своих звезд, миллионеров, героев, дети

[51] Речь идет о ситуации 1995 года, в последующие годы режим частично перехватил идеи Р1. Теперь уже Лукашенко является гарантом независимости, и с его экономической программой связывается достижение современных стандартов жизни. Особенно забавно было сравнивать агитки к референдуму 2004 года с программными идеями демократов начала 90-х годов (2006).

стремятся им подражать, взрослые используют их образцы как критерии оценки своего успеха. А в Беларуси? Кто-нибудь видел список беларусских миллионеров? Нет, никто из них не станет светиться, чтобы не давать повода рэкету или службе контроля президента. Но без этого демократическое большинство и впредь будет говорить только о дешевой колбасе, а без Великой Мечты голосовать за репрессии против тех, кто успешнее других в реализации своей мечты.

В контексте Великой Беларусской Мечты лозунги «Великой Беларуси от моря до моря» (или «Великий Союз», как вариант) есть демагогия. Маленькая суверенная страна и сверхдержавы одинаково убоги в свете Великой Мечты, если в них человек лишен возможности стать тем, кем он хочет, иметь то, что он хочет. Они же одинаково велики, если предоставляют человеку возможности максимальной самореализации.

Разговоры о трудолюбии беларусов, их дружелюбии, терпимости и т. д. есть демагогия, поскольку в отсутствии в массовом сознании Великой Мечты нет критериев оценки трудолюбия. Американский фермер и немецкий рабочий, имеющие массу свободного времени, не сравнимы по критерию трудолюбия с бенгальским рисоводом, не разгибающим спины, или беларусским рабочим, выкладывающимся на заводе, а потом — на своих 6 сотках. Американец и немец работают столько, сколько требует их мечта, а бенгалец и беларус работают потому, что иначе не выжить.

Что препятствует появлению Великой Беларусской Мечты на экране массового сознания? Только две вещи — инстинкты и ностальгия.

Инстинкты: Страх, что отберут тот минимум, что удалось заработать. Зависть к тем, кто успешнее. Лень, сужающая горизонты идеального. Жадность, не позволяющая вкладывать в общее дело (проще дать взятку чиновнику, чтобы оставил в покое меня, чем финансировать соблюдение прав для всех). Коллективизм — с боязнью выделиться и ревностью к выделяющимся. Чувство мести к тем, кто якобы лишил простых советских людей «безоблачного будущего». Наивная вера в коммунистический «рай». Бессознательный перенос вины «с больной головы на здоровую».

Ностальгия: Тоска по простому и бездумному советскому «инфантилизму», когда все решали «сверху». Неизбывное сожаление об утраченном и эмоциональное разукрашивание прошлого в «розовый цвет».

Инстинкты и ностальгия оформляются в идеологию коммунизма и национализма, а также в миссию интеллигенции.

Коммунизм культивирует зависть и инфантилизм. Коммунизм без рефлексии отвечает на вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?» Не важно, кто именно виноват сегодня. Важно, чтобы виновный постоянно находился. Буржуазия, империалисты, демократы, западные спецслужбы и т. д. Что делать? Всегда — делить. Не устраивает одна форма дележа, придумаем другую. Кого-то обидели в дележе? Переделим. Главное – не выпускать из рук право делить.

Национализм иногда солидарен с коммунизмом, только вместо пролетариата проявляет заботу об этносе. Коммунистический дележ был неспра-

ведливым – нужно все переделить в пользу беларусов. От коммунизма национализм отличается только одним. Коллективизм классовый он заменяет коллективизмом этническим. Беларусские националисты «мечтают» быть как русские. В их представлении беларусский народ такой же, как русский, но беда только в том, что они пытаются копировать негативные и мифические черты русских, а для подражания в достоинствах не хватает воли, энергии и ума. Подстановка вместо «русских» в националистическую формулу мнимости беларусского этноса «славян» сути дела не меняет. Фразеология может быть разной, а суть дела одна и та же у всех националистов: собственно беларусских, литвинских, панславистских Славянского Собора «Белая Русь» или президентских. Национализм не приемлет индивидуальной Великой Беларусской Мечты, он ставит на ее место этнический коллективизм.

И коммунизм, и национализм — дело рук и умов интеллигенции. Инстинктивное чувство собственной важности и значимости не позволяет интеллигенции допускать иных форм рациональности, чем те, в которых воспитывались ее представители. Привычка мыслить себя классом, прослойкой, группой в составе народа, который интеллигенция сама же и придумала, узурпация права выступать от имени этого народа, формулировать за всех идеологию делает интеллигенцию врагом Великой Мечты. Интеллигенция выращивает внутри себя авторов всех коллективистских идеологий, «носится со своими идеологиями как с писаной торбой». Поэтому всех носителей индивидуалистической Великой Мечты воспринимает как врагов.

Пока в Беларуси будут доминировать любые идеологии, Великой Беларусской Мечте не будет места. Сначала Великая Мечта, а только потом идеологии. При наличии Великой Мечты идеологии безвредны. При наличии Великой Мечты можно выбрать разумный путь между инстинктом и разумом.

В 1995 году Беларусь продолжает движение по ностальгической «Дороге к рабству» (тоже хайековский термин), альтернативы индивидуалистической Великой Беларусской Мечте — нет.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Во второй половине XIX века, в эпоху Мечникова и Пастера, вся Европа страдала от родовой лихорадки, от которой умирали роженицы и новорожденные. Молодой австрийский врач обнаружил, что причиной переноса лихорадки являются немытые руки хирургов, акушеров, гинекологов и патологоанатомов. Он сам стал мыть руки хлорной водой, и смертность резко упала. Людям двадцатого века этот или аналогичный способ снижения смертности кажется таким очевидным, но Игнац Филипп Зиммельвейль два десятка лет доказывал очевидную истину медицинскому сообществу Европы и умер непонятым, под насмешки таких светил тогдашней медицины, как Рудольф Вирхофф.

Врачи должны мыть руки перед операцией.

14 предшествующих глав описывают «антисанитарию» беларусской общественной жизни, и только в последней главе автор позволяет себе несколько положительных высказываний. Явная диспропорция? В художественной соцреалистической критике все это назвали бы очернительством. А как приходилось поступать Зиммельвейлю? Позитивная часть его «научного открытия» состоит в тезисе: дезинфицируйте руки перед операцией хлорной водой. А всю свою сознательную жизнь он доказывает, что врачи пренебрегают этим элементарным требованием, пишет про это статьи, собирает статистический материал по европейским больницам. Тома негативной информации на один простенький позитивный тезис. Еще один пример дают «Вехи», сборник-предупреждение российской интеллигенции. Стандартное отношение к «Вехам» в начале века состояло в том, что все заявляли: в сборнике нет позитива. А между тем позитив очевиден: устранение негатива. Российской интеллигенции рекомендовалось «мыть руки», в переносном смысле, или «прочистить мозги», почти в прямом.

То же самое в нашем случае. Знаний нет, логики нет, целесообразности нет, нравственности нет, денег нет, личностей нет. А что есть? В чем может состоять позитив? В «прочистке мозгов». После выхода на экраны «Покаяния» Абуладзе советской интеллигенции объясняли, что термин «покаяние» появился в древнеболгарском языке (и остался в языках православных славян) как эквивалент греческого слова метанойя, буквально означающего — «перемени ум». В перемене ума или в наведении порядка в мышлении и состоит позитив этого текста. «Разруха в головах порождает разруху вокруг», — заявляет Михаил Булгаков устами своего героя. «Если в стране есть духовность, то поезда ходят по расписанию, земля рожает хлеб, а матери — здоровых детей», — добавляет Герман Гессе.

Бесполезно наводить порядок в стране с разрухой в голове, бессмысленно проводить реформы в постсоветском мире и строить демократическое общество с советским мышлением, с «совковым» догматизмом и тоталитарными установками сознания.

Чтобы воспринять позитив из такого текста, как этот, нужно иметь только две вещи:

— современное европейское, не советское мышление;

— установку на то, что реформы и преобразования возможны и реальны, даже (?) в Беларуси (или веру в это, если угодно; без любви к Беларуси не может быть такой веры, а без веры не может быть мотивации даже для прочтения данного текста, не говоря уж о больших усилиях).

Известен анекдот про коммивояжеров обувной фирмы в Африке. Пессимист отправляет депешу: «Все пропало, вылетаю первым самолетом — здесь все ходят босыми». Оптимист телеграфирует: «Редкая удача, срочно высылайте образцы товара — здесь все ходят босыми». Смысл всего предшествующего текста — «в Беларуси все ходят босыми». Из констатации факта, что вся политика в Беларуси «босяцкая», следует ровно два альтернативных вывода:

— Пассивный вывод. Ничего сделать нельзя. Страна отсталая, народ темный, государство обречено на застой и деградацию. Нужно либо эмигрировать, либо смириться. Это вывод пессимистов «босяков-интеллигентов», которые не способны на самостоятельные действия, а могут только исполнять чужую волю и ворчать при этом. Ярким выразителем такого подхода является академик Михайлов и часть профессуры Европейского гуманитарного университета. Вся их деятельность направлена на воспроизводство ситуации, на получение очередного подтверждения того, что ничего в этой стране делать нельзя.

— Активный вывод. Отсутствие чего-либо есть повод начать это создавать. Все, что в Беларуси плохо или вообще отсутствует, должно быть переделано или создано заново. Это вывод оптимистов — активных ньюмейкеров.

Понятно, что первый вывод приводит к пренебрежительному отношению к своей стране, своему народу, к тому, что человек начинает тяготиться своим происхождением, мечтает покинуть Родину или включить ее в состав другого государства.

Точно так же понятно, что для выбора второго вывода необходима внутренняя энергия, которую дают: любовь к Родине, уверенность в собственных силах и чувство собственной полноценности.

Перечень различий между двумя типами субъектности, которые останавливаются на этих столь противоположных выводах, так велик, что можно было бы написать целую монографию о двух разновидностях homo sapiens.

Пассивный вывод	Активный вывод
ПАРАДИГМАТИКА	
внешняя наблюдательная	позиция включенности
абстрактное натуралистическое знание	конкретное техническое знание
неисторичность мышления	историческое мышление
позитивизм (материализм+эмпиризм)	рационализм+идеализм+реализм
СИНТАГМАТИКА	
потребительское отношение	технократическое (-логическое) отношение
объяснительное отношение	понимающее отношение
описание	проектирование и программирование
научный подход	инженерный подход
ПРАГМАТИКА	
утилитарное отношение	патриотизм
зависимость	свобода и ответственность
комплекс неполноценности	чувство полноценности
коллективизм	индивидуализм
социально-деятельностная укорененность	мобильность и адаптивность
покорность судьбе	самоактуализация
догматизм и риторичность	критичность и диалогичность
сензитивность (жизнь в очевидностях)	рефлексивность (формальность)

Это только поверхностный слой различий двух типов отношений, двух типов деятелей. Эти различия много раз описывались разными авторами, в разных подходах и в разных системах категорий. Поэт Киплинг: «Запад есть запад, восток есть восток». Карл Поппер: закрытое и открытое общество. Август Фридрих Хайек: узкий и расширенный порядок. Владимир Лефевр: американская и советская системы морали.

Если остановиться на киплинговском поэтическом видении различий, то придется констатировать: западу и востоку вовек не сойтись. Но можно и не останавливаться. Джордж Сорос принял попперовскую концепцию открытого и закрытого обществ не как описательную теорию, а как руководство к действию. Поппер и Хайек согласны в том, что открытое и закрытое общества (расширенный и узкий порядки) безразличны к природе человека. Люди везде и всегда люди, москвичи и минчане такие же, как парижане, лондонцы или бостонцы, «только квартирный вопрос их испортил». Значит, нужно решать этот проклятый «квартирный вопрос», нужно ликвидировать «узкий порядок коммунальных квартир». Сорос активно занимается этим в Беларуси. А сами беларусы?

Позитивная сторона всего изложенного состоит в том, что в Беларуси необходимо заниматься культурной политикой и гуманитарными технологиями. В общем виде задача культурной политики состоит в том, чтобы прекратить трансляцию норм закрытого общества и стимулировать трансляцию норм открытого общества, а реализовывать нужно только нормы открытого общества и расширенного порядка. Изменить направление процессов трансляции норм и образцов культуры можно только осваивая и развивая гуманитарные технологии.

Нельзя ожидать действий по нормам открытого общества от тех, кто знает только нормы и образцы закрытого общества. Классической моделью решения такой культурно-политической задачи является сорокалетний анабасис евреев по Синайской пустыне под водительством Моисея. Смена норм при такой модели происходит за счет естественной смертности людей. Представим себе, что Моисей сам жил бы и действовал как египетский раб. Тогда от такого вождения и вымирания нескольких поколений евреев времен «Исхода» не было бы никакого проку. Беда заблудившихся в «культурной пустыне» беларусов в том, что их вожатые не «Моисеи», а «Сусанины». Беларусские политическая, деловая и интеллектуальная элиты, зная нормы и образцы открытого общества, ведут себя и действуют в полном соответствии с нормами и образцами закрытого общества. Такая нерефлексивность и *памяркоўнасць* делают неразличимыми беларусских политиков (партии и персоналии) в глазах избирателей, «при всем богатстве выбора — альтернативы просто нет». В Беларуси нет политических партий и движений, действующих в режиме открытого общества и расширенного порядка. БНФ, ОДПБ, Грамада и прочие построены так же, как компартия — как «узкие» кружки лично знакомых людей со всем набором коммунальных отношений узкого порядка, со всеми традиционными атрибутами: блатом, личной преданностью, ограниченностью действий в преде-

лах личной активности, моральным ригоризмом, наивным эмпиризмом в знании и т. д. Классический пример — Станислав Шушкевич. Он не доверял никому, кроме своих друзей. Суждения о состоянии дел в стране формировал только на основе личных наблюдений и контактов. Игнорировал профессиональные услуги в подготовке решений и действовал, руководствуясь только тем, что понимал сам. Конечно, он умнее, нравственнее, образованнее, чем Лукашенко, но образ их действий и, особенно, образ мыслей полностью идентичен. Реформирование страны при Лукашенко идет с той же скоростью, что и при Шушкевиче, несмотря на то, что последний понимал суть реформ и был их сторонником, а первый не понимает ничего, судит обо всем посредством знаний семиклассника, регулярно читающего районную газету, и является врагом всех реформ.

Итак, что же из всего этого следует?

Я воспользуюсь порядком глав этой книги и буду двигаться от конца к началу.

15. Культурная политика и гуманитарные технологии.

Отставание Беларуси от всех соседних стран в проведении реформ и во введении в стране современных форм организации жизни и деятельности обусловлено тем, что можно обозначить как культурную катастрофу. Культура быта определяется образцами социалистического общежития или эстетикой хрущевских пятиэтажек. Культура производства делает наши товары неконкурентноспособными, дорогими и некачественными. Политическая культура выносит на поверхность проходимцев и некомпетентных людей. Правовая культура заставляет использовать коррупцию как единственный способ решения деловых проблем, споров и конфликтов.

Основная социокультурная проблема современной Беларуси состоит в том, что культурная традиция и действующие обычаи тянут в прошлое, в закрытое общество и узкий порядок, которые породили общий системный кризис, а позитивное разрешение кризиса возможно только иными культурными средствами, которые принадлежат будущему, открытому обществу и расширенному порядку. Или, проще говоря, проблема состоит в конфликте старого и нового, прошлого и будущего.

Общее решение этой проблемы формулируется словами неокантианца Лотце: «То, что должно быть, является основанием того, что есть». Т. е. будущее определяет то, что сегодня реально есть, а то, что тянется из прошлого, уже «как бы» не существует. Культурные традиции прошлого доминируют в обыденном сознании, в памяти людей, в ностальгической фантазии, но они не реальны, а фантомны. Нормы и образцы жизни и деятельности, сформированные культурной традицией прошлого, есть призраки или фантомы, а редкие и малоприметные проявления норм и образцов будущего реальны. Если так относиться к проблеме, то каждый беларус встает перед выбором: чем руководствоваться в своих собственных действиях, в своей собственной жизни — стереотипами и предрассудками прошлой традиции, т. е. фантомами, или осваивать и реализовывать новые нормы и образцы?

Реализация новых норм и образцов — дело трудное. Сначала их необходимо освоить, понять и приноровиться по ним жить. Представим себе, что новые образцы освоил только один беларус. Тогда он оказывается в ситуации, когда «все идут не в ногу, а он один — в ногу». Он оказывается перед необходимостью жить и действовать не так, как все. Это почти невозможно. Почти, потому что есть только один способ так жить и действовать, в это нужно играть. То есть жить и действовать так, «как будто бы в Беларуси есть демократия, право, собственность, институт личности, гражданские свободы». Относиться к властям и гражданам так, что за реальность принимается то, какими они могут и должны быть, а не так, как власти и граждане видят себя в своих ностальгических фантазиях, как они «помнят себя советскими». Играя во взрослых, дети становятся взрослыми, играя в свободную правовую и демократическую Беларусь, мы сделаем ее таковой.

В этом и состоит культурная политика. Знак реальности и значимости ставится не на явлениях и фактах, которые распространены и часто встречаются, а на том, что представляет собой проявление будущего в современности.

До сих пор беларусские политики действовали по-другому. Они говорили: «конечно, мы знаем, как правильно, но народ нас не поймет, поэтому будем действовать так, чтобы понравиться народу». Это целиком лживая позиция. Такая политика ничуть не больше имеет дело с реальным народом, чем противоположная ей. Народ в любом случае берется из представлений политиков, а не из реальности. До тех пор пока политики представляют себе беларусский народ советским, он и будет оставаться советским, последним советским народом из всех наций бывшего СССР. Типичным контрпримером или возражением против такой «некультурной политики» является дискуссия о «шоковой терапии» во всех странах с переходной экономикой. Все правительства, в чьих странах реформы идут, пошли на «шоковую терапию», и народы этих стран приняли такую политику. Ее приняли бы и беларусы. Народы, как категория политической действительности, таковы, какими им предстоит стать, а не таковы, какими они были в мифическом прошлом. Только в Беларуси (может быть еще на Украине) этого не понимают.

Культурная политика направлена, в первую очередь, на мышление и сознание политиков. Если тезис об отсталости беларусского народа хоть в каком-то смысле справедлив, то только в том, что отсталыми являются беларусские элиты с их несовременным мышлением и советским менталитетом.

Итак, общий позитивный тезис состоит в необходимости культурной политики или игры в демократическую Беларусь. Реализоваться культурная политика должна как гуманитарные технологии.

Гуманитарные технологии — это то, что замещает собой культурные традиции. Жизнь и деятельность людей определяется культурными нормами, образцами, эталонами и прототипами. Люди выдвигают цели и достигают их так, как умеют. Если имеющиеся в наличии известные, принимаемые по умолчанию, неписанные нормы и эталоны позволяют достигать поставлен-

ных целей, можно говорить о существовании культурной традиции. Если нет, то приходится изобретать и осваивать другие, нетрадиционные, нормы и образцы жизни и деятельности. В этом и состоит технология. В традиции и в технологии нормы жизни и деятельности предшествуют реализации действий по достижению целей. Но в традиции эти нормы берутся из прошлого или из транслирующей прошлое памяти, а в технологии нормы проектируются в мышлении, т. е. берутся из будущего. Традиция строительства домов толокой возможна только тогда, когда все дома строятся такими, какими их строили многие поколения предков. Если нужно построить дом новой конструкции, то нужно организовать проектирование, разработать прорабскую программу, создать новые материалы и ввести технологию строительства.

Продукты производственно-товарных технологий «проживают» цикл от демонстрационного образца, выходящего из-под рук изобретателя-творца, через выставочные товары для отдельных потребителей, до серийного и массового товара, доминирующего на рынке. Продукты гуманитарных технологий имеют такой же цикл жизни: от первых прецедентов нетрадиционного, «вызывающего» поведения и действия, через моду и культивирование такого поведения и образа действия в элитарных кругах, до распространенности нового поведения и образа действия в широких слоях населения. Когда новое поведение и образ действия становятся само собой разумеющимися, перестают требовать искусственного культивирования и артикулированной демонстративности — кончается сфера технологии и начинается традиция.

Гуманитарные технологии противостоят традиции, а реализуют гуманитарные технологии ньюмейкеры, те, кто делают новое.

Тогда культурная политика — это игра, в которую играют ньюмейкеры, отказавшиеся от традиции, проектирующие и простраивающие свои игровые ходы как действия в рамках гуманитарных технологий.

14. Беларусская мечта.

Кто может рассматриваться как ньюмейкер? Понятно, что если цели человека берутся из прошлого, то они не могут быть новыми. Если цели новые, то их нет в прошлом, нет в традиции. Можно представить себе человека, который поставил себе целью приобретение собственного самолета, в ситуации, когда все самолеты находятся только в общественной собственности. Такой человек может показать свою цель, она есть в прошлом. И он сам, и другие люди летали самолетами. Но когда-то люди изобрели самолет, сделали то, чего раньше никогда не было. Где был самолет, когда конструировался и мастерился первый экземпляр? Он был в мечте создателя самолета. Самолета не было в прошлом, но он был реален как явление будущего, реален как мечта ньюмейкера — реализатора нового, делателя будущего. Будущее делается из материала будущего. Из ничего ничего не возникает. В прошлом могли быть детали и узлы самолета, но не сам самолет. Поэтому самолет мог быть сделан только из «материала мечты».

Коммунисты, в помыслах которых место Республики Беларусь занято Белорусской Советской Социалистической Республикой, не способны со-

здать новую Беларусь. Националисты, в помыслах которых место Республики Беларусь занято Великим княжеством Литовским, не способны создать новую Беларусь. Ни у тех, ни у других нет материала для делания нового, они не ньюмейкеры, а толпа на толоке. Их активность и энергия способны произвести на свет копию той или иной версии прошлого. Габриель Гарсия Маркес говорил: «Из вчерашней пыли образована сегодняшняя грязь». Сколько ни высушивай сегодняшнюю грязь, ничего кроме вчерашней пыли не получится, а из нее может получиться только та же грязь.

В советских гуманитарных технологиях категория мечты подразделялась на две противопоставляемые части: «высокая и светлая» и «низкая, приземленная и обывательская». Я говорю здесь именно о той обывательской мечте, которую советские гуманитарии считали низкой и недостойной советского человека. Культивирование такого отношения привело к тому, что советский человек приобрел привычку и обычай «мечтательности» и жизни в фантазиях. «Сидят в грязи рабочие, промокший хлеб жуют». Советский человек натренирован жить в грязи, жевать промокший хлеб, потому что «через четыре года здесь будет город-сад». Прошло четыре, сорок четыре и больше лет, а город-сад по-прежнему «высокая и офигенно чистая мечта». Такое подразделение мечты на низкую и высокую есть ложь и манипуляция массовым сознанием в корыстных целях. Вместо того чтобы мечтать о достижимой чистоте и нормальном хлебе, рабочие смиряются с мокрым хлебом и грязью. Простой вкусный хлеб, чистота в городе, нормальные условия труда и быта — недостойные с точки зрения такого гуманитарного подхода цели. Но при отсутствии этой «низкой обывательской» мечты никогда не будет элементарного порядка и нормальной жизни. Необходима Простая Обывательская Индивидуальная Великая Беларусская Мечта. Деление мечты на высокую и низкую — открытая дорога к рабству. Говорят, что академик Минц вспоминал, что лучше всего ему работалось в шарашке, то есть в тюрьме. Беларусы, мечтающие о колбасе за 3,20 и о грядущем царстве коммунистических «свободы, равенства, братства», готовы мириться с попранием гражданских прав и свобод. «Высокая и офигенно чистая мечта» совместима с колбасой за 3,20, грязью и мокрым хлебом, подавлением свободы. Более того, высокая мечта выступает оправданием грязи, некачественных продуктов, диктатуры и хамства властей, «так нужно для построения города-сада». Простая обывательская мечта не совместима с грязью, диктатурой, ограничением свободы. Индивидуалистическая мечта дает человеку чувство собственного достоинства и непримиримости к элементарным безобразиям. Впрочем, это не единственный случай, когда советские гуманитарные технологии ставят все с ног на голову.

Я вовсе не против высокой мечты, не против того, что Альтшуллер называет Достойной Целью. Но это составляет предмет кустарного производства, а не массового, поэтому не относится к сфере технологии. Технологии, гуманитарные в том числе, присутствуют там, где речь идет о массовом производстве, о стандартах и транслируемых образцах.

Обычно категория мечты используется теми, кто считает себя реалистами и прагматиками, как ругательство, как синоним непрактичности. И напрасно. В рамках гуманитарных технологий эта категория очень практична. Ньюмейкером можно стать только мечтая. Понять ньюмейкера, помогать ему или принять его действия как реальность можно только соотнося эти действия с представлением о будущем. Поэтому работа с мечтой становится одной из центральных задач культурной политики. Что означает работа с мечтой?

Мечтая, человек примеряет к себе желаемое будущее. Чтобы примерять желаемое, его необходимо представлять себе с той или иной степенью ясности. Визуализация желаемого будущего до максимально достижимой ясности и есть работа с мечтой. Чтобы мечтать о собственном автомобиле, самолете или доме, их нужно видеть у других, щупать, трогать. Мечтать о компьютере ребенок начинает только тогда, когда поиграет на нем, повозится с ним. Необходимо показывать образцы хорошей жизни всем, это расширяет пространство мечты. Тот же Маркес вспоминает свое пребывание в СССР во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Советские люди доброжелательно и с интересом относились к гостям фестиваля, но редко приглашали их в гости к себе домой. Те же, кто осмеливался пригласить иностранца домой, «думали, что могут это сделать потому, что живут хорошо, — говорит Маркес и добавляет — но жили они плохо». Представления о хорошей жизни у советских людей убоги только потому, что для них не визуализирована хорошая современная жизнь.

Понимание места мечты в рамках гуманитарных технологий заставляет пересмотреть отношение к беларусским средствам массовой информации, к рекламе, к стандартам потребления, к образу жизни, нравам и обычаям ньюмейкеров. Шушкевич не ньюмейкер, он обычный советский человек (или *памяркоўны* беларус), поскольку атрибутика его образа в глазах тех, кто способен мечтать, не соотносится с представлением о будущем. Имидж нового человека должен быть оформлен через атрибутику визуализированных образов ньюмейкеров. 1994 год принес две потрясающие истории. Глава государства и парламента в начале года отстранен от должности за кражу двух ящиков гвоздей, будущий глава государства в разгар президентской предвыборной кампании обвиняется в краже парфюмерии и конфет у стюардессы. Независимо от того, имели ли место эти факты в действительности, потрясающим является факт приписывания таких действий первым лицам государства, а также органичности и совместимости таких действий с образом главы государства. От беларусского главы государства электорат ожидает поведения и образа действия кухарки. Удивительное совпадение социальных экспектаций и инспектаций.

Любая мечта принадлежит сфере идеального. Коротко цель работы с мечтой можно обозначить как расширение плана идеального. Технологическая работа с мечтой затрагивает сферу рекламы, того, что принято называть «желтой прессой», индустрию досуга и отдыха, моду, потребительские стандарты, образ жизни и быт тех, кто претендует на ньюмейкерство. Ньюмейке-

ры! Организуйте сначала свою жизнь по современным образцам! Не скрывайте образцов! «Ибо, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме».

Беларусы направят свои мечты, помыслы и энергию к лучшей жизни только в том случае, если лучшая жизнь «им светит». А тем, кому «светит лучшая жизнь», не по пути с Лукашенко и реставраторами социализма. Пока беларусские политики не станут технологически работать с мечтой, с развитием представлений о будущем, а будут суетиться в сиюминутной борьбе за власть, будущее «им не светит».

13. Масс-медиа

Пожалуй, нет такого политика в Беларуси, который не понимал бы роль и значение средств массовой информации в общественной и политической жизни. Но это понимание содержит в себе дефекты советского подхода. Содержательно роль и место СМИ трактуется в соответствии с ленинским тезисом о том, что «газета не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор». Любой политик или бизнесмен в Беларуси норовит обзавестись партийной или «личной» газетой. «Большевизм» в масс-медиа плодит множество партийно-ангажированных (если не сказать сильнее) газет, передач, издательств. Беларусские СМИ скучны, бездарны и, главное, неэффективны.

По БТ часто «крутят» рекламу задвижек какого-то мозырьского завода сантехнического оборудования. Герой ролика произносит фразу, адресованную своему несчастному коллеге: Вася, звони в Мозырь по такому-то телефону. Несчастное БТ и беларусский телезритель, несчастный завод-рекламодатель. Предназначенная действительно только одному Васе информация преподносится всей стране по национальному телевидению. Может быть, дикторы БТ скоро станут выполнять функции пейджеров и передавать сообщения частных лиц частным лицам: Петя для Васи, Вася для Муси.

Нет ничего глупее партийных газет, государственного телевидения и вообще беларусских средств массовой информации. Информация может быть адресной и индивидуальной, а может быть массовой. Массовой информации в Беларуси нет. Телевидение стало личным средством односторонней коммуникации президента. Газеты используются вместо справочников, партийной связи, официальной переписки, только не по назначению.

Для культурной политики и гуманитарных технологий здесь непочатый край работы. То, что нужно сказать об этом, не вмещается в короткую главу. Остановимся на том, что эту работу необходимо делать, причем делать практически заново, и ограничимся только одной иллюстрацией. В первые месяцы моего пребывания в Минске мне предложили участвовать в проектировании и запуске новой информационно-аналитической телепередачи. Приступая к проектированию, я понимал, как просто можно сделать лучшую передачу на БТ. Возьмем это в качестве примера.

Парадокс «Проспекта»

Лучшая телепередача 1994 года на беларусском телевидении в отно-

шении профессионального исполнения была обычной халтурой[52]. В ней не было новостей (какие новости при еженедельном выходе), в ней не было аналитики (какая аналитика, если передача строится на информации, которая неизвестна телезрителю заранее, и ее приходится приводить в самой передаче). Павел Шеремет своей активностью и смелостью компенсировал недостаток всех профессиональных норм. Он делал репортажи с большим опозданием, которые привлекали к себе интерес только потому, что весь остальной эфир был пуст. Интерес к передаче держался на том, что в ней показывалось то, о чем говорят, сплетничают и догадываются. Ее успех обусловлен низким уровнем всего остального телевидения. Шеремет — талантливый журналист, именно поэтому его выжили с телевидения. Яркое пятно на сером фоне режет глаз и раздражает «эстетические чувства». То же самое проявляется в феноменах газет «Европейское время», «Белорусская деловая газета» и «Имя»[53]. Поражает тот минимум усилий, который необходим, чтобы сделать «Имя» в беларусской журналистике.

Очевидна бедность и техническая отсталость беларусских масс-медиа. Но даже при имеющихся средствах можно создавать нормальную коммуникативную среду. Вопрос упирается в квалификацию, сознание и нравственность тех людей, которые в этой сфере работают. Техническая отсталость будет преодолена только тогда, когда задачи будут требовать технического перевооружения. Правильная постановка задач — первый шаг в этом направлении культурной политики. А готовность (квалификация) их решать — основной предмет этого подраздела гуманитарных технологий.

Журналисты не больше чем любые другие жители Беларуси разбираются в происходящих в стране процессах. Они и не должны разбираться лучше. В профессиональном мышлении журналистов необходимо навести понятийный порядок. Нужно ввести понятия информации, новостей, массовой коммуникации и т. д. Нужно различить мнения и суждения, комментарии и экспертные оценки, концептуально проработать жанры и типы информации, формы и методы коммуникации, тренировать специализации репортеров, обозревателей, фельетонистов, публицистов и т. д. Сегодня журналистом в Беларуси может быть любой, а это показатель отсутствия профессии как социально-деятельностного института.

12. Персоналии

Люди не равны между собой как личности, деятели, мыслители, любовники и т. д. Люди равны только по отношению к праву и закону. Равенство

[52] Речь идет об еженедельной аналитической передаче «Проспект», которая впервые вышла в эфир на следующий день после первого тура выборов президента. «Проспект» изначально проектировался АГТ и ФИТом так, чтобы сразу же стать лучшей и центральной передачей на БТ. Это было легко достижимо. Автор, как участник этого проектирования, утверждает, что это свидетельствует не столько об высоком уровне проектирования, сколько о низком уровне БТ того времени. Аналогичную задачу автор решал с ток-шоу «Выбор» через 9 лет, когда все стало гораздо труднее в техническом отношении (2006).

[53] Ни одна из этих газет не дожила до наших дней. Последней пала в этом году БДГ (2006).

людей как лозунг демократии предполагает терминологическую синонимию равенство — равноправие. Мужчины и женщины могут быть равноправны, это справедливо и реально достижимо, но они не могут быть равны или одинаковы. Президент и кухарка равны перед законом, но не равны по своим способностям исполнять свое призвание в жизни. В мире людей неравенство есть фундаментальный принцип развития и прогресса. Люди соревнуются между собой за любовь, за авторитет, славу, спортивные достижения и прочее. Поэтому всегда были, есть и будут те, кого больше, чем других, любят, те, кто способнее других, сильнее, умнее, талантливее. Культура содержит в себе множество механизмов отбора умных, талантливых, смелых и решительных. Отмените эти механизмы — и человечество быстро деградирует к животному состоянию. В Беларуси эти механизмы не работают. Возьмем несколько механизмов для примера.

Элементарные способности. В своей двухчасовой речи 2 октября президент Беларуси озвучил множество предрассудков массового советского сознания. (Кстати, Брежнев говорил много и ни о чем, Горбачев высказывал порой дельные вещи, которые не мог реализовать, резонерство Лукашенко представляет собой уникальный случай, когда полуграмотный человек, сам того не желая, высказывает содержание предрассудков, мифов и устаревших догм, которые определяют убогость нашей жизни, но редко озвучиваются. Если это высказывает директор совхоза, его никто не слышит, а теперь эти глупости звучат на весь мир. Нет лучшего способа дискредитации «совковости», чем то, что делает Лукашенко.) Малозаметный штрих в его речи касался студенческих стипендий. «Мы будем платить стипендию тем троечникам, которые регулярно посещают занятия», — говорит президент. Давайте подумаем. Если студент редко посещает занятия и может осваивать предмет по минимуму, на тройку — это плохо. Такой студент — бездельник, или у него тяжелый период в жизни, мешающий ходить на лекции. Но он сообразителен и способен к учебе — малыми усилиями достигает результата, хоть и минимального. Другой студент регулярно ходит на лекции и «упорно занимается», но получает те же тройки. Скорее всего, он просто полная бездарность или занимается не своим делом, поскольку большими усилиями достигает того, что другому дается малыми. Президент предлагает государству заботиться о таких бездарностях. Если государству не нужны способные и талантливые, то поступать нужно именно так. Гуманитарные технологии — это очень просто. Хотите бездарных и серых исполнителей с якобы высшим образованием — проявляйте заботу о них. Не допускайте мысли о том, что высшее образование не для всех, что никто не гонит людей в вузы. При всей массовости современного высшего образования оно составляет достояние, пусть не элиты, но все же некоторой наиболее способной и деятельной части общества. Государство **может гарантировать любому** получение высшего образования, **но обеспечивает не каждому**, а только тому, кто способен. Олимпийский принцип: не побеждать, а участвовать — не применим в практической жизни.

Авторитет. Институт авторитета в культуре выполняет несколько функций: отбор проверенного и надежного знания, отбор талантливых и ответственных людей, экономия общественного времени на прояснение сложных вопросов и проблем, гарантия культурности тех или иных решений и т. д. Чтобы институт авторитета срабатывал, в культуре должен выполняться ряд условий: состязательность, критика, гарантия интеллектуальной собственности.

В Беларуси никто не состязается за репутацию авторитетного мнения. Мнение недоучившегося бухгалтера или колхозного экономиста считается равным мнению профессора и руководителя Национального банка. Никто не отслеживает мнения и суждения тех, кто чаще других оказывается прав. Человек может год за годом нести глупости, совершать ошибки, заблуждаться в оценках, но остается на том же месте и в том же качестве. Другой может быть точным в оценках и прогнозах, предлагать реальные решения проблем, но его авторитет при этом не поднимается. В Беларуси никто не помнит тех, кто первыми предлагает какие-то решения, совершает полезные действия. В сфере авторитета действует такая же инфляция, как в сфере финансов, — авторитет невозможно накопить. Авторитет крепится за местом (креслом, портфелем, должностью), но не за личностью. Состязания за авторитет, за репутацию возможны только тогда, когда в социокультурный институт авторитета встроены механизмы фиксации достижений, награды за достижения, критика и «судейство». Президент не выполнил ни одного предвыборного обещания, а его рейтинг держится на том же уровне. Почему? Потому что нет механизма фиксации и регистрации достижений.

Какой авторитет может быть у самого талантливого академика, если кандидатские и докторские диссертации защищаются без состязательности, если не ведутся реестры достижений (индекса цитирования, распространения идей, числа учеников), не патентуются изобретения? Все беларусские профессора и доктора равны, их мнения неразличимы между собой. Мнения компилятора и мнения действительного специалиста одинаково воздействуют на широкую публику. А это абсурдно.

Механизмы формирования авторитета, которые должны осуществлять отбор и селекцию людей в нормально функционирующем обществе, в Беларуси выполняют строго обратную функцию — нивелируют и уравнивают. Социально-культурные цензы и фильтры, выявляющие нестандартных, творческих и талантливых, — только часть технологической цепочки, дальше необходимо работать с выявленным материалом. Социалистические традиции содержат в себе процедуры выявления нестандартных и талантливых людей, но дальше все построено таким образом, чтобы выявленные «таланты закапывать в землю».

Все талантливое и нестандартное выявляется в состязательности, но не все выявленное полезно. Все талантливое и нестандартное должно подвергаться жесточайшей критике, находиться под пристальным вниманием анализа и экспертизы. Вместо этого в Беларуси все, что отличается от стандарта, игнорируется. Критика и экспертиза определяют целесообразность, по-

лезность и жизнеспособность нестандартного. Расставляются рейтинги, присваиваются знаки отличия. После того как это проделано, деяния крепятся за персоналиями в виде авторитета.

После того как установлены рейтинги и сформирован авторитет, проявляется проблема интеллектуальной собственности. В социалистической системе отношений любой успех делится на коллектив. У любого достижения всегда оказывается множество примазавшихся авторов, а настоящий автор теряется в этой массе. Наоборот, неудачи тоже делятся на всех, в результате никогда не удается найти истинных виновников провалов, ошибок и даже преступлений.

Длительное культивирование такого отношения к персональным достижениям, к такой технологии авторитета привело к тому, что Беларусь стала безлюдной страной. Самые важные дела поручаются людям, у которых нет ни ума, ни таланта, ни элементарного понимания для реализации этих дел. А когда нужно найти для решения важной задачи способного исполнителя, оказывается, что отсутствуют механизмы такого поиска, и приходится довольствоваться случайно подвернувшимися фигурами. Где беларусский Бальцерович или Бразаускас? Как их найти? Кто возьмет на себя программу приватизации? Где беларусский Чубайс?

Демократия — это когда любой может стать президентом, любой, но не каждый. Несчастна та страна, где каждый и любой не различаются. Любой может вступить в состязание за право быть национальным авторитетом, лидером и президентом, а стать им должен достойнейший. Технология отбора достойнейших и есть гуманитарная технология работы с материалом персоналий. Дело само по себе нехитрое. Но нужна элементарная гуманитарная подготовка для организации такой технологии. Мне уже приходилось иронизировать по поводу прецедента, когда президент страны предложил президенту Академии наук составить список умнейших и талантливых, по существу назначить их чиновничьим приказом («Алло! Мы ищем таланты» // «Беларусская маладзёжная» № 7 за 1994 год). Беда, коль пироги начнет печь сапожник.

Цель культурной политики в отношении персоналий состоит в контроле над распространением эгалитарности на те области жизни и деятельности, для которых она противопоказана, и в культивировании элитарности (и, соответственно, наоборот), в запуске механизмов авторитета, интеллектуальной собственности, создания цензов профессионализма и творчества. Гуманитарных технологий для достижения этой цели существует достаточно, дело только за внедрением.

11. Власть

Трактовка власти по революционной теории марксизма состоит в насилии и подавлении. Такое узкое и неверное по существу представление лежит в основе государственного устройства Беларуси. Мало того, что такое представление неверно, для Беларуси оно еще и неэффективно. Беларусь — маленькая страна, еще меньше в ней условий для прямого насилия и проблем, где насилие было бы необходимым. В главе «Выборы и власть» я оста-

навливался на трактовке власти как номинации. Власть в современном мире базируется на праве называть вещи теми или иными именами. Атрибутами имен или функциями номинации являются иллокутивная и перлокутивная силы, которые вместе с глагольным повелительным наклонением и составляют властную функцию речи-языка. Язык и речь тоже могут выступать инструментами насилия, но даже в этой функции они не сопоставимы с физическим и правовым насилием.

При понимании власти как номинации особое значение приобретает теоретическая работа с содержанием имен. В рамках теоретической работы имена становятся терминами и логическими понятиями. Теоретическое мышление выполняет по отношению к власти функцию рационализации воли. Проявления воли становятся разумными. Все диктаторские и фашистские режимы поощряли и стимулировали иррациональные концепции воли и власти. Теоретики третьего рейха приписывали инстинкт власти представителям арийской расы. Нередко воля, власть и властность рассматриваются как атрибуты «крови», аристократического происхождения или харизмы. Право давать имена, наделенные волевым импульсом, побуждающие к действию, в таком подходе однозначно присваивалось авторитету «власть имеющих». В XX веке этот подход полностью дискредитирован. Право давать имена закрепляется за теорией. Именно поэтому в XX веке власть деидеологизирована. Определяющее значение в этих рамках приобретает различие между «языком мысли» и «языком действия». Остановимся на этом подробнее.

Теоретический язык мысли схватывает отношение между знаком и значением того, о чем судится или высказывается, а язык действия строится на отношении знака и смысла. Значение, или объективное содержание, вещей, представленных в знаках (терминах, категориях и понятиях) теоретического языка, безразлично к тому, как люди к нему относятся, а смысл, или субъективное содержание вещей, представленных в знаках языка действия, состоит именно в том или ином отношении людей к ним.

В теоретическом языке мы говорим «рынок» и имеем в виду определенный (построенный на обмене) тип хозяйственных связей в производстве, распределении и потреблении продуктов деятельности и культуры. А в языке действия мы говорим «рынок» и имеем в виду либо цель, либо антицель, мы либо утверждаем: рынок — это хорошо, либо, наоборот, рынок есть зло.

Теоретический язык не пригоден для технической функции в политике и в гуманитарных технологиях, он не способен выполнять функцию организации действия и функцию руководства действием, он организует только мысль. Язык действия выполняет функцию руководства, на нем можно сформулировать тезис: будем строить рынок (или не будем строить и т. д.). В теоретическом языке безразлично, кто говорит, а в языке действия — напротив, все определяется этим. Аристократ или харизматический лидер может сказать: «бей жидов, буржуев и пр.» или «заводы — запускай», и его вассалы или адепты будут это делать. До тех пор пока такое возможно, эффективна идеология как форма организации общественного сознания и условие реализа-

ции власти. В современной демократии такое невозможно, поэтому — неэффективна идеология, харизматические лидеры превращаются в шутов. Язык действия в современном мире является производным от теоретического языка, а не от идеологии, построенной на харизме или на праве аристократии называть хорошее — хорошим, плохое — плохим.

Тогда, механизм реализации власти в современном мире строится так:

1 — теория формулирует объективное значение X;

2 — теоретический язык присваивает объекту X знак-термин Xi;

3 — термин Xi теоретического языка переносится с объективного значения X на цель действия Xj;

4 — цель формулируется на языке действия: «делаем X, Xi, Xj».

В изолированном последнем высказывании «делаем Xj» нет ни значения, ни смысла. Это голая идеологема, и в условиях современной демократии она полностью бесплодна. Беларусские политики пользуются только такими высказываниями. Тем самым они симулируют власть. Симуляция — это такое явление, которое похоже на действие, но действием не является. Чтобы было действие, необходимо проделать 1-е, 2-е, 3-е и только потом 4-е.

Например: Вместо X подставим «приватизация». В России (Польше, Чехии, Латвии и т. д.) приватизация сначала была проработана теоретически;

потом (Xi) была проведена разъяснительная работа в масштабах страны (интенсивность и объем разъяснительной работы в разных странах разный, в зависимости от местных условий и готовности общественного сознания) с закреплением имени «приватизация» за определенным порядком действий и программой;

потом (Xj) приватизация в виде конкретной программы была объявлена целью правительства страны;

потом (X, Xi, Xj) все население страны приглашалось к участию в этой программе.

А как это делалось в Беларуси? Никак. В Беларуси это симуляция, а не приватизация.

То же самое можно говорить о финансовой стабилизации, десоветизации и т. д. Особенно смешно это наблюдать на примере введения суда присяжных с уровнем образования и понимания наших судейских.

10. Партии

Дальше все просто. Необходимо создавать партии и готовить их для проведения нормальной политики (культурной политики в современном ее значении) и для реализации полноценной власти.

В главе «Выборы и власть» упоминались теоретические положения, на которых базируются современные партии в Европе и во всем цивилизованном мире. Для реализации власти партиям нужны развернутые политические теории. Социально-культурное существование теории в конкретной исторической ситуации не ограничивается хранением теоретических текстов в библиотеках. Чтобы теория существовала в ситуации, необходимо, чтобы было кому тексты читать, штудировать, обсуждать и интерпретировать их в

прикладном плане. Вокруг партийной активности образуется среда читателей текстов и книг, которыми без этого интересовались бы только маленькие академические группы. Так политические теории становятся достоянием широкой публики. В партию объединяются те, кто не только читает, но активно обсуждает политическую теорию и, это главное, находит ту или иную теорию наиболее эффективной для страны в прикладном отношении. Значимость для судьбы страны реализации той или иной политической теории побуждает включать основные теории в программы высших учебных заведений, а это обеспечивает всестороннее изучение их с последующим углублением и развитием. Так создается полноценная политическая инфраструктура в стране. Именно такая политическая инфраструктура способна обеспечить элементы (X, Xi, Xj) механизма реализации власти.

Современное государство предполагает наличие в стране системы порождения и/или разработки доктрин и программ общественного развития. Политические партии являются одним из элементов такой системы. Осознание этого обстоятельства выступает рамочным условием партийного строительства, но как раз этого осознания нет практически у всех политических партий Беларуси. Все они сориентированы на узкое понимание политической борьбы как коммунальных отношений между государственными деятелями, как аппаратных игр и лоббизма в самых грубых и примитивных формах.

Поскольку создание политической инфраструктуры — дело медленное и требующее больших ресурсов, ожидать в ближайшее время появления влиятельных партий современного типа в Беларуси не приходится. Беларусские партии обречены плестись в форватере настроений толпы, быть эпигонами политических сил соседних стран и выступать фоном для амбициозных и паранойяльных вождей.

Однако уже давно необходимо было закладывать базу для создания такой инфраструктуры. Аналитика, наука, образование, издательские программы — основные резервы партийного строительства. Те из партий, которые смогут утвердиться в этих сферах, останутся партиями, все остальные будут вспоминаться как курьезы политической неразберихи первого десятилетия беларусской государственности.

9. Деньги

Деньги, которые идут на политику, можно рассматривать как трансакционные издержки в инвестициях.

В конечном счете, проработка любой практической проблемы приводится к вопросу о ресурсах и инвестициях. Размеры возможных инвестиций в ту или иную область деятельности являются критерием жизнеспособности этой деятельности. Если через призму инвестиций рассмотреть сложную связь между положением дел в Беларуси и состоянием беларусской политики, то обнаружится такой проблемный узел, который к 1995 году затянут до такой степени, что с ним нужно поступать так, как Александр Македонский обошелся с гордиевым узлом.

Потенциальная инвестиционная емкость Беларуси достаточно велика (на уровне Чехии или Венгрии, выше, чем Словакии, Болгарии или стран Балтии), но актуально наша страна находится на последнем месте по реальным инвестициям в Европе (если не считать воюющих стран). Не последней причиной такого положения дел является политическая отсталость, анахронизм государственного управления и системы принятия решений. Для изменения развития или модернизации политической системы необходимы немалые средства, т. е. инвестиции, а инвестиции... *см. выше*. Т. е. при нынешней политической системе не будет инвестиций, без инвестиций не изменится политическая система.

Политическая история XX века богата примерами того, как инвесторы несли большие трансакционные издержки на поддержку авторитарных режимов для обеспечения политической стабильности и гарантии инвестиций. В каждом конкретном из таких случаев приходится учитывать размеры трансакционных издержек. Режим Стреснера в Парагвае и Пиночета в Чили несопоставимы между собой, потому что их страны очень различаются по уровню развития и культуры. Но можно сравнить трансакционнные издержки инвестиций в Чили при режимах Альенде и Пиночета. Инвестор может согласиться с высокими расходами на политическую инфраструктуру, если эта инфраструктура обеспечивает целевое использование капитальных вложений, оборотных средств и собственно трансакционных затрат. И тот же инвестор не согласится с минимальными трансакционными издержками на политику, если деньги будут потрачены только на прокорм политиков, которые ничего не обеспечивают.

Предположим, что перед потенциальным инвестором (для простоты ограничимся рассмотрением в этом качестве только фирмы-резидента или гражданина Беларуси, не трогая иностранцев или ТНК), встал вопрос о издержках на политическую систему в Беларуси для обеспечения нормального инвестиционного климата. Он оказывается перед выбором: во что вкладывать, во власть или в оппозицию. Но власть враждебна частной собственности и спустит на потребление любые деньги, которые попадут ей в руки. Оппозиция не готова взять власть, поскольку нет ни одной программы политической трансформации общества и государства. Сегодняшняя бюрократическая структура госуправления ассимилирует любую персону, которая станет во главе ее. Получается, что вкладывать во власть вредно, в оппозицию — бессмысленно.

Те инвесторы, которые рассматривают только близкую перспективу, при такой альтернативе предпочитают вывозить капиталы за границу. Ну а тем, кто смотрит дальше, на среднюю и далёкую перспективу, явно не хватает информации, политическим маркетингом в Беларуси никто не занимается.

Из всего сказанного можно сделать простой вывод: денег на политику в Беларуси нет и не будет, а значит, и нормальной политики, а значит, нормального инвестиционного климата, а значит, нормальной жизни и денег. Круг замыкается, узел затягивается, и его нужно разрубить. Парадокс этого порочного круга состоит в том, что мечем для разрубания гордиева узла в этом случае выступают

деньги же. Причем выше я уже отмечал, что демократия стоит дороже всех остальных политических систем.

Нужны капитальные вложения в политику. Необходимо организовывать в структуре демократии некий аналог древнегреческой олигархии или бизнес-элиту, которая выступала бы своеобразным заказчиком на проведение политики в национальных интересах и была бы гарантом устойчивости, долговременности и стабильности политического курса. А для этого элиту необходимо научить думать на далёкую перспективу.

Остальные темы и аспекты

Не имеет смысла претендовать на полноту описания политической системы Беларуси. Тем более что основной материал получен из наблюдений участника кампании выборов в парламент. Это определяет ракурс рассмотрения политической системы. А ракурс всегда только один из множества возможных. Подбор тем и аспектов определялся авторским взглядом и подходом. На оставшихся темах, затронутых в книге, можно не заострять внимания в этой последней главе, поскольку с учетом сказанного выше эти темы становятся такими, которые либо решаются в «рабочем порядке», либо учитываются в работе как условия. Имеется в виду политическая работа или работа политиков. Поэтому пройдемся по ним очень бегло.

8. Кандидаты. Финансовое и организационное обеспечение фильтров и цензов в профессиональной политике должно заложить основы защиты гильдии политиков от «дураков и шарлатанов», от наивных романтиков, от искателей синекуры, или депутатского иммунитета. Тогда политический рынок не будет испытывать недостатка в предложении кандидатов, которые на предварительных этапах политической деятельности проходят «контроль качества». Квалификация и качественная подготовка кандидатов в парламент не исключают разнообразия политических позиций.

7. Семиотическая среда. Демократия может функционировать только в адекватной семиотической среде, где знаки означают именно то, что должны означать. Политики и партии должны развернуть программу семиотической экологии и нормализации знакового и символического пространства.

6. Нравственность. Профессиональное сообщество политиков должно: во-первых, культивировать собственную профессиональную этику, во-вторых, вводить в общественное сознание этические и нравственные регулятивы демократии, в-третьих, не становиться «над» общественной нравственностью, а, наоборот, признавать нравственный контроль главным законом своей деятельности. Депутатский иммунитет локализуется только в области писаного права и не распространяется на область нравственных отношений. Политику нельзя даже того, что можно обычному человеку.

5. Логика. Политика должна быть рациональной или, как чаще говорят, предсказуемой. Это возможно только тогда, когда она логична. Действия должны логически следовать из публично провозглашаемых целей и доктрин, гласно объявляемых причин, а не выскакивать, «как бог из машины».

4. Знание. Предшествующий действиям анализ и обоснование действий должны опираться на знание реальности и на знание теории политических процессов, а не на предрассудки, мифы и ностальгию.

3. Избиратели. Народ в политическом мышлении представлен избирателями, а не массой для манипуляций, популистских спекуляций и не материалом демагогической риторики. Нельзя требовать от избирателей большего, чем то, для чего они существуют, — для оценки совпадения суждений политиков с мнением большинства народа.

2. Автор и система (позиция политологов и аналитиков). Политологи должны понимать свою зону ответственности и компетентности. Не брать на себя функцию «учителей народа» или исполнять миссию интеллигенции в российской и советской трактовке этого понятия. Политологи и аналитики должны освоить методологию современного гуманитарного знания и гуманитарные технологии. Без этого политологи и аналитики становятся либо газетными фельетонистами, либо «узкопартийными борзописцами».

1. Вехи и ориентиры. Время «разброда и шатания» никогда не закончится для Беларуси, пока не будут приняты доктрина государственного и национального развития, концепция реформ и выхода страны из кризиса, программа первоочередных мер и актуальных действий. Т. е. пока не появятся вехи и ориентиры движения и развития. В общественном разделении труда функция разработки и формулировки этих вещей приписывается тому, что метафорически называется «интеллектом нации». Антиинтеллектуализм беларусских политиков, ярче всего проявляющийся в лицах лидеров мнений, — Лукашенко и Пазьняка, должен быть преодолен. Интеллектуалы («интеллект нации») могут заниматься чем угодно в нормальные периоды существования страны, но сейчас страна находится в очень трудном положении, и у интеллектуалов «есть работа». А работа требует самоопределения, состоящего в отказе от свободы творчества и полета мысли и фантазии в пользу исполнения функции или в принятии задачи для решения. А задача диктует условия. Эти условия либо принимаются, и тогда задача может быть решена, либо не принимаются, тогда задача не решается.

Анализом условий задачи и предложениями по ее решению мы займемся в следующей работе.

ЭПИЛОГ

В тексте очень мало фактуры и эмпирического материала, хотя текст и заявлен как результат исследовательской работы. Участие автора в парламентских выборах позволило получить доступ к богатому эмпирическому материалу, но я предпочел занять место результатами размышлений и выводами, а не описанием фактуры. Степень обобщений и экстраполяция выводов на область явлений, которая заведомо шире, чем материал одного из избирательных округов города Минска, позволяют автору известную независимость от

фактуры. Строгому обоснованию такой экстраполяции целесообразно выделить особое место и время, пока ограничимся ссылкой на Михаила Булгакова. В ответ на удивление Ивана Бездомного по поводу оценки качества его стихов, которых, как выясняется, Мастер не читал, булгаковский герой произносит знаменитую фразу: «Что ж я, других стихов не читал?»

Конечно, я и мои коллеги работали только в одном округе Минска. Этот округ даже не может быть признан типичным. Он во многом своеобразен. Но при этом, что ж я, в других округах не бывал, что ли? Многие члены команды и доверенные лица работали раньше на президентских выборах, а потом (в ноябре 1995г.) с другими кандидатами и не только в Минске. Например, менеджер нашей весенней команды на осенних выборах работала в Брестской области с кандидатом от Аграрной партии, и другие члены команды принимали участие в осенних выборах в той или иной форме[54].

И все же, на мысль вставить в качестве эпилога Доктрину консерватизма автора навела фактура материала.

Ситуации на избирательных участках округа 14 мая.

1. Семья (мама, папа и девочка-подросток у плаката с вопросами референдума):

— А что, герб красивый, да и расцветка флага симпатичная. Голосуем.

Я понимаю, как сильно расходятся мои представления о красоте с теми, которыми руководствуются избиратели. Еще сильнее расходятся представления о том, в каких ситуациях уместно руководствоваться чувством красоты, а в каких нет.

2. — Мацкевич хороший кандидат, но здесь написано, что он живет в Гродно. Несправедливо, что он баллотируется в Минске.

Я понимаю, что у меня другое представление о справедливости.

3. — Все они хорошо говорят, а что хорошего он для нас сделает? Какая нам от этих депутатов польза?

Я понимаю, как по-разному мы трактуем пользу.

4. — Коммунисты обещают добро, их цели правильные и добрые, а от этих демократов только инфляция и безработица.

Мы расходимся в понимании того, что есть добро и зло.

5. — Пазьняк — фашист, Шушкевич и демократы развалили Союз. Что не правда, что ли? Вы меня не переубедите.

Я и избиратели не только разные вещи считаем истинными, но и способы установления истины у нас не совпадают.

В моих выводах и суждениях много определенности. Многое из того, что я говорю, убедительно для одних и совсем не убедительно для других. Я понял, что должен предъявить, хотя бы в эпилоге, некоторые конечные основания для вынесения суждений об истине, добре, красоте и справедливости, которыми я пользуюсь. Так появилась «Доктрина беларусского консерва-

[54] На выборах 14 и 28 мая 1995 г. не было выбрано достаточного количества депутатов, довыборы в Верховный Совет 13 созыва пошли осенью того же года. — *Прим. ред.*

тизма», которую я сформулировал, рефлектируя свое участие в коммуникации с избирателями. Так думаю я, так думают многие мои коллеги. Доктрина представляет собой формулировку оснований суждений, то, на чем стоим и стоять будем.

ДОКТРИНА

(то, что не подлежит изменению)

> Смотрите, поступайте так, как повелел вам Господь, Бог ваш; не уклоняйтесь ни направо, ни налево; ходите по тому пути, по которому повелел вам Господь, Бог ваш, дабы вы были живы, и хорошо было вам, и прожили много времени на той земле, которую получите во владение.
>
> Библия, Второзаконие, 5, 32-33.

Преамбула

Партия строится как объединение граждан Республики Беларусь на основе либерально-консервативных ценностей. Ядро системы либерально-консервативных ценностей составляет триада понятий — Бог, Родина, Человек.

БОГ. Целое тысячелетие Беларусь является христианской страной, частью европейской христианской цивилизации. Библия уже тысячу лет выступает для нас, европейцев, мерилом того, что такое истина, добро, красота и справедливость. История знала много примеров восстания против того, что есть истина, добро, красота и справедливость по-христиански. Многие пытались дать свою меру и трактовку этим ценностям, многие пытались улучшить и усовершенствовать то, что предлагается в Библии, но все эти попытки приводили либо к повторению библейских заповедей и принципов, либо к ухудшению их и к ошибкам. Бог дал человеку свободу воли, свободу познания добра и зла. Мы, пользуясь этой свободой познания добра и зла, приходим к выводу, что представления о добре и зле нужно не менять, но познавать и понимать. Мы не революционеры, но консерваторы. В Европе только две нехристианских страны — Албания и Босния. Их пример не вдохновляет нас к отказу от христианского пути. Многие европейские народы, и беларусы в их числе, отказывались от христианства в пользу атеизма. Всегда этот отказ сопровождался потерями и уроном в истине, добре, красоте и справедливости. Все народы и каждый человек в отдельности вольны выбирать и веру свою, и путь свой, наш выбор европейский и христианский. В Европе процветают те страны и народы, что меньше всего уклоняются с христианского пути. Мы консерваторы потому, что путь свой выбираем сами, но правильность его сверяем по Божьим Заповедям, так как умеем — по-христиански, так, как поступают беларусы, которых мы ценим, любим и уважаем, уже тысячу лет.

РОДИНА. Человек свободен жить и поступать в силу своего разумения и понимания так, как считает правильным, стремясь к истине, добру, красоте и справедливости. Христианские народы Европы выбирают разные варианты обустройства своих стран. Каждый человек волен обустраивать свой дом, каждый народ волен обустраивать свою страну. Мы рождены в Беларуси, это наша страна, никто, кроме нас, не обустроит ее так, как нам нужно. Беларусь — это наша свобода, свобода жить и действовать в силу нашего разумения и понимания истины, добра, красоты и справедливости. Справедливо, что только мы сами вольны обустроить ее в добре и красоте, истинно, что мы ответственны за отсутствие в ней добра и красоты.

ЧЕЛОВЕК. Человек свободен жить и поступать в силу своего разумения и понимания. Разумение и понимание одного человека ограничивает возможность действия для другого. Всякое разумение и понимание несовершенно, поэтому никто не может навязывать свое разумение и понимание другому. Права и свободы каждого человека на обустройство своей собственной жизни по своему разумению и пониманию ограничивают наши возможности по обустройству Беларуси. Это единственное ограничение мы считаем истинным и справедливым. То, что это ограничение единственное, но незыблемое, мы считаем добром. Поэтому мы либералы.

Наша Родина Беларусь еще далека от воплощения идеалов истины, добра, красоты и справедливости. Любовь к Родине побуждает людей сходных взглядов, разделяющих либерально-консервативные ценности, объединять свои силы и волю для реализации в Беларуси идеалов истины, добра, красоты и справедливости — поэтому мы партия.

Либерально-консервативная доктрина позволяет принимать действительность такой, какова она есть. Всякая власть от Бога, любой общественный порядок разумен, но разумен в меру достигнутой людьми разумности. Мы считаем разумными и следующие Доктринальные положения, проверенные столетним опытом европейских народов, в том числе и беларусов.

Доктринальные положения

СУВЕРЕНИТЕТ. Беларусь — наша Родина, наша земля. Мы хозяева на своей земле. Мы любим ее такой, какая она есть, мы любим ее такой, какой она должна стать. Труд и любовь наших предков сделали Беларусь такой, какая она есть. Наш труд и любовь сделают ее процветающей, богатой и красивой. Мы отвечаем за это сами. Именно эта ответственность и есть суть суверенитета народа Беларуси. В этом ее свобода.

Поэтому мы за суверенитет Республики Беларусь.

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА. Мы — это те, кто разделяет положения этой доктрины. Но любой человек в Беларуси волен думать и жить так, как считает правильным. Только тогда страна суверенна и свободна, когда каждому гарантировано право жить так, как он считает правильным, когда свободен каждый ее житель. Конституция Республики Беларусь гарантирует

всем права и свободы, государство обеспечивает соблюдение этих прав и свобод.

Мы за государство свободных граждан. Мы за гарантию прав человека.

СЕМЬЯ. Государства на территории Беларуси менялись, а семья оставалась. Люди живут в первую очередь в семье. Семья — это предки и потомки. Предки работали и оставляли наследство нам, мы преумножаем его и оставим потомкам. Города, дома, дороги и поля сделаны руками наших предков, живших в Советском Союзе, в Российской империи, в Великом княжестве Литовском. Это все наследие предков ныне живущих семей. Пусть эти семьи живут вечно в своих потомках — гражданах свободной Беларуси. Традиции беларусских семей — основа нашей государственности и права беларусов жить так, как им хочется.

Мы за такое государство, которое создает максимально благоприятные условия для процветания семьи — места рождения и жизни беларусов.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. Человек свободен только тогда, когда его жизнь обеспечена им самим. Самому обеспечить свою жизнь можно только имея собственность. Свободные граждане — свободное государство, богатые граждане — богатое государство. Страна богатеет — когда богатеют ее жители. Люди могут стремиться к богатству только тогда, когда это их богатство, их частная собственность. Частная собственность — это тогда, когда собственность можно оставить детям и потомкам. Частная собственность — основа семьи. Запрещение частной собственности разрушает семью.

Мы за частную собственность.

ЗАКОН. Законы государства — продукт творчества и усилий многих поколений людей. Законы могут быть несовершенными. Но нет ни одного человека, сколь бы высокий пост он ни занимал, который может быть выше и совершеннее Закона. Законы можно и нужно менять и совершенствовать, но никто не может нарушать и преступать Закон.

Мы за первенство Закона во всех областях жизни.

ВОЙНА И МИР. Война оставила неизгладимый след в каждой беларусской семье. Мы очень хорошо знаем, что такое война. Мы за полный нейтралитет Беларуси. Беларусь не имеет врагов среди ближних и дальних стран. Беларусь будет воздерживаться от всех блоков и союзов, которые имеют другое отношение к войне. Армия Беларуси нужна только для того, чтобы не терять здравого смысла и воспитывать мужественность молодежи. И еще, чтобы не забывать о переменчивом будущем.

Мы за полный нейтралитет Республики Беларусь. За небольшую профессиональную армию и короткую военную подготовку для молодых мужчин.

МИР, ЕВРОПА И СОСЕДИ. Беларусь граничит с пятью странами. С каждой из них нас связывают тесные узы современной политики и древние традиции. Нам нет оснований выделять кого-либо из соседей, ориентировать политику страны в одном из пяти направлений. Территория Беларуси лежит на пути из Европы в Россию, но пока Россия более открыта Европе, чем Беларусь.

Мы за открытую политику в отношениях со всем миром.

КУЛЬТУРА. Мы беларусы и этим отличаемся от всех других народов. Во всем остальном мы такие же, как все. Нам нужно вступать в контакты со всеми народами, это обогатит нас и нашу культуру. Мы интересны другим народам только тем, чем отличаемся от них, тем, чем можем обогатить их культуру. Нам нужно развивать свое — беларусское, этого никто кроме нас не сделает. Нам нужны достижения других культур.

Мы за развитие беларусской культуры и диалог с другими культурами.

ЭКОЛОГИЯ И ПРИРОДА. Земля, вода, леса и поля нашей Родины в запустении. Это следствие неразумной хозяйственной деятельности. Теперь мы сами суверенные хозяева нашей страны и отвечаем за ее природу перед своими потомками, которым на ней жить. Наша хозяйственная деятельность должна быть разумной. Мы сохраним природу земли, которую любим.

Мы за разумное экологическое хозяйствование на своей земле.

Это незыблемые доктринальные положения Объединенной гражданской партии. Именно этими положениями мы проверяем правильность, разумность и нравственность всех действий и решений в нашей стране, как своих собственных, так и наших партнеров и оппонентов.

Мы всегда будем утверждать, что дела в Беларуси идут плохо, если:

— решения в Беларуси принимает не ее народ или избранные им власти;

— нарушаются права и свободы хотя бы одного человека в самой Беларуси или беларуса за рубежом;

— беларусская семья формируется под давлением идеологических, правовых или экономических обстоятельств, а не наоборот — право и экономика развиваются в соответствии с потребностями семьи и идеология строится на основе семейных традиций;

— государство вмешивается в частные дела людей, собственность жителей Беларуси не защищена от посягательств кого бы то ни было;

— произвол кого бы то ни было оказывается выше Закона;

— мирной жизни беларусов угрожает опасность;

— отношения с какой-либо страной мира наносят вред и ущерб Беларуси или ее гражданам, строятся не на партнерских принципах, а навязаны экономической политикой, дипломатической хитростью или военной силой;

— культура в упадке, уникальность и особенность беларусов размывается, страна теряет свое лицо;

— природа страны в запустении или хозяйство ведется в ущерб здоровью природы и людей.

Мы всегда, в любой политической ситуации, будем утверждать, что дела в Беларуси идут хорошо, если:

— народ Беларуси сам решает свои проблемы и сам ведет хозяйство своей страны через выбранное им правительство (СУВЕРЕНИТЕТ);

— все, что происходит и делается в Беларуси, не ущемляет ПРАВ И СВОБОД ни одного ЧЕЛОВЕКА, живущего в стране или имеющего здесь

свою собственность. Граждане Беларуси живут так и там, как и где им нравится;

— женщины Беларуси рожают столько детей, сколько хотят иметь. Родители уверены в будущем своих детей, так как государство гарантирует им права, свободы и защиту собственности, которую накопили предки. Родители и дети живут вместе или порознь потому, что сами так решили, а не потому, что в стране строятся квартиры, регулирующие размеры СЕМЬИ;

— ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ находится под охраной Законов и правоохранительных органов государства. Граждане уважают свою и чужую собственность;

— все решения в стране принимаются на основании ЗАКОНОВ, а не произвола отдельных, даже пусть и хороших людей;

— в стране нет ВОЙНЫ, И МИРУ ничего не угрожает. Беларусские юноши не находятся в зонах военных действий, иначе как по личной доброй воле;

— Беларусь находится во взаимовыгодных и равноправных отношениях со всеми странами МИРА И ЕВРОПЫ, с которыми желает иметь отношения, и в дружбе с СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ;

— беларусская КУЛЬТУРА процветает;

— ПРИРОДА нашей Родины в порядке, а хозяйство ведется ЭКОЛОГИЧЕСКИ разумно и безопасно.

Во всем остальном, кроме перечисленного в Доктринальных положениях, Объединенная гражданская партия строит гибкую политику, основывается на анализе текущей изменяющейся ситуации, определяет актуальные проблемы, ставит насущные задачи и формулирует цели, строит реалистичные программы и проекты, выбирает наиболее целесообразные и экономные варианты решения.

ПУБЛИКАЦИИ ФРАГМЕНТОВ АНАЛИТИКИ 1994 — 1996 ГГ.

(статьи и материалы В. Мацкевича по темам, обсуждаемым автором в этой книге)

1. Публикации фрагментов аналитики апрель-май 1994 года:
«Белорусская деловая газета»:
Беларусь на этапах системного кризиса — № 18.
Что ждет первого президента Беларуси — № 18.
Предстартовая разминка — № 19.
«Белорусский рынок»:
Президент -94: что последует за избранием — № 20.
«Белорусский предприниматель»:
Царь, царевич… сапожник, портной… кто ты будешь такой? — № 20.
«Minsk economic news»:
Candidates: questions and answers.
What kind of President do we need? — №6 May-june.

2. Сможет ли Россия быть сырьевым придатком Беларуси. // Знамя юности. — 1994. — Май. — № 83 — 84.

3. Парадокс демократии и образования. // Беларусская маладзёжная. — 1994. — Май. — №1.

4. Демократы год от года умнеют, а народ остается советским. На следующих выборах переизберем народ. // Знамя юности. — 1994. — Июль. — № 112.

5. Red lost — and won. Finding the culprit. // Minsk economic news. — 1994. — July. — № 9.

6. Что я хотел услышать от Президента и Верховного Совета. // Белорусский рынок. — 1994. — Июль. — № 31.

7. New people in old positions. // Minsk economic news. — 1994. — July. — № 12.

8. Прагматыка сораму: хрысціянскія стандарты. // Настаўніцкая газета. — 1994. — Чэрвень. (В соавторстве.)

9. А кому это надо? // Свабодныя прафсаюзы. — 1994. — Верасень. — № 21. — 22.

10. О прачках, высокой моде, огурцах и большой политике. // Европейское время. — 1994. — Октябрь. — № 10.

11. Алло! Мы ищем таланты. // Беларусская маладзёжная. — 1994. — Кастрычнік. — № 16.

12. Разбурыць эфект «голага караля». // Настаўніцкая газета. — 1994. — Снежань — № 100. (Интервью.)

13. Беларусь: вопреки очевидности. // Культурная политика. — 1994. — № 0.

14. Чего не хватает, чтобы ответить на вопрос «Как нам обустроить Россию?» // Бизнес и политика. — 1995. — № 1.

15. Что в имени тебе моем. // БДГ «Имя». — 1995. — Март. — № 19.

16. Апрельский катехизис Мацкевича. Малотиражная брошюра.

16. От аналитики к реализации. // БДГ. — 1995. — Апрель. — № 33.

17. Думаць Беларусь. // Культура. — 1995. — Жнивень. — № 28. Дайджэст «Albarosika» № 1. (Інтэрв'ю Ю. Барысевіча.)

18. Страсти по Кейнсу в беларусском варианте. // БДГ. — 1996. — Апрель. (Сокращенный вариант в «Вечерний Минск», Апрель 1996г.)

Публикации отдельных разделов и глав книги до ее выхода:

1. Глава 7. Выбары і семіятычнае асяроддзе. // Культура. — 1995. — Июль.

2. Глава 5. Выбары і логіка. // ЗНО, літаратурна-філасофскі дадатак да газеты «Культура». — 1995. — Кастрычнік. — № 29.

3. Первое введение: Область определения проблемы. Второе введение: О методе гуманитарных исследований. // Вопросы методологии. — 1995. — №3-4.

Владимир Мацкевич

ПОЛИТИКА: СРЕДСТВО ИЛИ ЦЕЛЬ

Политическая аналитика и прикладная политология (когда политологи не только пишут теоретические статьи или читают лекции, но участвуют в разработке программ, выступают экспертами и консультантами в политическом процессе) могут существовать только тогда, когда в стране есть политика. Такая банальная сама по себе мысль в очередной раз возвращает нас к вопросу о том, что такое политика? Причем, этот вопрос, взятый в рамке прикладности политического знания, не допускает простых ответов. Простые ответы — это подгонка определений под реалии и условности конкретной страны, когда предполагается, что если есть государство, то есть и политика, и она такова, каковы реалии и условия в этом конкретном государстве. Если в Беларуси есть государство, то есть и политика — утверждение весьма сомнительное, хотя и вполне согласованное со здравым смыслом и обывательской рассудочностью.

Здравый смысл ограничен в своих возможностях судить о вещах, находящихся за пределами очевидности. Он согласован с тем, что доступно наблюдению «здесь и сейчас», с одной стороны, и с рассудочным дискурсом, с другой. А поскольку посылки рассудочных силлогизмов черпаются из очевидных фактов, то все выводы здравого смысла сводятся к констатации — все есть так, как оно есть, и иначе быть не может. Люди в Беларуси говорят, что политика это грязное дело, они этим не занимаются и другим не советуют. А тот, кто занимается политикой, с точки зрения таких «здравомыслящих», человек плохой. Лукашенко человек хороший — значит политикой заниматься не может, а поскольку он является президентом страны и главой государства, то и президент не занимается политикой. Он организует посевные и уборочные, «запускает» заводы, опекает художественных гимнасток. Что он делает, ког-

да проводит референдумы и разгоняет парламент и Конституционный Суд, если не занимается политикой? Отнюдь, в собственном мировосприятии и в глазах своего электората он устраняет политику, чтобы она не мешала проводить посевную и готовится к зимнему отопительному сезону. Так и получается, что политики в стране нет, Беларусь — государство без политики и вне политики. Любой теоретически подкованный гражданин скажет, что в таком рассуждении полно противоречий, и будет прав. Но для здравого смысла это значения не имеет. Мы не должны быть теоретическими ригористами и попробуем усмотреть в выводах здравого смысла рациональное зерно. Рассудок и рассудочность позволяют перекидывать мостики через пропасть, между разумом и эмпирикой, между рациональностью и наивным реализмом здравого смысла.

Итак, даже здравому смыслу понятно, что политика кончается там, где начинается война. Когда говорят пушки — музы молчат, когда говорят генералы — политики либо умолкают, либо переквалифицируются в лейтенантов. Если государство находится в состоянии тотальной войны, то все сферы деятельности и жизнь милитаризируются. Сворачивается рынок, консервируются общественные институты. Экономика и каждый человек начинают работать на войну, жить и действовать для победы. Теперь представим себе, что государство милитаризировано настолько, что и после победы сохраняет все черты государственности, общественного и экономического устройства, приспособленного к состоянию войны. В таком государстве нет места политике. Представить себе такое вовсе не трудно, кроме того, мы даже можем припомнить исторические примеры такого положения дел. Значит, по крайней мере, в абстракции мы допускаем существование государств, где нет политики. Война — это продолжение политики иными средствами, как гласит известный афоризм, но все же это продолжение, а не сама политика.

С политикой связаны практически все сферы жизни и деятельности человека. Политика оказывает свое влияние на эти сферы, или они сами влияют на политику. Эти взаимовлияния, при всей их очевидности, не могут быть основанием для неоправданного расширения объема и содержания понятия «политика», хотя часто такое расширение происходит. Эта теоретическая ошибка или некорректность ненаучной нерефлексивной политологии чревата негативными практическими последствиями, об этих последствиях для Беларуси речь пойдет ниже. Причем, на политике могут сказываться не только действия людей. Землетрясение в Спитаке и события в Карабахе тоже связаны друг с другом, однако никому не придет в голову считать землетрясение политическим событием. Многие политические события вызваны природными причинами. Неурожай, изменение плодородия почв, истощение недр или другие природные факторы могут определять политические действия государств или отдельных групп людей. Разработка богатых месторождений нефти в отдельных странах становится тем фактором, без учета которого невозможно понять политические перемены в этих странах, но все же перемены имеют политические причины, только усиленные или искаженные

фактом наличия нефтяных ресурсов. Нефть в арабских странах способствует совсем не таким политическим тенденциям, как нефть в норвежском шельфе. Даже политика Саудовской Аравии сильно отличается от политики Ливии или Кувейта. Л. Н. Гумилев исследовал детерминированность общественных изменений у народов Евразии (Великой Степи) ландшафтными или природными явлениями. Его теория этногенеза — яркий пример системной увязки природных и общественных явлений, но даже в этой теории природа и общественная жизнь не смешиваются. Но когда начинают рассматривать уже саму общественную жизнь, то уже с трудом различают разные действительности, например: семейные отношения и политические, техногенные и социально-структурные, частную жизнь и общественную и т. д.

Путаница во всех этих сферах может иметь исторические объяснения, логические или психологические. Но чем бы мы ни объясняли ошибки и заблуждения, они остаются ошибками и заблуждениями. Хотя понимание оснований ошибок и заблуждений помогает от них избавляться. Поэтому рассмотрим некоторые из них.

В истории известны периоды, когда занятие политикой было не для всех возможным и политическая жизнь касалась только определенных слоев населения той или иной страны. В античных городах-государствах политика была уделом граждан, а метеки — неграждане — и рабы, а в Спарте илоты — обращенное в рабство коренное население — были изолированы от политической жизни и вели только частную жизнь. Для граждан граница между частной и политической жизнью была отчетливой и понятной. Все запуталось в более поздние времена. Например, в классических городах-государствах средневековья Венеции и Генуе политикой занимались только представители нескольких сотен состоятельных семей. Даже граждане, но бедные, были вытеснены из политической жизни. Через несколько поколений такой практики в знатных семействах Венеции и Генуи перестали различать семейные и политические отношения. Например, заключение браков перестало быть только семейным делом. Венецианские дожи и генуэзские нобили еще понимали разницу между частным делом и политикой. Но в Милане семейства Сфорца, Борджиа и Медичи все окончательно запутали. Их частные и даже интимные отношения становились фактами политической жизни всей Италии, а когда представители этих семейств становились кардиналами или папами в Риме — то и всей Европы. Нужно ли интимную жизнь Лукреции Борджиа или Лоренцо Великолепного считать политикой и рассматривать в политической истории Италии? Ответ не очевиден. Для этих семейств, а особенно для монархов и королевских фамилий грань между частной жизнью и политической стерта. Для монархов вообще можно говорить, что у них не существует частной жизни. (Жениться по любви не может ни один король.) Именно такая запутанность частной и политической жизни для отдельных деятелей была историческим фоном для первого авторитетного политолога Нового времени Николо Макиавелли, который принципиально не делал различий между частной и обществен-

ной жизнью государя в своем «Государе». А ведь по этой книге учились поколения политологов. Конечно в Литву-Беларусь не контрабандой попало такое представление о политике. Не королева Бона Сфорца привезла в ВКЛ итальянские нравы, литвинская история сама полна фактов переплетения частной жизни и политических процессов. Семейный конфликт Ягайлы и Витовта стал судьбоносным для всей нашей политической истории. Семейное счастье Ягайлы и личная невезучесть Витовта (трижды несостоявшаяся коронация) обернулись многовековыми проблемами для литвинов, поляков, жамойтов и русских. Еще раньше был брак Владимира и Рогнеды, семейные неурядицы Миндовга и многое другое. Для средневековой феодальной Европы это обычное дело. Политические судьбы народов решались в спальнях, на брачных пирах. Ум и талант отдельных людей, дружба и вражда личностей делали политику и историю. Ситуация изменилась в Новое время. Политическая деятельность, с одной стороны, стала подчинять себе частную жизнь и эмансипироваться от нее, с другой стороны. Со времен войны за независимость Нидерландов и английской революции до середины XIX века европейские короли все еще подчиняли свою личную жизнь политическим интересам, династические браки все еще выступали формой политических договоров и союзов, но уже только формой, они перестали быть причиной политических событий. С XVIII в. в политических теориях перестали смешивать частную жизнь и личные отношения, а с XIX века смешение частной жизни и политики стало анахронизмом и в практике. Хотя рецидивы этого сохраняются до сих пор. То, что было политической нормой средневековья и эпохи абсолютизма, стало аномалией и патологией в XX веке, для этого даже изобретен специальный термин — культ личности. Частная жизнь Сталина и Гитлера, Мао и Фиделя Кастро, семейств Ганди-Неру и Бхутто, их личные качества имели огромное влияние на политику. Но для политологии эти явления были вне предмета политики. Политологи уделяют им значительное внимание, но рассматривают именно как аномалии, независимо от того, считают ли Индиру Ганди хорошим человеком, а Ким Чен Ира плохим.

Аристотель оказал огромное влияние на мировую историю, воспитав Александра Македонского, Симеон Полоцкий — воспитав Петра I. Наверное, на Страшном Суде с них взыщется или воздастся за это, они знали, что воспитывают царей. Но было бы несправедливым спрашивать так же с учителей и воспитателей Александра Лукашенко или Саддама Хусейна, эти люди воспитывали частных лиц, которым не было «на роду написано» вершить судьбы народов.

Развитие современной демократии привело к тому, что занятие политикой перестало быть привилегией отдельных семей и бременем отдельных персон, политикой может заниматься любой, но не каждый должен это делать и не каждому можно это доверять. В частности, противопоказано заниматься политикой людям с личной харизмой, каково бы ни было происхождение этой харизмы. Харизматический лидер, от перепадов настроения которого

зависят политические решения, такой же анахронизм в XX веке, как и наследование реальной, а не символической власти в государстве.

Итак, мы коротко рассмотрели противоположность войны и политики, отдельность политики от природных явлений, от семейных отношений и личного поведения политических персонажей. Точно так же необходимо разделять политику и конфессиональные отношения и споры, политику и техногенную среду, политику и экономику. Не станем подробно останавливаться на этих различиях, ограничившись рассуждениями, приводимыми выше, как образцом для всех остальных различий и разграничений. Все они становятся актуальными в свое время. Так, необходимо понимать, что христианские демократы — это участники нормального политического процесса, но теократическое государство предполагает отказ от политики, что экологические движения, становясь «зелеными» партиями, вынуждены обращаться ко всему спектру политических проблем, а вопросы техногенного загрязнения среды оставляют соответствующим организациям. Труднее и актуальнее всего — не путать политику и экономику. Именно неучет различий этих двух процессов легче всего приводит к неприятностям. Нормальная конкуренция может легко закончиться войной, экономический спад — разоблачением политических заговоров и наказанием «саботажников». Политика — это инобытие экономики, причем нормальная политика — инобытие нормальной экономики, а преступность и криминальный бизнес — инобытие ненормальной экономики, черного и теневого рынков. И, наконец, политику не следует путать с политологией.

Несмотря на то, что речь пока идет об абстрактных отличиях политики от тех сфер жизни и деятельности, с которыми ее легко можно перепутать, для Беларуси это имеет вполне практическое значение. Практический политический вопрос для Беларуси, на который требуется практический же ответ, состоит в том, кто, где и как принимает решение о судьбе страны, народа и каждого гражданина.

Наличие в стране политической деятельности, присутствие политики в общественной жизни обеспечивают принятие всех важных решений самим народом этой страны. Все иные, неполитические формы деятельности приводят к тому, что решения вырабатываются и принимаются не теми, кого они касаются. До сих пор за беларусов принимают решения в Москве или других столицах мира, в семейных или земляческих кланах, в офисах крупного бизнеса, в кабинетах теоретиков — где угодно и кем угодно, но только не в Беларуси и не беларусским народом.

Дэвид Мэтьюз — президент Фонда Кеттеринга и бывший министр здравоохранения, образования и социальных служб США говорит: «Мы [в Америке] нуждаемся в расширении «зоны охвата» публичной политики. Ибо общественная политика — необходимый компонент жизни общества. Без участия общественности политика становится ни чем иным, как спором между «нами» и «ими». Или того хуже — она вырождается в бесконечную войну, которую «они» ведут против «них». Продолжая эту мысль для Беларуси, можно сказать — мы

нуждаемся в возникновении публичной политики, в том, чтобы такое явление было в стране, чтобы мы наконец стали «страной, вернувшейся с войны». Д. Мэтьюз считает, что «публичная политика — гражданское действие как таковое, направленное на достижение гражданами более глубокого контроля над своим будущим». А нам еще необходимо осознать свое настоящее и научиться контролировать его. Возможно, что главная проблема общественной жизни в Беларуси и состоит в том, чтобы разобраться: а что же такое настоящее время, в котором мы живем, что такое настоящая Беларусь?

«Настоящее» — это модальность времени и реальности. Наивный реализм исходит из того, что реальность дана нам в ощущениях, и то, что дано в ощущениях, и есть настоящее. Данное в памяти — это прошлое, данное в воображении и в фантазии — это будущее. Весь опыт человеческой истории свидетельствует, что это не так. Культура и человеческая деятельность построены на иных принципах, но в методологии познания различных сфер жизни приходится снова и снова возвращаться к опровержению наивного реализма и напрягать все способности человеческого разума, чтобы вернуться в настоящее, оказаться в настоящем времени, в настоящей ситуации, в настоящей стране.

Ощущения и чувства врут даже о вещах действительно наблюдаемых. Чувства показывают, что солнце движется вокруг земли, а «по-настоящему» все наоборот, Земля вращается вокруг Солнца. Значит, не в ощущениях дано нам это «по-настоящему». Для человека важны не только вещи, которые можно обнаружить с помощью ощущений, но и идеальные сущности. Свободны башмаки или тесны, можно обнаружить в тактильных ощущениях стопы. Но свободен человек или порабощен, в ощущениях не дано. Если мы ищем свободу, бесполезно искать ее в ощущениях, она постигается умом. Свободный йог с изможденным телом, лежащий на гвоздях, дан в ощущениях так же, как человек под пытками. Чиновник-марионетка, выполняющий волю мафии, в дорогом костюме в ультрасовременном офисе вовсе не производит впечатления подневольного и зависимого. Настоящее постигается только разумом. Искусство с помощью фантазии и воображения усматривает в видимом виртуальное, разум выделяет в нем настоящее. Настоящее — это продукт работы разума. А если разум делает разную работу, то и настоящее разное в разных работах.

Политический разум реконструирует совершенно разное настоящее, если носители разума делают разную работу, если люди по-разному озадачены.

Три века известна идея разделения властей в государственном устройстве, сформулированная Шарлем Монтескье. Больше двухсот лет прошло со времен войны за независимость Североамериканских штатов, когда эта идея была впервые реализована на практике. За такой срок любая идея должна стать банальной, что и произошло. Она банальна для политического знания, очевидна для каждого гражданина в странах традиционной демократии, но для большинства людей и наций XX века осознание этой идеи и по-

прежнему актуально, и работа по реализации разделения властей на практике все еще не утратила остроту борьбы и войны, часто драматичной и трагичной.

В Беларуси, как и в других постсоветских странах, внедрение принципа разделения властей в практику общественной жизни и государственного устройства балансирует на грани между мирной повседневной работой и революцией с уклоном в вооруженное восстание. Пока удавалось избегать прямых вооруженных столкновений и крови, подобных московским августу 1991 и октябрю 1993 годов, но ведь только ценой отказа от принципа разделения властей и больших уступок тоталитаризму.

Принцип разделения властей организует нормальный ход общественной жизни, упорядочивает политическую деятельность и позволяет регулировать постоянно возникающие напряжения и конфликты в госструктурах. Так, нормализованную общественную жизнь принято называть современной (в отличие от античной и средневековой) демократией. Для тоталитаризма нормальным является иное, сосредоточение всей полноты власти в одном месте, в одной государственной структуре. Для тоталитаризма характерны диктатура и регулирование всех сторон общественной и даже частной жизни единой волей. Будет ли субъектом этой воли индивид или коллектив (хунта, мафия, партия) — не принципиально. В периоды революционного переустройства общественной жизни, в переходном от тоталитаризма к демократии состоянии общества принцип разделения властей не может быть реализован. То, что присуще нормальному состоянию, не может применяться в состоянии перехода или трансформации. Понимая это, мы должны признать, что общество, устремленное к демократии, еще не демократично, что при переходе к принципу разделения властей власть должна быть сконцентрирована в одной из ветвей государства. Нам придется различать нормальные состояния общества: современную демократию и тоталитаризм (хотя нормой в том и другом случае выступают разные вещи), и переходное или революционное состояние, когда не работает ни одна, ни другая нормы. Конечно, романтикам от демократии и самоотверженным реформаторам трудно признать тоталитаризм нормальным состоянием общества, как ортодоксальным коммунистам или адептам культов личности и расы (нации) невозможно согласиться с нормой демократии. Но именно поэтому ни те, ни другие не способны к развитию, к изменению. Именно поэтому и те, и другие первыми готовы хвататься за оружие при первой же возможности вместо того, чтобы думать и работать.

Так вот, нормальное тоталитарное общество и переходное сходны по признакам отсутствия разделения властей и присутствия диктатуры или доминирования одной из ветвей власти над двумя другими, с одной стороны. С другой стороны, современную демократию и переходное общество объединяет стремление к реализации принципа разделения властей, идеалы права и свободы. Поэтому важно разобраться с тем, чем отличаются диктатуры тоталитарной эпохи и переходных периодов. Или, если пользоваться различением

Игоря Клямкина и Андроника Миграняна, введенном еще в 1987 году, — в чем различие тоталитаризма и авторитаризма?

Для начала еще раз вернемся к обоснованию тезиса о том, что переход от тоталитарной организации общества к демократической возможен только через авторитарную либеральную диктатуру. Этот тезис был высказан почти десять лет назад, тогда он не был никем опровергнут и даже не вызвал сколь-нибудь серьезной критики. Сегодня эта идея уже подзабыта, несмотря на очевидные подтверждения десятилетней практикой бурных перемен, кризисов, побед и поражений. А в Беларуси эта идея никем не была воспринята как практическое руководство к действию, ей даже аналитики и политологи не уделяли должного внимания. Но беларусские реалии мы рассмотрим несколько позже.

Не повторяя аргументацию Клямкина и Миграняна, рассмотрим вопрос с несколько другой стороны, восстановим феноменологию власти[1]. Для трех традиционных ветвей власти совершенно по-разному организованы реальность и время.

Для исполнительной власти реальность определяется повседневным функционированием, оперативным руководством и регулированием процессов, в которые она включена через давление населения, ежедневно «сваливающимися ей на голову» проблемами бюджета, хозяйства страны, стихийными и рукотворными бедствиями. Развитие страны, программы, перспективы, право и закон для исполнительной власти и для бюрократии, которой она персонифицирована, отвлеченные понятия. Они выступают для представителей исполнительной власти только рамками, той или иной степени жесткости, в которых приходится принимать повседневные решения, решать текущие задачи. Такие рамки сковывают инициативу, административный энтузиазм, скорее ограничивают свободу действий, чем расширяют возможности. Поэтому исполнительная власть всегда подчеркивает свой прагматизм, «реалистичность», «твердое стояние на ногах», трезвую оценку ситуации, козыряет всем этим в дискуссиях и конфликтах с «мечтателями и фантазерами» из парламента, с консерваторами, догматиками и ригористами из судебной системы.

Законодательная, или представительная, власть живет и действует (точнее, обязана жить и действовать, что не всегда и не всем удается) в реальности развития, программирования и перспективы. То, чем должна стать страна в будущем, для законодателя реальнее, чем то, что происходит в ней сейчас. Устанавливая законы, сами депутаты парламентов рассматривают право и законы как текучую и изменчивую материю, свысока и снисходи-

[1] Феноменологическая критика не является привычным и распространенным инструментом беларусской политологии. Критике самой беларусской политической мысли мы тоже уделим внимание. Но скидок на ее дремучее состояние делать не следует. Уже появилось поколение 20—30-летних политологов и аналитиков, которые учились не у Антоновича с Бобосовым и которые интенсивно ликвидируют недостаток аналитических средств и пробелы в образовании.

тельно относясь к «судейским буквоедам». Реализуя, лоббируя и «проталкивая» перспективные программы развития страны, за что народные избранники отвечают перед своим электоратом, они полемизируют с «близорукостью, узким и мелким прагматизмом» чиновников из исполнительных структур, упрекая последних в «бюрократизме» (а может ли быть бюрократ не «бюрократом»), лени и отсутствии профессионализма. С реальностью исполнительных чиновников законодатели готовы считаться только в той мере, в которой готовы видеть ее ресурсом, тормозящим или ускоряющим реализацию их перспективных программ и планов.

Юридический профессионализм и должностная этика судей требуют от них признания приоритета буквы закона над «духом», признания приоритета закона даже над правом, не говоря уж о тех казусах и инцидентах в областях жизни и деятельности, которые правом и законом регулируются. Закон является первой реальностью для судебной власти. Перефразируя парадокс сциентизма: «если факты не соответствуют теории, тем хуже для фактов», добросовестный судья не устает повторять: если житейская или деятельностная ситуация не соответствует закону, тем хуже для этой ситуации. С реалиями житейских и деятельностных ситуаций суд согласится считаться только тогда, когда парламент оформит их законодательно или (что справедливо для англосаксонской системы права) будут найдены соответствующие прецеденты в судейских архивах.

Такая гетерономность и гетероморфность реальности (разно-реальность) для разных ветвей власти позволяет государству **присутствовать** (быть активным агентом и субъектом) во всем многообразии/разнообразии общественной жизни и деятельности. Все, что не подпадает под это много/разнообразие, находится за пределами компетенции государства. Государство не имеет права туда вмешиваться. Именно такая норма государственного устройства гарантирует неприкосновенность частной жизни граждан в демократических странах, свободу слова, совести и вообще духовную свободу и автономность человека. В этом самое принципиальное и коренное различие между тоталитарной и демократической организаций общества, между закрытым и открытым обществом. В закрытом обществе (при тоталитаризме) государство вмешивается во все, пытается контролировать все стороны жизни и деятельности людей и нет механизма для воспрепятствования этому, кроме свободной воли одинокой личности, которая при минимальных попытках защитить свою частную жизнь от вмешательства государства с неизбежностью оказывается вне общества.

Не менее кардинально различаются три ветви власти по внутреннему для них времени, в котором они себя осознают, мыслят и действуют. Для феноменологической критики важным является наполнение смыслом временной (темпоральной) категории ***Сейчас*** или ***Теперь***. Исполнительная, законодательная и судебная власти гетерохронны относительно того, каким смыслом для каждой из них наполняется настоящее время, чем для них является *Сейчас и Теперь*, то есть они ***не-со-временны*** друг для друга.

Для исполнительной власти *Сейчас и Теперь* — это, буквально, сегодня. Настоящее время, составляющее смысл категорий *Сейчас и Теперь*, укладывается в длительность действия, которое необходимо выполнить, или в продолжительность решения задачи. Чаще всего самым длинным *Сейчас и Теперь* для чиновников выступает финансовый год, т. е. то настоящее, которое определено как ресурс, выделенный для действий, как бюджет, в рамках которого только и могут быть решены или не решены актуальные задачи. В следующем году парламент может принять другой бюджет, будет другой ресурс, можно будет по-другому решать задачи и исполнять функции, но это будет не *Сейчас*, а *Потом*.

Для законодательной власти финансовый год выступает минимальным моментом времени для отсчета *Сейчас и Теперь*. При нормальном протекании общественно-политического процесса парламент редко имеет возможность вмешиваться в ход повседневности в большей степени, чем принятие государственного бюджета на год. Принятием закона о бюджете да назначениями высших чиновников парламент участвует в оперативном управлении страной. Но *Сейчас и Теперь* для законодателей годовым бюджетом только начинается. Настоящее время для них это все время их полномочий, т. е. 4—5 лет, а для некоторых (кто в политике «всерьез и надолго») еще больше — это время реализации программ или реформ, ради которых они и пришли во власть. Поэтому в понятия *Сейчас и Теперь* для законодательной власти входит более или менее близкое будущее. Из-за такой асинхронии и несовпадения настоящего и будущего, *Теперь и Потом*, чиновникам и парламентариям трудно найти общий язык.

Для судебной власти *Сейчас и Теперь* наполнено третьим смыслом. Судье незачем как чиновнику исполнительной власти жить «сегодняшним днем». Текучка повседневности его волнует мало, для него *Сейчас и Теперь* простирается и на прошлое и на будущее, пока действует тот закон, которым он руководствуется и который хранит от порчи ситуативности и «сиюминутности». Календарное сегодня (*Сейчас и Теперь* чиновника) интересует судью только в силу того, что «закон обратной силы не имеет», а *Сейчас и Теперь* законодателя только постольку, поскольку судопроизводство в будущем будет строиться на законах, которые *Пока* дебатируются в парламенте, а у каждого закона есть дата вступления в силу.

Такая гетерохрония, ***не-со-временность*** ветвей власти друг другу характерны и для состоявшейся демократии, т. е. для одного из нормальных состояний общества, и для переходного общества. Но в современной демократии выработаны механизмы синхронизации (приведения к ***со-временности*** и устранения ***не-современности***) ветвей власти, а в переходном состоянии их нет. Эти механизмы основаны на имманентном времени мышления, размышления или собственном времени интеллектуальных институтов, предлагающих, вырабатывающих решения для демократии, институтах политической и общественной критики и аналитики. До 90 % рабочего времени во всех ветвях власти при демократической организации обществен-

ной жизни затрачивается на переговоры, согласования, решения конфликтов, на PR, пока эта гетерохрония не будет приведена к общему знаменателю — к короткому моменту синхронии или ***со-временности*** властей. Поэтому современная демократия живет в замедленном времени, ее принцип — семь раз отмерь, потом семь раз перепроверь, только потом режь, и режь под пристальным наблюдением и контролем общественного мнения, на виду у беспощадной, назойливой, не всегда умной и компетентной, но всегда предвзятой **Четвертой власти**. В глазах некоторых недальновидных и наивных «мыслителей», политиков и обывателей тоталитаризм в этом отношении выглядит привлекательнее демократии. В тоталитарном государстве или при диктаторском режиме все решения принимаются быстро, реализуются хоть и бездумно, но оперативно. Но как дорого приходится расплачиваться за эту поверхностную привлекательность. Цена ошибок на государственном уровне чрезмерно велика, чтобы «резать не меряя».

Таким образом, принцип разделения властей, существование их в разных реальностях, в разном времени ставят все три ветви в ситуацию рака, лебедя и щуки. «Тянуть воз» при такой разнонаправленности крайне затруднительно. Двигаться можно только мелкими шагами, постоянно отклоняясь от «магистральной линии». Такое могут позволить себе только те общества, те страны, которые «имеют время», которые не торопятся. Именно поэтому современные демократии не знают, что есть «магистральная линия» исторического развития, в чем состоит цель, куда необходимо стремиться. Каждый шаг, самое минимальное изменение долго обсуждается, дискутируется, и когда шаг все же делается, то делается так, чтобы можно было его «переходить», исправить, если выяснится, что двинулись «не туда». Современную демократию можно считать интеллектуальным механизмом выяснения того, что есть реальность, что такое настоящее, настоящее в смысле не иллюзорного, не фантастического, и в смысле настоящего времени.

Тоталитарное общество, напротив, точно знает цель (коммунизм или третий рейх — дело вкуса), знает магистральную линию исторического развития. Поэтому тоталитаризму постоянно «некогда», нужно срочно кого-то «догнать и перегнать», что-то построить, достичь, завоевать и т. д. Хотя только полное незнание реалий современного мира, полное отсутствие логики позволяло советской власти верить лозунгу «догнать и перегнать Америку», когда для СССР цель — коммунизм, а Америка «бадзяецца» туда-сюда без цели. Естественно, что СССР «сбился с пути», играя в такие догонялки.

Переходному обществу тоже «некогда», но по другим мотивам. Цель и представление о «магистральной линии» уже утрачены, но актуально «убежать» от «страшного тоталитарного прошлого». Хотя люди и власти переходного периода очень непоследовательны и алогичны. С одной стороны, они не замечают, что несут тоталитарное сознание в себе самих, а от себя «убежать» невозможно. С другой стороны, они полагают, что демократия и открытое общество могут быть целью аналогичной коммунизму, что их можно постро-

ить, что это новая и, наконец, «правильная» «магистральная линия». А что значит «некогда», если нет единого представления о *Сейчас и Теперь*? Существующие в разных реальностях и в разном времени ветви власти по-разному суетятся, путаются друг у друга под ногами и вместо движения начинают выяснять отношения и останавливать друг друга.

Пока общество не сформировало механизмы синхронии или ***о-со-временивания*** ветвей власти, государства, находящиеся в переходном состоянии, вынуждены сохранять режим авторитарной диктатуры. Но природа диктатуры переходного периода и тоталитарной диктатуры различна. Тоталитаризм органически не способен к размышлению, к коммуникации, согласованиям и к мирному решению конфликтов, а переходное общество, живущее в очень высоком темпе, не может себе этого позволить. *Сейчас и Теперь* в переходном состоянии общества настолько динамичны и мимолетны (за несколько дней и месяцев успевает произойти столько событий, совершиться столько изменений, что в нормальном состоянии общества их хватило бы на многие годы), что задержки и промедления становятся дороже возможных ошибок и неточностей. В обществе переходного периода, почти по Льюису Керолу, приходится «очень быстро бежать, чтобы оставаться на месте», и еще быстрее, чтобы куда-то двигаться. А поскольку из трех традиционных ветвей власти самый высокий темп у исполнительной, ее время «самое быстрое или короткое», то именно она в наибольшей степени адаптирована к состоянию переходности.

Исполнительная власть ***со-временнее*** других переходному периоду, реформам и переменам. *Сейчас и Теперь* правительства более «настоящее», чем нацеленность парламента на «будущее» *Сейчас и Теперь* или зацикленность суда на «прошлом» *Сейчас и Теперь*. Необходимость удержания «синицы в руках» (мотив и самооправдание правительства) актуальнее попыток поймать «журавля в небе» (ориентация парламента) и рациональнее уверенности в том, что «синица из рук» никуда не денется (поскольку это закреплено в законе). Именно этим и вызваны конфликты исполнительных структур с остальными ветвями власти в эпохи перемен. Именно поэтому практически везде исполнительная власть выходит победителем в этих конфликтах, ей в большей степени доверяют граждане, она по преимуществу принимает на себя полноту ответственности за реформы. В этом природа авторитарных режимов в странах, переходящих от закрытого традиционного общества к открытому, к демократии.

Если посмотреть на современную Беларусь с позиций проведенного разбора схемы разделения властей, то может создаться впечатление, что все в полном порядке. Исполнительной власти удалось подмять под себя остальные ветви власти, диктатура установлена. Действительно, все, что происходит в Беларуси, вполне закономерно. Кроме того, что установлена не диктатура переходного периода и авторитарный режим реформирования в направлении открытого общества и демократии, а контрреформаторская диктатура реставрации тоталитаризма и советского империализма.

Оправданность авторитарных режимов переходного периода и их целесообразность определяется будущим или нацеленностью их на самоликвидацию. В соответствии с неокантианским принципом «то, что должно быть, является основанием того, что есть». Т.е. *становящееся* (то, что должно быть, но пока его нет) *реальнее отмирающего*, сегодняшней иллюзорности.

Этим формулируется парадоксальность правительств переходного периода. Правительство оперативнее, точнее, «быстрее» остальных ветвей власти, поэтому ему нужно больше власти, чем другим. Финансовый год в переходный период слишком грубая единица отсчета времени, изменения столь стремительны, что бюджет устаревает за несколько месяцев, а парламент при всем желании не может принимать бюджеты помесячно и даже посезонно. Уже только поэтому правительству нужны большие полномочия, чем они определены законом. Правительство должно эти полномочия получить от парламента и согласовать их с Верховным и Конституционным Судами. Но парламент может дать такие полномочия только тогда, когда правительство примет реальность законодателей и согласится расширить свое представление о *Сейчас и Теперь* программным и перспективным *будущим*. А суд согласится с этим, если правительство примет его реальность и примет ограниченность срока действия этих чрезвычайных полномочий, чтобы *Сейчас и Теперь* были бы определены в том, когда они станут *прошлым*. Т. е. правительство может получить диктаторские полномочия только приняв реальность парламента и суда, изменив свое представление о *Сейчас и Теперь*. Если это происходит, то правительство может взять эти полномочия даже преодолевая сопротивление парламента и суда. Но тогда становится понятно, что правительство в переходный период не может быть каким угодно. Оно может быть только реформаторским, нацеленным на будущее в большей степени, чем на повседневность. Ему может быть позволен произвол (вольность) по отношению к *закону*, но не к *праву*. (Концептуальные различия между «законом» и «правом» следует рассмотреть отдельно. Это различие весьма существенно и актуально для переходного состояния общества. Правовое мышление в Беларуси тоже необходимо поднимать до уровня стоящих перед страной проблем.)

Правительство переходного периода является компенсаторным. Оно компенсирует своими действиями медлительность и неповоротливость законодательной власти, компенсирует отсутствие законов временными декретами и уложениями, которыми суд может руководствоваться как прецедентами, а парламент оформляет их потом в качестве закона.

Правительство переходного периода может быть только временным. После окончания срока его полномочий собирается Учредительное собрание или его аналог для конституирования (буквально — принятия новой Конституции) новых реалий, возникших в переходный период и требующих нормировки.

Правительство переходного периода, несмотря на большие полномочия, принимает ответственность только за узкий спектр проблем и решает

ограниченный круг задач, оставляя все остальное на саморегуляцию.

В определенном отношении правительство переходного периода похоже на правительство военного времени: чрезвычайные обстоятельства — чрезвычайное правительство, безграничные полномочия в ограниченной зоне компетенции. Различия между ними заключаются именно в том, что зоны компетенции различны в переходный и в военный период.

Правительства переходного периода решают проблемы по очереди. Реформы проводятся последовательно в определенном порядке, а не все сразу. Например, реформируется армия, потом судопроизводство, потом образование, потом экономика, или наоборот, сначала экономика, образование, потом полиция, местное самоуправление и т. д. Реформа государственного устройства проводится в последнюю очередь, она венчает период реформ и свидетельствует о его окончании. После этого наступает период стабилизации и нормализации.

Очень непросто оказаться уместным и современным в стране, где «порвалась связь времен», где проблемы годами накапливаются и не решаются. Стоящая, но нерешаемая проблема препятствует деятельности. Она как бы останавливает время. Можно представить себе ситуации, когда календарные годы текут, а время стоит на месте. Провозгласив независимость, Беларусь должна была проделать ряд мероприятий по обеспечению независимости. Сами мероприятия могли растянуться на некоторый срок, после которого наступает новый этап, страна оказывается в новой ситуации, относительно которой снова нужно стремиться быть со-временными. Но что происходит, когда необходимые мероприятия не делаются? С одной стороны — время останавливается, с другой стороны — время остановить нельзя, получается нагромождение времен друг на друга. То, что могло при нормальном течении времени делаться последовательно, чтобы на все хватило времени, приходится делать одновременно — и времени ни на что не хватает. В качестве иллюстрации воспользуемся одним примером — аналитикой 1994 года. (*Впрочем, это не только иллюстрация. Сформулированные в этом фрагменте аналитики задачи, стоящие перед первым президентом Беларуси, сохраняют свою актуальность. Если они не решаются номинально первым президентом, то фактически «первым» будет второй президент, который их решит.*) Две части доклада намеренно приведем без изменений, поскольку это может быть лишним аргументом к тезису о несвоевременности, несо-временности действий беларусских властей.

Фрагменты доклада на аналитической группе АГТ, положенные в основу публикаций в БДГ, «Белорусском рынке», «Minsk economik news» и других газетах в мае 1994 г.

Часть 1. Календарь.

Системным кризисом я буду называть ситуацию, сложившуюся на всем пространстве бывшего СССР после того, как был исчерпан идеологический и программный потенциал перестройки. Говоря по-другому, после

того, как перестройка провалилась и закончилась, или после того, как «прорабы перестройки» перестали справляться с процессами, ими же самими запущенными. Начало системного кризиса можно отнести к весне 1991 года (хотя отдельные параметры кризиса были видны ещё и до этого).

Необходимым и достаточным для структурно-функционального анализа является разложение системного кризиса на пять составляющих, которые представляют собой пять самостоятельных автономных функций, сосуществующих одновременно и процессуально разворачивающихся параллельно — с одной стороны, и последовательно задающих этапы кризиса, когда один из компонентов достигает максимума и становится ведущим на отдельном этапе — с другой стороны.

Эти пять составляющих системного кризиса могут быть обозначены следующим образом:

1) кризис идеологии;
2) кризис власти;
3) кризис государственного управления;
4) кризис хозяйства;
5) кризис образа жизни.

В политологической, экономической, социологической аналитике последних лет все пять составляющих системного кризиса подробно разбирались и обсуждались, поэтому я охарактеризую их очень коротко.

КРИЗИС ИДЕОЛОГИИ представляет собой замену иждивенческого коммунистического мировоззрения, характерного для всех слоев населения тоталитарного общества, на дифференцированное отношение и мировоззрение групп, страт и классов, характерных для современного демократического, рыночно ориентированного, хозяйственно-социального уклада. Для европейских стран бывшего СССР это в первую очередь националистическое, национально-демократическое, социал-демократическое и либеральное мировоззрения. (Я пока не стану обсуждать то, что происходит в Средней Азии и Закавказье.)

КРИЗИС ВЛАСТИ представляет собой революционный по остроте переход от тотально номенклатурной концентрации примитивно организованных институтов власти к усложнению структуры властных институтов и распределению функции власти между институтами правового государства и протоэлитами, возникающими из осколков гомогенного в прошлом «советского общества». (Морфологический анализ протоэлит, складывающихся в Беларуси, мы проделаем позднее.)

КРИЗИС ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ может быть охарактеризован как демонтаж институтов государственного управления (Советы здесь идут первыми по очереди) и замена их новыми профессиональными институтами, построенными на принципиально иных механизмах. (Анализ и характеристику институтов, подлежащих демонтажу, а также критику проектов новых институтов мы осуществим на последующих собраниях аналитической группы.)

КРИЗИС ХОЗЯЙСТВА с легкой руки Егора Гайдара называется структурной реорганизацией. Такое название ничего не объясняет и отражает только то, что эта составляющая системного кризиса наименее проработана как в макроэкономике, так и в политике. В дальнейшем именно этому вопросу следует посвятить большую часть времени и сил аналитической группы. Сейчас же отметим только то, что в рамках анализа кризиса хозяйства необходимо рассматривать правовые вопросы собственности, экономические и организационные аспекты приватизации, условия и проекты санации предприятий и отраслей, открытие и запуск новых отраслей и форм хозяйствования.

КРИЗИС ОБРАЗА ЖИЗНИ представляет собой замыкающий и решающий момент прохождения всех предшествующих этапов системного кризиса. Вход на него означает необратимость реформ и начало конструктивной работы по обеспечению стабилизации хозяйственной и общественной жизни и развитию страны. Кризис образа жизни характеризуется тем, что частная жизнь каждого гражданина страны становится иной. В этом плане должны обсуждаться вопросы социальных гарантий и социального страхования, образования, медицины, планирования брака, семьи, рождаемости и т. д. Именно этот аспект системного кризиса затрагивает непосредственные интересы отдельного частного лица, но в повестку дня работы аналитической группы он будет вынесен последним.

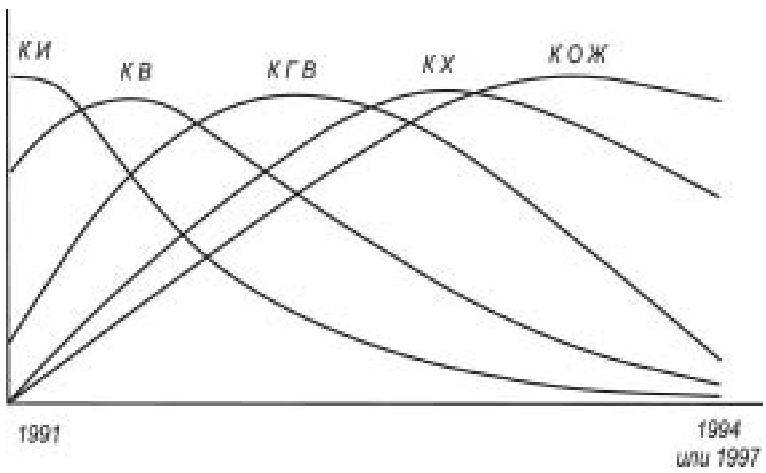

Схема системного кризиса,

Так изложенная схема системного кризиса в равной степени пригодна для структурно-функционального анализа ситуации в Беларуси, России, странах Балтии, Украины, Молдовы. При этом понятно, что в каждой из этих стран имеют место существенные особенности и нюансы. Имеет смысл ра-

зобрать эти нюансы для сравнительного анализа и корректировки курса реформ с учетом опыта и ошибок наших соседей, но этим мы займемся как-нибудь в другой раз. Сейчас нас может интересовать только одна особенность, которая проявляется, если совместить горизонтальную ось приведенной выше схемы с хронологической осью реального времени проведения реформ. Тогда названные выше страны располагаются на горизонтальной оси на разных этапах системного кризиса. Эстония, Латвия и Литва миновали пик кризиса хозяйства и вплотную приблизились к кризису образа жизни. Россия находится между этапами кризиса государственного управления и кризиса хозяйства. Где-то в этом же месте можно расположить и Молдову. Украина же и Беларусь сильно опаздывают. Бог с ней, с Украиной, нас интересует Беларусь. Ситуация в Беларуси сложнее, чем линейная последовательность этапов системного кризиса. Прежде чем характеризовать эту сложность, я скажу несколько слов о российской ситуации, чтобы обозначить точку отсчета. Это удобно по двум причинам: во-первых, потому что Россия занимает промежуточное место по темпам реформ, а во-вторых, потому что российская ситуация лучше всего проанализирована и у всех на виду.

Так вот, пик кризиса идеологии в России был спровоцирован и ускорен попыткой августовского путча ГКЧП. Победа демократических сил и легитимной президентской власти в России в августе 1991 года сделала невозможной реставрацию коммунистической идеологии, и кульминация идеологического кризиса была пройдена. После этого самым актуальным и насущным стал вопрос о власти. Этапами кризиса власти являются распад СССР и Беловежские соглашения, борьба за усиление исполнительной власти против отстающей законодательной, и к декабрю 1992 года наступила кульминация этого этапа системного кризиса. Усилившееся профессиональное правительство Черномырдина, пришедшее на смену идеологизированному правительству Гайдара, приступило к решению проблем кризиса государственного управления. Пик этого кризиса был ускорен и спровоцирован Ельциным в октябре 1993 года, а сам кризис был успешно разрешен (я сейчас не рассматриваю правовые и нравственные стороны событий, а говорю только о прагматичной стороне). Сегодня Россия на всех парах приближается к кульминации кризиса хозяйства. Вряд ли правительство Черномырдина способно справиться с задачами этого этапа, но (это мое личное мнение) я не буду заниматься гаданием на кофейной гуще, да и в Беларуси это никого не должно интересовать, здесь достаточно своих проблем. Главное, чтобы Беларусь не попалась в ловушку, которую расставляет ей Черномырдин своим заигрыванием с Кебичем, который или действительно не понимает, что это ловушка, или разыгрывает свои «крапленые карты».

Итак, о проблемах в Беларуси по схеме структурно-функционального анализа системного кризиса.

Находясь в составе СССР, Беларусь претерпевала те же самые процессы и тенденции, что и все остальные регионы. Она не отставала от остальных

частей Союза и к середине 1991 года вплотную подошла к кульминации идеологического кризиса. Но затем произошел откат назад. Беларусские политические и предпринимательские элиты не смогли воспользоваться создавшимся положением. То ли из-за робости, то ли из-за недостатка ума беларусские лидеры постарались увильнуть от той черной работы, которую обязаны были выполнить в условиях кризиса идеологии. Можно по традиции российской интеллигенции задаваться по этому поводу вопросом «кто виноват?», мы даже обязательно сделаем это в рамках морфологического анализа. А пока, оставаясь в рамках структурно-функционального анализа, я отмечу только несколько объективных факторов, из-за которых в Беларуси прошляпили идеологический кризис.

1. Беларусь сумела выжать из советского социалистического хозяйства максимум пользы для себя (опередила ее в этом отношении, пожалуй, только Литва), поэтому в Беларуси первые трудности системного кризиса проявлялись мягче, чем где бы то ни было. В 1990-1991 годах жизнь Беларуси выглядела достаточно хорошо на фоне начинающегося развала в других регионах. В Беларуси думали, что так будет всегда, а правящая номенклатура тщательно поддерживала эту иллюзию.

2. Слабость и недостаточность национального радикализма. Страны Балтии использовали национализм, даже в крайних и наиболее неприглядных его формах, как основной энергетический источник реформирования. Другого источника, кроме энергии авторитарных режимов (см. у Клямкина и Миграняна), не изобретено до сих пор.

3. Третья объективная причина может быть охарактеризована очень просто: бесплодная импотентность белорусской интеллигенции.

Можно было бы назвать еще несколько вторичных причин и факторов, и я это сделаю, если будет такая нужда. А пока важно то, что, отказавшись от эскалации кризиса идеологии и технического отношения к нему, Беларусь улеглась неподвижным тяжелым камнем в бурном потоке проходящих вокруг нее реформ. И никто так и не поставил вопрос о власти, а под лежачий камень вода не течет.

Если бы Беларусь была одна на глобусе, все было бы гораздо проще. То, что не сделано два-три года назад, можно было бы начинать делать теперь. Но увы!.. Тесная хозяйственная интеграция стран бывшего СССР вызывает в Беларуси появление негативных процессов, которые в странах Балтии и России при активном отношении идут на пользу, а Беларуси при ее пассивности только во вред. (Это все то, что связано с кризисом хозяйства, финансами, конверсией и приватизацией, всему этому мы должны посвятить отдельное собрание аналитической группы.) Потрясающая наивность массового, профессионального и политического сознания в Беларуси и вызванные этой наивностью глупые действия объясняются не недостатком ума и компетенции, не дефицитом денег и ресурсов, а исключительно бездействием, трусостью и ленью трех ведущих элит: интеллектуальной, политической и предпринимательской.

Такой черновой набросок структурно-функционального анализа в первом приближении мне кажется достаточным. Теперь мы вывешиваем схему системного кризиса в комнате собраний аналитической команды в качестве «календаря» ближайшего будущего. А также в качестве рамки для анализа, прогноза, критики и программирования зоны ближайшего развития Республики Беларусь. Для того, кто не будет удерживать этого «календаря», будет совершенно непонятно и недоступно то, что я буду говорить в третьей части своего доклада. (Вторая часть опускается.)

Часть 3. Что ждет первого президента Беларуси?

После принятия в Беларуси новой конституции начала раскручиваться предвыборная машина. Начали заявлять о себе как о кандидатах в президенты известные политические фигуры, появились новые имена и новые претензии. Судя по имеющимся материалам, кандидаты, их команды и избиратели не склонны предаваться размышлениям о том, с чем придется иметь дело будущему президенту. Кандидаты торопятся вступить в бой, а избирателям их *мітусня* мало интересна. Нам представляется, что если бы кандидаты задумались о том, что их ждет в случае победы — их энтузиазм заметно уменьшился бы. Попробуем нарисовать примерную картину, не для того, чтобы кого-то пугать, а чтобы предложить посмотреть на мир трезвыми глазами.

Мне нечего предложить вам, кроме крови,
слез, тяжелого труда и пота.
У. Черчилль

С таких слов начинал знаменитый британский политик свою очередную избирательную компанию. Претендентам на президентский пост в Беларуси тоже нечего предложить нации, кроме пота, тяжелой работы и шоковой терапии. Единственное, что они могут пообещать — не допустить крови. Дело не только в том, хватит ли у кого-то из кандидатов честности и смелости заявить такое своему народу, но и в том, сможет ли народ принять это заявление как единственную правду сегодня. Может статься, что кандидаты и избиратели предпочитают общаться друг с другом в жанре «сладких сказочек», взаимного заискивания и лести.

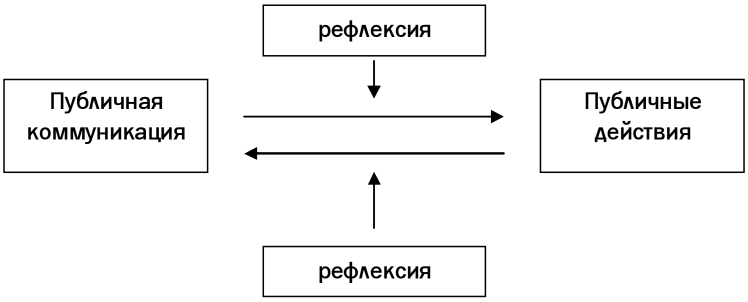
Черчиллем не рождаются. Но фигура лидера нации должна быть соразмерна тем историческим задачам, которые стоят перед страной. До последнего дня общественное сознание в Беларуси предпочитало страусиное отношение к проблемам и историческим задачам — страшно, прячем голову в песок, вдруг пронесет. Не пронесло. Все бывшие союзные республики вышли из СССР сами, а Беларусь оказалась «выкидышем» в суверенитет. Шушкевич с Кебичем подписали Беловежское соглашение, чтобы участвовать в создании на осколках Союза новой общности. Уже везде поняли, что СНГ мертворожденное дитя, только в Беларуси сохраняют наивные надежды в этом отношении. Если уж беларусы так мечтают жить в «братской семье

народов» — предлагали бы новые идеи и проекты, как это делает Казахстан и его президент. Но новых идей не выдвигается, и вот почему: никто не хочет новой «братской семьи», ни народ, ни номенклатура, ни серьезные политики. Несколько арьергардных групп, имеющих голос и допущенных к СМИ, голосят на всю страну свои замшелые догмы, номенклатура цинично делает вид, что это и есть vox populi, несформировавшиеся политические партии вяло борются с этими «ветряными мельницами», а самые насущные задачи не решаются и даже не ставятся. Начнем с непоставленных задач, а потом разберемся с поставленными, но запутанными до крайней степени бездеятельностью властей (точнее тем, что когда-то было властью, а сегодня уже «живой труп» власти).

ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ
СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ
ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ПРИВАТИЗАЦИЯ
ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА, ИДЕОЛОГИИ И СОЗНАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ И СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВА
СТРУКТУРНАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА
КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА
СОЗДАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
БЕЛАРУСИЗАЦИЯ

Все эти темы должны быть проработаны с содержательной стороны в аналитической группе, после чего должно начаться формирование групп и команд по реализационно-техническому обеспечению этих тем. Под каждую тему должна быть сформирована междисциплинарная профессиональная команда, работающая постоянно, а не от случая к случаю. Рамки работы этих команд задаются из двух источников: из аналитической деятельности, которую мы здесь начинаем; из властной функции, которая локализована в аппарате президента. Без этих двух источников рамок не может быть нормальной профессиональной работы, все будет скатываться либо к интеллигентщине, либо к тупым чиновническим схемам.

Если справедливо то, что мы обсуждали в начале статьи, то время человеческой деятельности определяется не вращением планеты, а «обращением» человеческих дел и последовательностью событий, в которые люди вовлечены, сменой решаемых задач и последовательностью целей. Если есть резон в приведенном фрагменте аналитики 1994 года, то в метафорах деятельности можно сказать, что беларусская политика с 1994 по 1997 год находится «на каникулах», а в метафорах игры — либо «партия отложена», либо политика оказалась «вне игры». Что делает шахматист, когда партия отложена? Он анализирует сделанные ходы и планирует дальнейшие, советуется с тренерами — он рефлектирует партию. Рефлексия — обязательный

компонент политики. Она обеспечивает прямую и обратную связь между общественной мыслью и общественным действием.

В политике никто не застрахован от ошибок, именно рефлексия помогает их исправлять, рефлексия устраняет боязнь политических ошибок. Поэтому К. Поппер и Дж. Сорос настаивают на аксиоме всеобщей «погрешимости человека и деятельности» — как принципе открытого общества и демократии. Непогрешимым политическим вождям и харизматическим лидерам рефлексия не нужна, у них просто не может быть неправильных действий. Вот только такого не бывает. Погрешимыми были даже любимые Богом политические персонажи Ветхого завета. Моисею было заказано войти в Землю обетованную за грехи, Давид грешил, и только мелкие тираны XX века претендуют на непогрешимость.

В 1994 году аналитическая группа АГТ сравнивала возможности кандидатов в президенты по решению поставленных задач. Лукашенко был признан самым неспособным, но мнение избирателей не совпало с мнением аналитиков. Мы тогда намеренно отказались предсказывать результаты выборов, проблема состояла не в этом. Проблема была в том, что перед страной и, соответственно, перед главой государства стоят объективные проблемы и задачи. Кого бы ни предпочли избиратели — ему и решать задачи. Даже если побеждает самый неспособный, он должен (его подталкивает к этому объективный ход событий и деятельность оппозиции) заниматься не тем, чем хочет, а проблемами страны. Но этот тезис справедлив только тогда, когда в стране есть публичная политика, есть рефлексия публичной политической коммуникации и деятельности. В 1994 году зачатки публичной политики в Беларуси уже были, были заложены основы демократии и разделения властей. Именно поэтому автор мог тогда заявлять:

ПАРАДОКС БЕЛАРУССКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

(Из статьи «Парадокс демократии и образования» в №1 газеты «Беларуская маладзёжная»).

Беларусы терпеливы. Они сверхтерпеливы. Беларусы могут терпеть нищету, насилие, произвол чиновников. Они терпеливо и упорно работают и делают, в конце концов, то, что другие бросили бы уже давно, не доведя до конца. Но терпимы ли они к иному, к противоположной точке зрения, «отличной от других»? Будь они терпимы, может быть они обнаружили бы, что «отличная от других» точка зрения заслуживает интереса и обдумывания. Не нужно торопиться менять точку зрения (потерпим, воздержимся), но обдумать, взвесить ...? Может быть в ней что-то есть?

«Беларуская маладзёжная» говорит что-то не то — не будем слушать. Закрыть, заткнуть! Газеты пишут то, чего мы не понимаем, — не давать бумаги, самим не на чем «зайчики» печатать. Газеты сами покупают бумагу? — Не выпускать из-под госконтроля! Беларусы терпят, они все стерпят. Правительство давит и зажимает свободу слова и печати? Ну и что? Ведь правительство и народ едины. Премьер не говорит ничего, чего не понимал бы любой дворник или академик, знающий только свою область науки и никогда не интересовавшийся ничем посторонним, вроде политики или экономики.

Четыре из претендентов в президенты (Кебич, Лукашенко, Новиков, Дубко) успешно эксплуатируют этот парадокс толерантности, эту особенность беларусского менталитета. Они дружно говорят народу только то, что все знают и понимают, они умалчивают то, что знают сами и знают специалисты. Народу не обязательно много знать, с их точки зрения. Когда потом народ все равно узнает, то стерпит, что его обманули. Кебич знает, что будет проводить рыночные реформы. Знает, что будет делать это хуже, чем Лукашенко, Дубко, Пазьняк и Шушкевич. Но зачем же отдавать другим столь выгодную работу. Пусть я буду делать это хуже других, но всю выгоду буду оставлять себе. Те из промышленников, финансистов, коммерсантов, чиновников, которые его поддерживают, делают это вяло и неохотно, потому что понимают, что он будет делать это хуже других. К тому же администрация Кебича «слишком дорого обходится» тем, кто вынужден с ней делиться, «чтобы не мешала». Во сколько будет обходиться другая администрация — еще неизвестно. Предприниматели тоже беларусы — «потерпим, мужики», известное зло лучше чего бы то ни было неизвестного.

Кандидаты в президенты умалчивают много такого, к чему беларусский менталитет не проявит своей легендарной толерантности.

Кандидаты умалчивают сложность отношений с Россией и проблематичность объединения денежных систем.

Став Президентом, любой кандидат (включая Новикова) будет сворачивать социальные программы, дотации и т. д., поскольку в Беларуси они разорительны в современном состоянии.

Став Президентом, любой кандидат (включая Пазьняка) будет дружить с Россией, поскольку нет другого выхода.

Став Президентом, любой кандидат (включая Дубко) будет реформировать сельское хозяйство и ставить колхозы в трудное экономическое положе-

ние, поскольку структура Агропрома плохо совместима с современными экономическими требованиями. Будет вводить частную собственность на землю.

Став Президентом, любой кандидат (включая Лукашенко) еще долго будет терпеть коррупцию, поскольку не готова законодательная база и система отношений для борьбы с нею, а их подготовка — процесс длительный. Кроме того, программа приватизации в РБ настолько плоха, что без коррупции не может быть выполнена.

Став Президентом, любой кандидат (включая Кебича) будет укреплять границы и вводить талер, поскольку это обязательное условие реформ.

Став Президентом, любой кандидат (включая Кебича) будет менять персональный состав госаппарата и принципы его функционирования, поскольку старый уже недееспособен.

Став Президентом, любой кандидат (включая Шушкевича) будет усиливать авторитарность и жесткость исполнительной власти, поскольку в процессе реформирования нет времени на препирательства с депутатами.

Можно еще долго перечислять то, что умалчивается, то, что беларусам придется терпеть, и то, к чему в высказанном виде они отнесутся нетерпимо.

Один предприниматель сказал: «Известие о банкротстве всегда неприятно, но лучше услышать о нем заранее от консультантов и аналитиков, чем из уст судебного исполнителя или кредитора».

Может пора понимать толерантность как терпимость к независимому мнению, а не как терпеливость к невзгодам.

Сегодня приходится вносить коррективы в сделанный три года назад анализ. Рефлектировать политическую деятельность. И дело не только в том, что первый беларусский президент не справился со стоящими перед страной задачами, да и изначально был не способен с ними справиться. Обсуждая действия конкретных людей и политических (псевдополитических в нашем случае) персонажей, обычно не доходят до «сути дела», до настоящих явлений. (ОТ АНАЛИТИКИ К РЕАЛИЗАЦИИ. — Март 1995г. БДГ.)

В мае прошлого года в газете «7 дней» от имени Информационно-аналитической службы поименованной газеты была предпринята попытка поспорить с аналитическими материалами Агентства гуманитарных технологий «с позиции здравого смысла». Аналитические материалы АГТ были подготовлены в апреле 1994 года, сейчас на дворе апрель 1995. В прошлом году я воздержался от полемики с «7 днями» в виду бросающейся в глаза разницы «весовых категорий» аналитиков. Мне казалось, что все и так очевидно. Но история учит только тех, кто хочет учиться. Один год — это еще даже не история, а актуальность нашей жизни. Поэтому я решил вспомнить прошлогоднюю аналитику и попытку ее оспорить.

Сначала о материале в «7 днях» № 21 за 22 мая 1994 года «Какого президента ждет Беларусь?», помещенного под рубрикой «Актуально». К сожалению, по-прежнему актуально.

Если бы откровенная апологетика Кебича в последний раз выдавалась в прессе за аналитику, говорить было бы не о чем. Но ведь такие подмены

в ходу по-прежнему. Тем, кому платят за подмену системного анализа «бессистемным» по самохарактеристике авторов, не нужно объяснять разницу. Будучи неспособными к анализу, они хорошо понимают, как замаскировать вранье под анализ, как обманывать с помощью статистики. В демократической свободной стране пресса имеет право и на такие выходки, но каждому должно воздаваться по делам его. Авторы материала доказывали, что именно Кебича вся Беларусь «жаждет» видеть президентом, они использовали данные социологической службы «Общественное мнение». У меня нет оснований сомневаться в приведенных цифрах, но я год назад видел подтасовку в методе опроса, в подмене понятий. Но люди верят цифрам, даже если неспособны разобраться, к чему они относятся. В статье приведена длинная колонка с процентами ответов, которая характеризует предрассудки советского обществоведения, но не ожидания избирателей в конкретной ситуации. Из этой массы «цифири» авторы делают вывод: Кебич «полностью соответствует требованиям». Давайте называть вещи своими именами: авторы и «социологи» либо глупы, либо лживы, а метод, которым они пользуются, также годится для анализа, как медицинский термометр для измерения эффективности экономики.

В наших аналитиках речь шла о другом. Обратим внимание на модальности названий. Наш материал в БДГ назывался: «Что ждет первого президента Беларуси». Во все времена находятся люди с таким самомнением, что решаются высказываться от имени всего народа. Они знали, какого президента «ждет Беларусь». Это знание было подкреплено авторитетом науки социологии и статистики. Нужно выставить настоящую цену такому знанию — ему грош цена. Но многим кандидатам в президенты хотелось именно такого знания. А если бы победитель стремился к знанию о том, что его ждет, и готовился к этому, то Беларусь прожила бы этот год намного эффективнее. Увы, мы привыкли ценить грошовое знание и пренебрегать тем, что ценно.

Мы в аналитиках «не предсказывали», мы анализировали соответствие программ и возможностей кандидатов в президенты тем задачам, которые стоят перед страной. «Бессистемные аналитики» «7 дней» взяли у нас пустую форму и описали соответствие качеств кандидатов предрассудкам и мифам, как показали дальнейшие события, только своим собственным предрассудкам и мифам. (Это конечно мягко сказано, если проанализировать сам текст, то видно, что авторы не верят сами в то, что написали. На учебном семинаре по логике и герменевтике я мог бы это показать студентам на сопоставлении отдельных компонентов текста.)

Аналитики должны проверяться жизнью и практикой. Воспользуемся табличкой, которая в мае прошлого года (1994) обошла полдюжины минских газет, выбросив из нее колонки кандидатов, кроме Лукашенко, и дополнив оценкой прожитого страной года **(см.табл.)**.

Эта таблица была заполнена в марте 1995 года, в последний месяц демократии в Беларуси. В апреле избили группу депутатов прямо в зале заседаний парламента. Потом президент призвал граждан Беларуси не участво-

ЗАДАЧИ	Оценка возможностей Лукашенко, апрель 94	ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ И СОБЫТИЙ ЗА ПРОШЕДШИЙ ГОД (что делается или сделано)
ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ	Нет	Проведена халтурно
– УРЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ	Нет	Усилиями НБ через сопротивление правительства и ВС вяло и непоследовательно
– ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ	Нет	Деградация армии вместо демилитаризации
– ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ПРИВАТИЗАЦИЯ	Нет	Всячески тормозится или пущена на самотек
– ИНСТИТУТЫ ПРАВОВОГО ОБЩЕСТВА	Нет	Единственное достижение -- избран председатель КС
– СТРУКТУРНАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА	Нет	Стихийный развал вместо реорганизации
– ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА	Нет	Только случайные действия и ситуации
– КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА	Нет	Бессмысленная "реформа" образования, смена символики ets.
– ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА (СВОБОДА СМИ)	Нет	Все делается резко наоборот
– БЕЛАРУСИЗАЦИЯ	Нет	Пущена на самотек и принимает уродливые формы

вать в парламентских выборах заявив на всю страну, что он вообще не пойдет голосовать — все равно обманут. Тогда еще не всем было понятно, куда режим ведет страну. Потребовалось еще полтора года, прежде чем все стало очевидно.

Белорусская ситуация, при всей своей уникальности, вполне укладывается в схему возможных вариантов перехода от тоталитарного социализма к демократическим формам общественной жизни и государственного устройства.

Уже к началу 80-х годов стало очевидно, что социалистические режимы в индустриальных странах Восточной Европы не способны справляться с управлением хозяйством и общественной жизнью своих стран. Результаты конкуренции «двух систем» свидетельствовали об этом столь наглядно, что исследователи, государственные деятели и политики перестали думать о повышении эффективности социализма и начали изобретать приемлемые формы трансформации общественной жизни соцстран в направлении либеральной демократии, а социалистического планового хозяйства в направлении рыночной экономики. В самом общем виде рассматривались два варианта: конвергенция, или постепенная адаптация общественной жизни и экономики социалистической страны к общемировым условиям, резкая и быстрая трансформация, или полная смена одного порядка на другой. Первый вариант был возможен в трех странах: в Венгрии, Польше и Югославии, в этих странах социализма было меньше всего как в экономике, так и в общественной жизни, кроме того, здесь раньше других стали думать о трансформации. Но удержаться на этом пути смогла только Венгрия. Польша и Югославия упустили время и на втором этапе вынуждены были принять вариант революционной трансформации.

Основная проблема трансформации заключается в том, что реорганизация хозяйства страны по принципам рыночной экономики производится либо согласованными усилиями всех слоев населения с помощью институтов гражданского общества, если такие институты в стране есть и они работоспособны, либо это делается авторитарными режимами с почти диктаторскими полномочиями через «шоковую терапию». В последнем случае переходные правительства сталкиваются с проблемами обуздания охлократического и популистского сопротивления. СССР и страны восточной Европы почти одновременно вступили в период такой резкой трансформации и сразу же проявились культурные различия стран этого региона, которые и определяют ход и успешность реформ. При всей уникальности и непохожести стран в регионе можно выделить три отчетливых типа, которые совпадают с конфессиональными признаками.

Примеры успешных реформ при мягком течении процессов трансформации с опорой на институты гражданского общества дают страны с протестантскими традициями: Восточная Германия, Эстония и Латвия, к ним примыкает Чехия.

Вторую группу составляют католические страны, где экономические реформы проводятся авторитарными режимами с параллельным созданием институтов гражданского общества: Словения, Польша, Хорватия, Литва, Словакия.

Наиболее сложно процессы трансформации проходят в православных и нехристианских странах: Россия, Украина, Беларусь, Молдова, Румыния, Сербия, Болгария, Македония, Грузия, Армения и мусульманские государства Средней Азии, Албания, Босния, и Азербайджан. В этих странах если и проводятся экономические реформы, то без заметного участия институтов

гражданского общества, здесь не приходится говорить о социальном партнерстве. Диапазон политических систем в этих странах достаточно широк: от квазидемократических, как в России и Молдове, до диктаторских. Многим из этих стран не удается избежать гражданской войны, локальных вооруженных конфликтов и серьезного столкновения между социальными группами или регионами. Социалистические формы организации общественной жизни усиливаются в этих странах конфессиональными традициями и культурными стереотипами. Реформаторам в этих странах приходится преодолевать этатизм, патернализм и коллективизм в сознании своих граждан. Проблемы переходного периода усугубляются здесь необходимостью «культурной революции». Культурный фактор становится определяющим для этих стран на данном этапе трансформации. Именно этим фактором определяются и схожесть, и различия политической и экономической ситуации в группе православных европейских стран, например ситуации зимы 1996-97 годов в Минске, Белграде и Софии. В 1985-90 годах перед всеми странами «второго мира» стояли общие проблемы. Десятилетний опыт решения этих проблем привел к накоплению разнообразия. Раньше можно было заимствовать наиболее удачный опыт лидеров трансформации и адаптировать его к национальным условиям. Сейчас те страны, которые оказались в арьергарде реформирования, остаются со своими проблемами один на один.

Особенность Беларуси заключается только в том, что здесь экономические преобразования проходят практически без участия правительства. Ни одно из трех правительств со времени провозглашения независимости не было реформаторским, до сих пор нет отчетливой концепции и программы реформ. Отдельным изменениям в направлении к рыночной экономике в стране Беларусь подверглась благодаря «импорту» экономических отношений из соседних стран. Беларусские власти вынуждено реагировали на изменение отношений на рынках бывшего СССР и на требования международной торговли. Этому способствовала слабость беларусской государственности. Сейчас ситуация принципиально иная. Режим третьей Республики уже не сможет пассивно претерпевать экономические изменения, он должен будет занять активную позицию по отношению к реформам. Эта позиция может быть либо положительной, либо отрицательной. Проблема режима в том, что он установился при массовой поддержке электората как противник экономических реформ, разгромив своих политических оппонентов — демократов, националистов и рыночников. Электорат разрешает режиму подавление гражданских свобод, но требует экономической стабилизации и преобразований, пусть даже путем отказа от политики. Существующий режим стал заложником собственных предвыборных обещаний и массового сознания.

Как и любая другая область человеческой деятельности, политика основана на знании. Не последнюю роль в этом фундаменте политики играет знание о самой политике, т. е. рефлексивное знание. Существует иллюзия, что политика — это такая же данность, как природа или космос, существующая независимо от того, что мы о ней знаем или думаем. В знаниях о природе присутствует обязательный принцип — независимость процессов (и самого зна-

ния) от наблюдателя. Предсказанное солнечное затмение произойдет в любом случае, знаем мы о нем или не знаем. Совсем не так обстоят дела в гуманитарной сфере. Если мы можем предсказать биржевой кризис, то он будет происходить совсем не так, как предсказано, не в те сроки или вообще может не случиться. Подробно эту проблематику описывает Дж. Сорос в своих рассуждениях о рефлексивности нашего знания. Нет смысла повторять аргументацию, но этот же принцип нужно применять и к политике. Не возможно заниматься политикой и не знать об этом. С другой стороны, невозможно не зная и не понимая политики заниматься ею. Посторонний наблюдатель, который интерпретирует действия людей как политические, тогда как сами люди делают нечто другое, не способен понять и объяснить действия этих людей. Что постоянно и происходит, когда события в постсоветских странах наблюдатели и аналитики пытаются описывать в терминах политики. Ту же ошибку допускают и те, кто пытается заниматься политикой в самой Беларуси. Политика как искусство ведения общественных дел предполагает, что все участники процесса действуют именно политическим образом. Но если некто действует как политик, а его оппонент или противник прибегает к военным методам или к криминальным, то сам характер взаимодействия трансформируется. При смешивании политики с другими, более простыми типами общественного взаимодействия (войной, родственными отношениями, криминальной деятельностью и даже экономикой), исчезает именно политика. Все сложные формы человеческой деятельности поддерживаются искусственно и с большими усилиями, в противном случае, они редуцируются к более примитивным формам.

Как правило, политика рассматривается только в качестве средства решения тех или иных общественных проблем. Большинство людей интересуются самими проблемами и их решением, но не средствами решения. Поэтому когда неискушенный неподготовленный ум сталкивается с проблемой, то все сознание концентрируется на проблеме, включается вся активность и энергия, а методы и средства решения остаются за пределами внимания. Цель оправдывает средства, поэтому проблемы пытаются решить самым простым, быстрым и экономичным путем. А политика не относится к самым простым, быстрым и экономичным методам, наоборот, это медленный и дорогостоящий метод решения. Конечно, война в денежном выражении может стоить дороже. Но когда решаются на развязывание войны, то не собираются идти на компромиссы. А именно компромисс выступает в таких случаях той ценой, которая рассматривается при оценке методов решения проблем. Война предлагает бескомпромиссные решения, а политика не может без компромиссов. Часто проблемы персонифицированы, поэтому распространен принцип: есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы. Поэтому стремление к простым решениям приводит к попыткам устранить проблему через устранение людей из деятельности либо из жизни. Именно так поступает администрация Лукашенко. Из деятельности устраняются выборные депутаты, независимые судьи, неподконтрольные президенту органы (например Ценртизбирком или частный бизнес). Из жизни вытесняются

конкретные люди: выдворяются из страны журналисты, арестовываются бизнесмены, лоббируется замена дипломатов и участников переговорных процессов со стороны Европы и России, с которыми официальный Минск не в состоянии договориться, предполагая, что проблема не в политической позиции, а в частном мнении частного лица.

Нельзя не признать, что такой метод решения проблем по-своему эффективен. Сталину удалось так обезлюдить Советский Союз, что беспроблемная жизнь в нем продолжалась несколько десятилетий после смерти самого Сталина. Все советские люди стремились держаться подальше от любых проблем, зная, что проблемы ликвидируются вместе с людьми. Страх подавлял мысль, стремление жить входило в противоречие с результативной деятельностью. Этот страх достался в наследство и беларусским гражданам. Политика — это проблемы, мы не хотим проблем, мы хотим жить. Если в стране нет политики, то в стране нет и людей во всей полноте человеческого бытия, люди боятся быть полноценными людьми, людьми, способными иметь собственное мнение, защищать его, просто быть свободными. Если мы хотим быть людьми в Беларуси, то нам нужна политика.

Одна из первостепенных задач новых независимых государств состоит в том, чтобы создать или вырастить в стране политику. Так политика перестает быть средством решения проблем, а становится целью. У нас в Беларуси так много проблем, они такие сложные, что мы просто не можем позволить себе решать их любой ценой. Да, решенная проблема — это хорошо, но еще лучше, если она решена политическими средствами. Средство есть цель постольку, поскольку мы хотим, чтобы оно было средством. Есть проблемы, которые нельзя решить иначе, чем политически, чтобы их решить, нужна политика, чтобы политикой можно было воспользоваться — она должна быть. Политика просто должна быть.

Аналитики и эксперты по частным локальным проблемам уже давно констатируют, что Беларусь не имеет той или иной частной политики. Утверждается, и вполне справедливо, что у Беларуси нет восточной политики или политики в отношении России. Нет западной политики в отношении Европы, нет экономической политики, культурной и т. д. Да и откуда эти локальные политики могут взяться? Именно целое придает смысл существованию частей. Как органы тела не обладают самостоятельной жизнью вне тела, так и в отношении других органических целостностей, не могут части существовать в своем собственном качестве в отсутствии целого. Не может быть у Беларуси восточной политики, если нет политики как таковой. Но целостность политики придает смысл существованию не только частным аспектам самой политики, но и многим другим феноменам современной общественной жизни. Например, опросам общественного мнения. В Беларуси достаточно квалифицированных социологов, которые оснащены современными методиками опросов общественного мнения, но они не придают значения методологии социологии. Методическая оснащенность не может заменить методологической рефлексии. Социологические данные часто используются в аргумента-

ции тех, кто пытается судить о происходящих в Беларуси процессах. Но социологи задают вопросы о политике людям, у которых совершенно отсутствует политическая действительность. Опрос мнения имеет смысл только тогда, когда человек может сделать сознательный выбор в пользу одного из нескольких возможных мнений. Но какой смысл спрашивать мнения у людей, у которых не может быть альтернативных мнений? Утверждается, что большинство беларусов отрицательно относятся к парламенту. А как они относятся к шебуршанчикам? Проведите опрос на тему «Жизнь или кошелек?» у людей, оказавшихся в соответствующей ситуации, и вы получите редкостное совпадение мнений. Объясните людям, что один человек очень хороший, а другой очень плохой, а потом спросите их мнение об этих людях. Французский социолог П. Бурдье утверждает, что в современном мире власть держится на номинации, на возможности называть вещи своими именами, хорошее хорошим, плохое плохим. Одно и то же явление можно назвать бунтом черни или восстанием против тирании. Поведение людей в отношении любого явления определяется тем, какое из имен этого явления они употребляют. Если в обществе все убеждены, что политика грязное дело, то поведение всех людей, считающих себя честными, будет соответствующим. Точно так же соответствующим будет и отношение к тем, кто политикой занимается. Теперь проведите опрос с целью установления рейтинга группы из N лиц, один из которых президент, а все остальные политики. Кто будет лидером? Какой разрыв будет между лидером и остальными? Много ли информации в таком опросе, есть ли в нем смысл, можно ли им руководствоваться в принятии решений? В последние месяцы на второе место в рейтинге беларусских политиков вышел Павел Шеремет[2]. Про него все знают, что он не политик. Удивительно, но только так можно стать беларусским политиком — не быть политиком.

Итак, тезис о том, что первоочередная задача для Беларуси это создание и выращивание в стране политики, достаточно рассмотрен. Но тогда закономерен вопрос: а как же это делается? Вряд ли существует единственный ответ. Воспользуемся еще раз фрагментом из доклада на аналитической группе АГТ в 1994 году.

ЭКРАН

В этой части доклада я буду говорить про одну единственную вещь, представляющуюся в большинстве подходов и форм мышления не значительной, а в том подходе, в котором я работаю (СМД-методология), это является ключевым моментом деятельностного отношения к миру.

[2] Как много все-таки потеряно с 1997 года. Было время, когда составлялись рейтинги беларусских политиков, сейчас это кажется чем-то невероятным. — *Прим. ред.*

Я не стану тратить время на опровержение мифов и иллюзий, бытующих в массовом сознании и в кругах белорусских интеллектуалов, о том, что есть и чего нет в сегодняшней Беларуси. Мое искреннее убеждение состоит в том, что в Беларуси есть все, что необходимо для достойной жизни по европейским стандартам и для развития, кроме одного: ЭКРАНА интеллектуальной работы для имитации и программирования жизни и деятельности.

Я понимаю, насколько не понятен и неприемлем этот тезис для диалектических материалистов, позитивистов, наивных реалистов всех мастей и просто для людей, не имеющих философской подготовки. Но я здесь не для академических споров. Желающие с этим разобраться могут проштудировать литературу по СМД-методологии, а те, у кого аллергия к этому подходу, пусть внимательно проштудируют работы Поппера, Хайека, Хабермаса и других методологов, идеи которых лежат в основе всех программ и практик современного мирового развития. Итак:

1. Развитой страной в конце XX века может считаться только та страна, в которой все решения относительно организации жизни и деятельности принимаются на основе проработки содержания во всех слоях и этажах мышления и сознания без какого бы то ни было исключения. При этом верхние этажи определяют содержание и материал нижних, а, ни в коем случае, не наоборот.

Каждый человек современного мира имеет право на производство и высказывание мнения, но проверка любого мнения на истинность, целесообразность и реализуемость производится через соотнесение его с содержанием «верхних этажей интеллекта». Современная демократия вырабатывает механизмы жесточайшего ценза на способность суждения.

В Беларуси пирамида организации интеллекта без «крыши». Верхние этажи как бы отсутствуют полностью. Это позволяет суждениям из курилок, очередей в магазинах, скамеек отставников-пенсионеров проникать в Верховный Совет, в правительство и определять политику государства. Беларусь — последняя страна в Европе, где такое возможно, и первая, где реализована ленинская мечта о том, чтобы каждая кухарка управляла государством.

Для ликвидации этого недостатка, для введения «крыши» необходимы:

1. Конструирование и создание ЭКРАНА; предъявление и визуализация этого ЭКРАНА для всей нации; Демонстрация на этом ЭКРАНЕ рафинированной интеллектуальной работы.

2. Экранные технологии в современном мире обеспечивают реализацию идей и проектов, которые превышают возможности индивидуального сознания и мышления. Одной из главных задач экранных технологий становится работа по расширению плана идеального. А план идеального в Беларуси предельно заужен. Пределом мечтаний среднего беларуса является стандарт потребления времен Машерова, а критерием сравнения и оценки до сих пор выступает уровень 1913 года. До тех пор пока такой

идеал и такие критерии не будут трансформированы, все разговоры о реформах будут оставаться интеллигентским трепом, а программы кандидатов в президенты — утопиями и «обманом трудящихся». О структуре, механизмах и принципах функционирования экранных технологий я расскажу в отдельном докладе, если для этого будут время, место и условия.

3. Последняя из множества задач и функций экрана, о которой необходимо сказать в этом докладе, состоит в том, что экран обеспечивает продуктивную коммуникацию между интеллектуальной и политической элитами, делает их видимыми друг для друга и необходимыми друг для друга. Коротко это можно обозначить так: интеллектуальные элиты прописывают на экране трафареты, стратегии, задачи и программы для действий политических элит и государственной власти. Без этого политические элиты и государственная власть тонут в популизме и «зашиваются» в пожарных аварийных ситуациях. В стране нарастает хаос и начинается длительный упадок.

Еще в XVIII—XIX веках на индивидуальности политического лидера можно было осуществить сборку интеллекта, воли и нравственности, в XX веке эти функции (интеллект, воля и нравственность) распределены на коллективах, общностях и элитах. Поэтому вне кооперации интеллекта и политической воли в современной цивилизации невозможна реализация власти и управления процессами развития. Условием такой кооперации является наличие ЭКРАНА и особой фигуры или позиции при ЭКРАНЕ, которая в последнее время обозначается методологами термином ИНТЕРЛОКЕР.

4. Предвыборная кампания, если ею правильно воспользоваться, создает достаточные условия для введения и закрепления ЭКРАНА в стране и «раскрутки» (пользуемся термином из шоу-бизнеса, за отсутствием лучшего) людей, способных занимать позицию интерлокера. Без этой работы будущего президента ожидает неминуемый крах и «разоблачение».

Собственно программа действий, изложенная в 1994 году по-прежнему сохраняет свою актуальность. В практическом плане мы никуда не сдвинулись в Беларуси с 1994 года. Все, чем мы располагали, три года продолжает разрушаться. Но есть надежда, что мы немножко поумнели. Если это так, то — просто есть надежда.

АГЕНТСТВО
ГУМАНИТАРНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

**В будущих изданиях серии «Культурная политика»
планируется выход ранее не публиковавшихся в Беларуси
книг Владимира Мацкевича:**

«Вызывающее молчание»
«Полемические этюды об образовании»
«Введение в теорию систем. Сборник лекций»

Мацкевич В.
Беларусь: вопреки очевидности

Редактор А.Егоров
Корректор Л.Гедимин
Дизайнер обложки М.Король
Верстка И.Жизневская